

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2013. № 12 (60)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются
в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's
Periodicals Directory"

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004

Санкт-Петербург,

В. О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10

Факс: (812) 335-42-16

E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать
с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал
«Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2013
- © Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2013
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2013
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;

Артамонов В. С. — доктор военных наук, доктор технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники (Санкт-Петербург);

Гуторов В. А. — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);

Двас Г. В. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Киричук С. М. — доктор социологических наук, профессор, действительный член Муниципальной академии Российской Федерации, председатель комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера (Москва);

Понедельков А. В. — доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Ростов-на-Дону)

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Хань Лихуа — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);

Апостолов Марио — региональный советник отдела торговли и устойчивого землепользования ЕЭК ООН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Косов Ю. В. — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора;

Акопов С. В. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Васецкий А. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кириллов А. Л. — доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Китин Е. А. — кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Клюев А. В. — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Князев Е. Ю. — начальник управления научной работы Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Курзенев В. А. — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Лезеан Э. — PhD, доктор философии по политическим наукам (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук (Санкт-Петербург);

Морозов С. С. — директор российско-украинского центра «Интеграция» (Москва);

Софьяна В. Н. — доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Старовойтов А. А. — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Стрельников В. В. — доктор биологических наук, профессор (Краснодар);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 8 Е. И. КУДРЯВЦЕВА**
Индивидуальная управленческая концепция: феноменология и методика оценки управленческого усилия
- 21 В. Г. КОВАЛЬЧУК**
Современные механизмы государственного регулирования в Украине

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 29 С. В. КОРОСТЕЛЕВ**
Об эпифеноменальном характере международного права
- 35 В. Р. АТНАШЕВ**
Автономизация как средство урегулирования современных этнополитических конфликтов
- 42 С. В. АКОПОВ**
Сетевая философия и трансформация идентичности личности

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 47 В. А. ШАМАХОВ**
Развитие образования как значимая геополитическая проблема
- 52 А. П. ИСАЕВ, Н. К. ГУРКИНА**
К вопросу о культурно-исторических основах Таможенного союза

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 61 О. А. АКСЁНОВА, Д. В. ИВАНОВА**
Моделирование социально-экономического развития районов Республики Саха (Якутия) методом главных компонент

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 70**
- 75 Т. А. АРТАШКИНА**
Проблема чистоты педагогического эксперимента в условиях модернизации российского образования
- 84 М. А. КАШИНА**
Использование гендерного ресурса развития как социальная инновация в государственном управлении
- 92 А. И. СОСНИЛО, Н. В. ЯКОВЛЕВА**
Общие этические нормы и ценности Германии и России как основа межрегионального сотрудничества
- 99 А. Г. СМЕХ**
Перспективы повышения результативности функционирования инновационной системы мегаполиса

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 108 В. Б. АЛЕКСАНДРОВ, А. А. КОЛЬЦОВА**
Идея человеческого ранга в философии И. А. Ильина
- 114 Ю. В. ТОТ**
Реорганизация полиции в проекте Административно-полицейской реформы 1870 г.
- 121 А. И. ЛУШИН**
О некоторых особенностях становления системы ГУЛАГа (на примере Учреждения ЖХ-385)
- 127 Е. С. СТЕЦКЕВИЧ**
Коронации российских императоров XVIII в. и их отражение в изобразительном искусстве

A LINEA

- 134 В. А. КАЛИНОВСКИЙ**
Управление бизнес-процессами как особыми ресурсами организации
- 140 С. А. ДАНИЛЕНКО**
Создание модели государственно-частного партнерства в развитии цифрового вещания Украины как необходимое условие информационной открытости органов государственной власти и местного самоуправления
- 147 С. Д. ВОВЧЕНКО**
Организационно-правовой механизм защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в Украине
- 154 В. И. ШАНДРИК**
Европейская практика функционирования механизмов публично-частного партнерства

ГОДОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ

- 162** Публикации журнала «Управленческое консультирование» в 2013 г.

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 8 E. I. KUDRYAVTSEVA**
Individual Administrative Concept: Phenomenology and Technique
of an Assessment of Administrative Effort
- 21 V. G. KOVALCHUK**
Modern Mechanisms of State Regulation in Ukraine

POLICY AND LAWFUL STATE

- 29 S. V. KOROSTELEV**
About Epiphenomenal Nature of International Law
- 35 V. R. ATNASHEV**
Autonomization as a Means of the Resolution of Ethnopolitical Conflicts
in the Modern World
- 42 S. V. AKOPOV**
Network Philosophy and Transformation of Identity of the Personality

EURASIAN STUDIES

- 47 V. A. SHAMAKHOV**
Development of Education as an Important Geopolitical Problem
- 52 A. P. ISAEV, N. K. GURKINA**
On the Question of Cultural and Historical Bases of the Customs Union

POWER AND ECONOMY

- 61 O. A. AKSYONOVA, D. V. IVANOVA**
Modeling of Socio-economic Development of Regions of the Republic
of Sakha (Yakutia) by Principal Component Analysis

SOCIETY AND REFORMS

- 70**
- 75 T. A. ARTASHKINA**
Integrity of Pedagogical Experiment in the Context of Modernization
of Russian Education
- 84 M. A. KASHINA**
The Using of Gender Resource of Development as a Social Innovation
in Public Administration
- 92 A. I. SOSNILO, N. V. IAKOVLEVA**
General Ethics Values of Germany and Russia as a Basis Interregional
Cooperation
- 99 A. G. SMEKH**
Prospects for Increasing the Effectiveness of the Functioning
of the Innovation System of the Megapolis

HISTORY AND CULTURE

- 108 V. B. ALEKSANDROV, A. A. KOLTSOVA**
Idea of the Human Rank in the Philosophy of I. A. Ilyin
- 114 YU. V. TOT**
Police Reorganization in the "1870 Administrative Police Reform" Project
- 121 A. I. LUSHIN**
On Some Features of Formation of System of GULAG (on the Example of ZhH-385 Institution)
- 127 E. S. STETSKEVICH**
Crownings of the Russian Emperors of the XVIII Century and their Reflection in the Fine Arts

A LINEA

- 134 V. A. KALINOVSKIY**
Business Processes Management as Special Resources of the Organization
- 140 S. A. DANILENKO**
Creation of Model of State-private Partnership in Development of a Digital Broadcasting of Ukraine as a Necessary Condition of Information Openness of Public Authorities and Local Government
- 147 S. D. VOVCHENKO**
The Organization-Law Mechanism to Protect of Population and Territories from Extraordinary Situations in Ukraine
- 154 V. I. SHANDRIK**
The European Practice of Mechanisms Public-private Partnership

ANNUAL CONTENT

- 162** Content of the Journal "Administrative consultation" for 2013

*Уважаемые коллеги, авторы,
читатели!*

Приближается Новый год! Редакция журнала «Управленческое консультирование» поздравляет наших друзей и партнеров, членов редакционного совета и редакционной коллегии, представителей политики, бизнеса, образования, ученых, всех участвовавших в минувшем году в проектах нашего издания. Именно вы являетесь лучшими соавторами, и высокое признание качества наших материалов — это ваша заслуга! Мы хорошо понимаем, что результаты работы редакционного коллектива, успех всей организации, в первую очередь, зависят от вас.

В целом прошедший год способствовал развитию нашего издания, росту его известности и влияния. В 2013 г. мы много работали и многого добились. «Редакционный портфель» наполнен интересными и актуальными материалами. Произошли важные и значимые изменения в составе редакционного совета, в том числе международного, и редакционной коллегии. В журнале с текущего номера появилась новая постоянная рубрика — «Евразийские исследования», посвященная наиболее существенной в государственном и международном развитии постсоветского пространства теме — развитию евразийских интеграционных процессов, в которой будут публиковаться материалы, позволяющие оценить ситуацию и перспективы международной интеграции в регионе, сформировать комплексное видение проблем и новых возможностей для России и евразийских государств.

Но, конечно, основным вектором нашей редакционной политики были и останутся качество и новизна научных публикаций. По-прежнему журнал открыт для научных дискуссий, для публикации результатов исследований по вопросам государственного управления и реформирования, подготовки руководителей новой формации, для обмена мнениями.

В наступающем 2014 г. мы искренне надеемся на развитие всего того конструктивного и полезного, что было наработано за прошедшее время, на то, что журнал «Управленческое консультирование» станет одним из лучших изданий, ориентированных на целостную тематику государственного и муниципального управления, и при этом останется именно академическим изданием, способным служить площадкой для формирования нового научного сообщества. С Новым годом, друзья!

*Директор СЗИУ РАНХиГС,
главный редактор журнала
«Управленческое консультирование», д. э. н.,
действительный государственный советник
Российской Федерации 1-го класса
В. А. Шамахов*

Е. И. Кудрявцева**E. I. Kudryavtseva**

Индивидуальная управленческая концепция: феноменология и методика оценки управленческого усилия

**Individual Administrative Concept: Phenomenology
and Technique of an Assessment of Administrative Effort**

Кудрявцева Елена Игоревна

Северо-Западный институт управления —
филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры управления персоналом
Кандидат психологических наук
elena-igorevna-k@mail.ru

Kudryavtseva Elena Igorevna

North-West Institute of Management — branch
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Associate Professor of the Chair of Personnel
Management
PhD in Psychology
elena-igorevna-k@mail.ru

РЕФЕРАТ

Исследуется индивидуальная управленческая концепция как когнитивно-мотивационный комплекс, опосредующий управленческую компетентность. Представлена методика оценки содержательных характеристик индивидуальной управленческой концепции, позволяющая определить ее структуру, типологию и зависимость от формы управленческого труда.

ABSTRACT

The article examined the personal managerial conception as a cognitive-motivational complex that determine the managerial competence. Provides a methodology to assess the key characteristics of the management conception, which allows to determine its structure, typology, and the dependence on the form of managerial administrative position.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

индивидуальная управленческая концепция, управленческое усилие, актуализация проблемы, адресация усилия, концептуализация задачи, валидизация решения

KEY WORDS

personal managerial conception, managerial effort, problems actualization, direction of the efforts, conceptualization of the problem, validation of the solutions

Современные исследования в области управления все чаще обращаются к когнитивным основаниям управленческой деятельности, в которых обнаруживаются источники организационных прорывов и глобальных поражений, видится база развития взаимодействия и взаимопонимания и причина конфликтов и противостояний. Управленческие когнитивные феномены исследуются в рамках различных научных дисциплин, а имена этих феноменов кочуют из науки в на-

уку. Ярким тому примером является представление об управленческом понимании и видении, которые исследуются как в рамках менеджмента, так и в рамках психологических наук. Управленческое понимание (или управленческое познание) становится предметом пристального внимания при нарастании нестабильности экономической среды, неопределенности ситуации по отношению к имеющимся критериям ее оценки, росте потребности в постоянных изме-

нениях [13]. В этих условиях важно выявить, каковы механизмы и инструменты, посредством которых современные субъекты управленческого труда формируют управленческие замыслы и определяют способы их реализации.

Исследованиями выявлено, что руководители и менеджеры в зависимости от различных факторов (статуса, личностных особенностей, управленческого опыта) по-разному осмысливают ситуацию как управленческую [12], используют разные критерии оценки [10], различаются представлениями о необходимости и смысле организационных изменений [8]. Индивидуальные особенности управленческого понимания оказывают воздействие на управленческую интеграцию и взаимодействие [7], влияют на стратегический организационный выбор, значимый в условиях гиперконкуренции [9]. Влияние индивидуальной управленческой позиции, субъектного понимания растет в условиях размытия традиционной управленческой институализации, роста распределенного, совместного и делегированного управления, в рамках которых субъектами управления становятся не только субъекты, обладающие формальным управленческим статусом, но и иные сотрудники организации, существенно влияющие на организационную стратегию за счет активного продвижения новых идей, своего понимания ситуации и представления о способах воздействия на нее. Функция индивидуальной управленческой концепции в управленческой деятельности особенно проявляется в условиях проектного менеджмента и проектной формы повышения квалификации, которая все чаще используется не только в системе переподготовки и повышения квалификации в рамках корпоративной подготовки, но и в системе государственной гражданской службы [6].

Исследования управленческих представлений направлены на изучение различных аспектов, таких как использование потенциала подчиненных, развитие управленческого взаимодействия, стратегическое инициирование. Эти и иные

направления исследований так ли иначе опираются на положение о том, что основу действий субъекта управленческого труда, их содержание и направленность определяет индивидуальная управленческая концепция [4]. Индивидуальная управленческая концепция — системное когнитивное образование, включающее представления субъекта о смыслах, целях, средствах, границах управления, критериях определения управленческой проблемы, оценке собственной позиции по отношению к управленческой ситуации и роли в ней иных субъектов. Исследования в рамках системного и деятельностного подходов показывают, что индивидуальная управленческая концепция определяется личностными характеристиками субъекта управленческой деятельности, особенно — мотивами и ценностями, что свидетельствует о содержательной близости управленческой концепции субъекта и его управленческой компетентности. При этом управленческая концепция рассматривается именно как когнитивная основа деятельности, как особый виртуальный мир, в котором руководитель «задает маршруты движения» для себя и других [14]. В целом индивидуальная управленческая концепция может быть рассмотрена как репрезентация смысловой сферы сознания и самосознания субъекта управленческого труда. Ее содержание определяется системой представлений профессионала о мире («образ мира профессионала», по Е. П. Климову [3]) и выступает как разновидность концептуализации профессионального труда, характеристики которой различны у профессионалов и непрофессионалов [1].

Отечественные исследования индивидуальных управленческих концепций субъектов управленческого труда позволили выявить несколько важных характеристик и определить несколько типологий управленческих концепций. Т. С. Кабаченко [2], анализируя результаты исследований в этой области, резюмирует, что выявлены следующие важные характеристики индивидуальных управленческих концепций. Во-первых,

уровень управленческой успешности связан с такими характеристиками концепции субъекта управленческого труда, как качество ведущих замыслов, полнота, развернутость, гибкость, согласованность и независимость структурных элементов. Во-вторых, индивидуальные управленческие концепции субъектов с разной управленческой эффективностью характеризуются различным уровнем обобщенности целей, влияющим на широту управленческих замыслов и силу их мотивационного обеспечения. В-третьих, индивидуальные управленческие концепции линейных и функциональных руководителей различаются по структуре, что выражается в том, что линейные руководители обладают большей широтой стратегических замыслов, полнотой управленческих представлений и готовностью искать решение в любой управленческой ситуации, а функциональные руководители стремятся сузить ракурс рассмотрения управленческих ситуаций, склонны к стереотипным решениям и часто фиксируют внимание на принципиально неразрешимых вопросах. В-четвертых, индивидуальная управленческая концепция предопределяет критерии оценки эффективности, используемые субъектом для оценки своих действий и действий иных участников управленческой ситуации. Выделенные стороны индивидуальной управленческой концепции формируют разнообразные связи, объединяясь в единый сложно устроенный когнитивно-мотивационный комплекс.

Применяя методологический аппарат исследований управленческой концепции, следует иметь в виду, что большая часть работ в этой области была посвящена изучению управленческой концепции руководителя подразделения или органа управления, для которого объект и функционал управления заданы извне. В актуальной ситуации распространения распределенного и совместного управления управленческая концепция субъекта менее задана как на содержательном (понятийный компонент), так и на функциональном (действенный компонент) уровне. Именно

поэтому возникает потребность исследовать особенности управленческой концепции современных субъектов управленческого труда и обнаружить ее отличительные черты в связи с изменением условий, характера и средств реализации управления в современных организациях.

Основными методами исследования управленческих представлений, используемых в современной практике, выступают контент-анализ содержания управленческих документов, анализ актуальных метафор, используемых в управленческой практике, анализ концептуальных схем или когнитивных (причинных) карт [11; 12]. Данные объекты исследования расцениваются как валидные репрезентации различных компонентов индивидуальной управленческой концепции, раскрывающих ее структурные и содержательные аспекты. Основными содержательными компонентами индивидуальной управленческой концепции, выделяемыми рядом исследований, выступают: представление об управленческой проблеме, заключающееся в определении ситуации как нуждающейся в изменении, понимание возможностей инспирирования этих изменений посредством направленного воздействия, определение способа воздействия и своей роли в этом процессе. Анализ материалов современных исследований в области управленческой когнитивной феноменологии, прежде всего — анализ современных управленческих метафор [5], показывает, что важными компонентами «мира управления» для менеджеров и руководителей разных уровней выступают: представление о себе как о субъекте преодоления («я прорываюсь») и объекте воздействия («меня используют»); представление о других участниках управленческой ситуации как о соратниках, соперниках, нейтральных или пассивных наблюдателях, терпеливых или строптивых исполнителях, источниках воздействия и угроз; представление о ситуации как «элементе бытия», в котором отмечаются узнаваемые и непонятные черты, воспринимаемые как сигналы о необходимости типичных или новых действий, для реализации которых необхо-

димо искать ресурсы или поддержку. Для отражения особенностей собственных представлений и переживаний субъекты управленческого труда все чаще используют метафоры и аналогии, адресующие к животному миру, природным стихиям и катастрофам, спорту, войне. Сущность управления и его результат все чаще описывается не в рациональной («решение»), а в аффективно насыщенной семантике особого усилия (достижение, удержание, сопротивление, преодоление, изменение, преобразование, предельное напряжение, прорыв), отражающей субъектную цену управленческой деятельности, ее ценность и смысл.

Выявленная специфика представлений субъектов о собственной управленческой деятельности как об особых усилиях позволяет предположить, что индивидуальная управленческая концепция не является картиной «управляемого мира», а скорее выступает как «дорожная карта индивидуальных усилий». Для выяснения особенностей этой «дорожной карты» нами было предпринято исследование структуры и содержания управленческих концепций кадрового управленческого резерва различных организаций.

В качестве экспериментальной методики был использован метод пошагового построения причинной карты управленческой ситуации и вариантов ее развития [11]. Использовались искусственно сформированные (кейсы) и реальные (актуальные проблемы данной организации) ситуации. В ходе работы составлялся протокол, фиксирующий отдельные высказывания испытуемых, комментирующие элементы выстраиваемой карты, также фиксировался порядок появления на ней отдельных элементов, количество элементов и их категоризация. Содержательная категоризация производилась экспертным методом.

В результате были получены данные о характеристиках индивидуальных управленческих концепций 242 испытуемых — руководителей разного уровня и специалистов, работающих в разных организациях, всего было обработано более 1300 карт. Элементам карт были присво-

ены индексы принадлежности элемента к выделенному кластеру. Это позволило впоследствии описать каждую карту как набор чисел, соответствующих количеству элементов, принадлежащих разным кластерам. Всего экспертным путем было определено 8 содержательных кластеров причинных карт, отражающих различные стороны индивидуальных управленческих концепций (табл. 1).

Структура и состав причинных карт свидетельствуют о ключевых компонентах индивидуальной управленческой концепции и тех взаимосвязях компонентов, которые субъектом воспринимаются как наиболее значимые. Эта значимость представлена «точками роста» — элементами, появляющимися на карте первыми и представляющими собой смысловое ядро индивидуальной управленческой концепции. Различие в типах управленческих концепций заключается в том, каково содержание этого ядра, что оказывается на смысловой периферии и как организована связь между центральными и периферическими элементами. Всего выделено четыре типа структурных элементов, которые могут оказываться в центре причинной карты.

Первый из них — *актуализация проблемы*, выражающаяся в восприятии ситуации как управленческой, острое чувство необходимости действия, указание на отдельные обстоятельства как на достаточную причину принятия ответственности за ситуацию. Свидетельствует об этом появление элементов кластера «состояние объекта/ситуации», а их число указывает на силу актуализации. Сила актуализации не зависит от формального организационного статуса субъекта и отражает его готовность принять на себя ответственность за данную ситуацию и ее изменение, что выражается в связи элементов кластера «состояние объекта/ситуации» с кластерами действий собственных исполнительских или управленческих, действий без указаний способа или инновативных. Если добровольная ответственность выступает как верхняя граница диапазона актуализации (собственные действия), то нижней границей

Кластеры содержания индивидуальной управленческой концепции

Кластер	Примеры структурных элементов
Собственные исполнительские действия	Действовать по правилам, подождать, направить запрос, проанализировать, поговорить и пр.
Собственные управленческие действия	Указать, издать приказ, принудить, предупредить, принять административные меры и пр.
Иные субъекты	Должности, подразделения, компании-конкуренты, контрагенты
Состояния/действия/бездействие иных субъектов	Сотрудники ошибаются, нарушают правила, пренебрегают обязанностями, расслаблены, не имеют представлений и пр.
Действия без указания способа	Улучшить, усилить, увеличить, отрегулировать, обеспечить, поддерживать, мотивировать, направить, наказывать, контролировать, создать условия и пр.
Инновативные действия	Изменить критерии, перераспределить ресурсы, изменить порядок/структуру, создать алгоритм, создать технологию и пр.
Состояние объекта/ситуации	Резкое изменение ситуации, несостоятельность альтернатив, общепринятое понимание, тренд рынка, потом будет поздно, критическое положение, потеря управления (инициативы), агрессия конкурентов, новые веяния, нарушение правил (стандартов) и пр.
Показатель качества процесса	Отток клиентов, объем продаж, качество обслуживания, доходность, текучесть кадров и пр.
Системы	Логистика, маркетинг, продажи, обслуживание клиентов, инвестиции, взаимодействие подразделений, оценка эффективности и пр.
Обоснование	Решение вышестоящих руководителей, содержание политики организации, стратегическое направление, наличие стандарта (правила)

является отказ от восприятия ситуации как требующей дополнительных усилий со стороны субъекта управления или неготовность увидеть себя в качестве субъекта управления данной ситуацией. В исследовании получено двадцать восемь «карт бездействия», представленных субъектами, посчитавшими ситуацию не критичной и не требующей вмешательства. Пример приведен на рис. 1.

Второй компонент индивидуальной управленческой концепции — *адресация усилия*. Его содержание — определение субъекта, усилия которого должны изменить ситуацию. Он выражен во включении других субъектов (кластеры «иные

субъекты» и «состояния/действия/бездействие иных субъектов»), которым определены роли (исполнитель, руководитель), функции (эксперт, диспетчер), основания действий (просьба, указание, приказ, принуждение), срок нахождения в определенном статусе (временно, постоянно, единожды). Этот компонент обеспечивается организационной и внеорганизационной ориентированностью и осведомленностью субъекта, его интегрированностью в организационные, управленческие, профессиональные, персональные сети, позволяющие обращаться к потенциалу других людей как к собственному управленческому

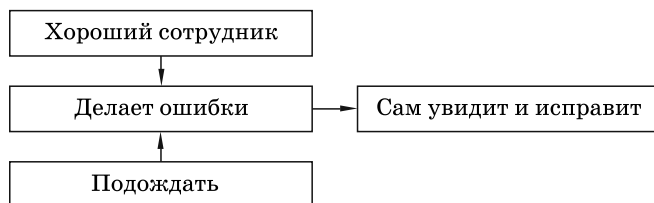

Рис. 1. Пример карты управленческого бездействия

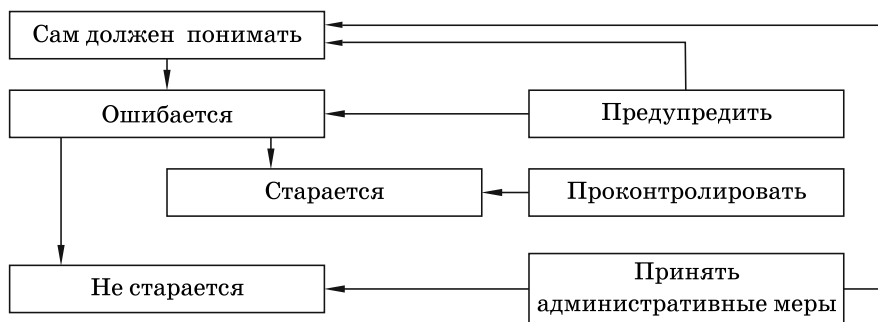
капиталу. Адресация усилия как компонент индивидуальной управленческой концепции позволяет обнаружить, на какую форму человеческого капитала как на собственный управленческий капитал опирается субъект управленческого труда: формальную (должности), функциональную (обязанности), эмоциональную (отношения); как он использует механизм власти (свою власть, власть иных субъектов управления); какой вид власти воспринимается им как основной (административная, экспертная или психологическая). Фактически адресация усилия как компонент индивидуальной управленческой концепции задает в системе управленческих представлений основную управленческую диспозицию — кто кого и как может использовать в качестве ключевого актива с целью изменения ситуации. Пример различных форм адресации в одной и той же управленческой ситуации представлен на рис. 2.

Третий компонент индивидуальной управленческой концепции — *концептуализация задачи*. Она заключена в характеристиках объектов управления как направлениях оказания управленческого усилия. Индивидуальные особенности концептуализации заключаются в том, что в качестве средства воздействия на проблемную ситуацию предлагаются действия разного качества, отнесенные в табл. 1 к кластерам «действия без указания способа» и «инновативные действия». Субъект управленческого труда не всегда определяет средство воздействия, не каждый раз указывает его носителя (исполнителя), что и позволяет обнаружить различия структуризации задач (рис. 3).

Предмет управления, соответственно, варьируется от коррекции действий под-

чиненных до реорганизации системы деятельности на уровне бизнес-процессов или бизнес-системы в целом. Концептуализация определяет индивидуальный смысл управления в актуальных условиях, позволяет определить существо управленческой проблемы и сформулировать задачи, в качестве которых выступают такие как: поддержание ситуации в ее актуальном состоянии, сдерживание факторов, способствующих ее изменению, активизация или инициация факторов перемен.

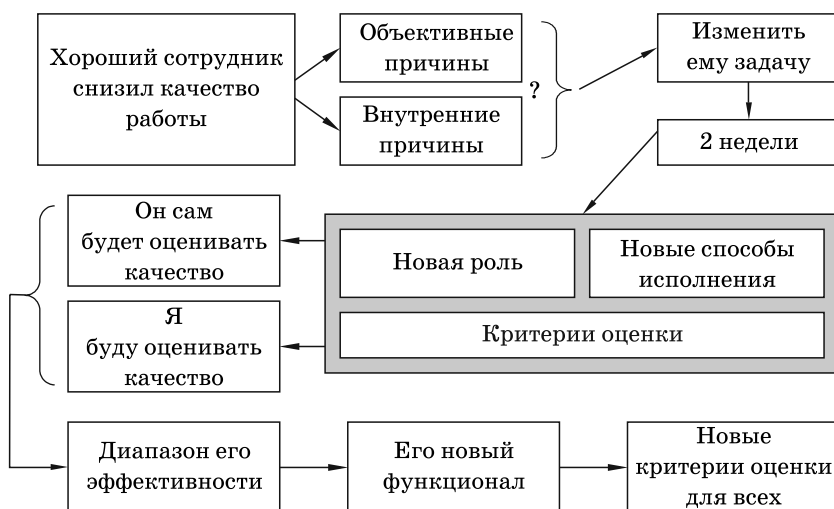
Четвертый компонент индивидуальной управленческой концепции — *валидизация*. Он заключается в интеграции представлений о возможных последствиях действия и бездействия, оценке достаточности оснований для содержательных решений о способах действия, сведения о критериях оценки, которые используют иные субъекты для оценки ситуации, ее изменений, результатов направленного воздействия. Валидизация — совокупность представлений о цене управления, она включает в себя не только критерии оценки ситуации и способов ее разрешения, но и понимание их социального веса в конкретных организационных условиях. Сами критерии могут быть как рационально-прагматическими (финансовая выгода), так и аксиологическими (честность), связанными с конкретными характеристиками организационной культуры (типичное решение для организации) или с утверждением субъектной автономности (идея, идущая вразрез с принятыми в организации подходами). Особенности отражения валидизации выступают включения в карты элементов кластеров, «показатели качества процесса», «обо-

Вариант 1. Необходимость усилия адресована другому субъекту (подчиненному)

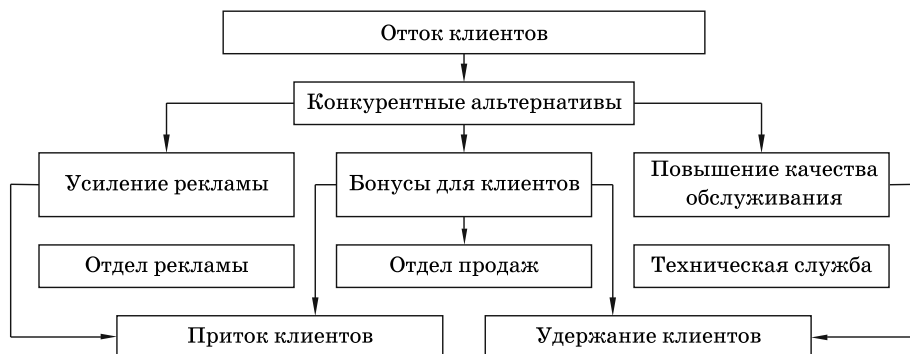

Вариант 2. Необходимость усилия адресована себе

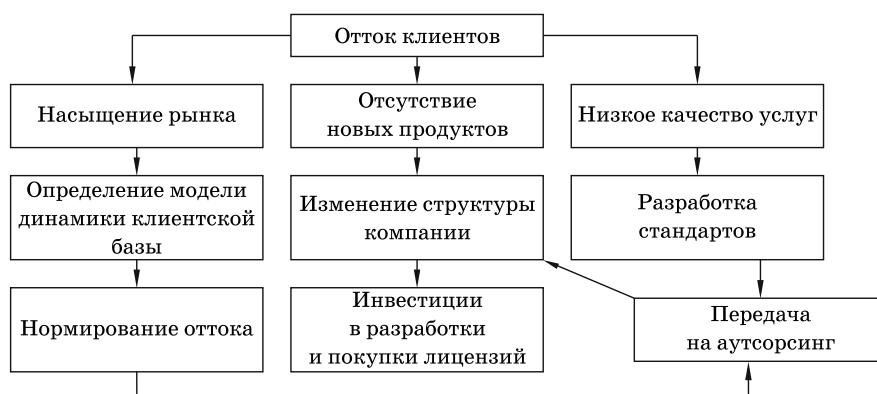

Вариант 3. Необходимость усилия адресована себе и другому субъекту (подчиненному)

Рис. 2. Примеры карт с выраженной адресацией

Вариант 1. Пример действий без указания способа

Вариант 2. Пример инновативных действий без указания исполнителя

Рис. 3. Различия структуризации одной и той же проблемы

снование» и число связей, идущих от элементов карты, принадлежащих к указанным кластерам, к другим элементам.

Следует отметить, что компоненты структуры управленческой концепции не представляют собой «цепочку действий», не раскрываются как последовательный процесс, а реализуются одновременно, создавая особые взаимовлияния. Каждый из компонентов может представлять субъективно значимую «точку роста» индивидуальной управленческой концепции как целостной системы. Разворачивание индивидуальной управленческой концепции при составлении причинных карт по-

зволяет самому субъекту обнаружить центр сосредоточения его внимания и, соответственно, центр предполагаемых усилий, который располагается в трех особых пространствах — пространстве собственных действий (которые могут быть исполнительскими, управленческими, инновативными), пространстве действий иных субъектов (конкретных лиц) и пространстве действий организации как целостной системы.

В исследовании обнаружено, что компоненты управленческой концепции, отраженные в причинных картах, складываются в два комплекса — структурный (адресация и валидизация) и функцио-

Таблица 2

Типы управленческих концепций по характеристикам причинных карт

Управленческая концепция	Инновативная	Креативная	Адаптивная	Деадаптивная
Среднее число элементов карты	12	9	7	6
Центральный структурный элемент (больше всего связей)	Концептуализация	Актуализация	Валидизация	Адресация
Повторяющиеся содержательные элементы	Иные субъекты Инновативные действия Состояние объекта/ситуации Показатель качества процесса/системы Обоснование	Инновативные действия Состояние объекта/ситуации Показатель качества процесса	Иные субъекты Состояния/действия/бездействие иных субъектов Действия без указания способа Собственные исполнительские действия	Иные субъекты Состояния/действия/бездействие иных субъектов Собственные управленческие действия

нальный (актуализация и концептуализация), содержание которых по-разному задано и связано с тем, какова разновидность управленческого труда конкретного субъекта. Структурный комплекс отчетливо проявлен при ориентации субъекта на систему институционального иерархического управления, вертикаль «руководители — подчиненные». При этом субъект себя может позиционировать в двух качествах — как непосредственный руководитель, формулирующий задачи для исполнителей, и как сторонний наблюдатель (эксперт), рекомендуемый иным лицам предпринять усилия в том или ином направлении. Этот комплекс наиболее характерен для субъектов, имеющих либо небольшой управленческий опыт, либо имеющих большой опыт в управленческих должностях низового уровня. Иной комплекс — функциональный — наиболее характерен для менеджеров, не имеющих непосред-

ственных подчиненных и управляющих процессами или ресурсами. Он выражен в том, что в причинных картах при анализе любой ситуации определены состояние объекта управления, показатели качества процесса и инновативные действия, прописывающие способы решения проблемы на организационном уровне. Даже в случае разрешения локальных проблем на уровне подразделения предлагается тиражируемое решение, которое может быть реализовано в любом подразделении при возникновении сходной ситуации. Фактически выявлено два варианта концептуального ядра индивидуальной управленческой концепции, выраженных в представлениях о сущности и направленности управленческих усилий. Структурный комплекс свидетельствует о понимании управления как механизма прямого управления: «постановка задачи — контроль — оценка». Управленческое усилие в данном случае

направлено на удержание системы в заданном состоянии, приведение или возврат в это состояние. Проблемная ситуация определяется как сбой системы, нарушение порядка. Функциональный комплекс указывает на то, что в качестве концептуального ядра выступает представление об особых управленческих продуктах, в которых должно быть отражено управленческое усилие. В качестве этих продуктов выступают новые критерии оценки, правила и границы, механизмы и структуры.

Исследование показало, что индивидуальная управленческая концепция, определяя характер управленческого усилия, задает его конкретный актуальный вектор. Усилие, моделируемое в индивидуальной управленческой концепции, рассматривается как единство рационального и эмоционального компонентов интерпретации управленческой ситуации.

На основании исследования решения управленческих кейсов и оценки формулировок управленческих предложений, идей, проектов выявлены характеристики индивидуальной управленческой концепции субъектов управленческого труда. Экспертным путем все карты были разделены на четыре группы в соответствии с характером отраженных в них четырех элементов: актуализации, адресации, концептуализации и валидизации. Обнаружено, что в 82% случаев субъекты, участвовавшие в эксперименте, создают карты одного типа в разных условиях. Проведенный анализ достоверно показывает, что причинные карты отражают особенности управленческих представлений субъекта в целом.

Индивидуальные особенности управленческих концепций позволяют определить их типологию. В исследовании выделены четыре типа индивидуальных управленческих концепций: *инновативная, креативная, адаптивная, дезадаптивная* (табл. 2). Существенным их различием выступает интерпретация собственных усилий как достаточных (дезадаптивная концепция) или как необходимых условий изменения объекта

управления, направленности усилий, представления об объекте управления, его предмете, критериях достижения целей.

Дезадаптивная управленческая концепция характеризуется тем, что субъект управленческого труда рассматривает себя как источник указаний, а основное усилие по изменению ситуации адресует иным субъектам. Дезадаптивная управленческая концепция не предполагает, что субъект управления должен создавать какие-либо инновации, он определяет себя как источник мотивации для других. Дезадаптивность данного подхода ярче всего выражена при попытках разрешения управленческих ситуаций, связанных с изменениями условий (факторы рынка, реорганизация компании, внедрение новых продуктов и технологий), в которых субъект управленческого труда и должен сформировать новые средства деятельности для себя и для организации деятельности других людей (подчиненных, партнеров). Обнаружено, что носители дезадаптивной управленческой концепции имеют существенные трудности, их управленческие компетенции (по данным внутриорганизационной оценки) оцениваются невысоко. Носителями дезадаптивной управленческой концепции оказались субъекты, которых в организациях первоначально рассматривали как потенциальный управленческий резерв, так как предполагалось, что недостатки их управленческой деятельности связаны только с отсутствием управленческого опыта. В то же время исследование показало, что тип индивидуальной управленческой концепции не связан с такими факторами, как возраст, пол, а среди носителей дезадаптивной управленческой концепции 12% — носители управленческих должностей со стажем не менее четырех лет. Общий показатель связи уровня должности и типа управленческой концепции — 0,224 (коэф. корр., по Спирмену), что в целом свидетельствует о связи этих факторов, но не говорит об однозначном соотношении уровня должности и типа индивидуальной управленческой концепции.

Адаптивная управленческая концепция характеризуется стремлением субъекта управленческого труда приспособиться к условиям, особенностям ситуации, удержать ее в соответствии с представлениями о «нормальности», связанными с ориентацией на существующие в организации правила, принципы, стандарты. В этом случае субъект осознает необходимость собственных усилий, видит его направление, но не определяет способа его реализации. Остро чувствуя необходимость действий и принимая на себя ответственность за них, субъект не может определить управленческие критерии оценки, средства и способы изменения ситуации, руководствуется эмоциональными критериями и переживает ограничения своих возможностей, связанные с формальными внешними обстоятельствами (уровень должности, структура организации, инвестиционная политика и т. д.). В исследовании обнаружено, что адаптивная управленческая концепция характерна для субъектов управленческого труда, имеющих низовые и средние функциональные управленческие должности.

Креативная управленческая концепция отражает стремление субъекта управленческого труда к созданию новых управленческих инструментов, реорганизации процессов, структур и систем организации. В этом случае субъект готов принять ответственность за разработку и реализацию собственной управленческой идеи, но, как правило, нуждается в организационной поддержке, так как не всегда представляет, какие именно иные субъекты (сотрудники, подразделения) должны быть включены в реализацию его идей. Креативная управленческая концепция заостряет внимание субъекта на противоречиях между существующими механизмами управления и требованиями ситуации, но она не всегда позволяет определить, как именно преодолеть ограничения, связанные с управленческими форматами, существующими в организации. В исследовании установлено, что носителями креативной управленческой кон-

цепции являются как субъекты с управленческим опытом, так и без него, креативная концепция не связана с факторами пола, возраста и должности, однако в большинстве случаев носителями креативной концепции выступают специалисты, работающие в стратегических подразделениях — маркетинге, телекоммуникационном обеспечении и компьютерных технологиях, службах поддержки клиентских проектов. Важно отметить, что среди носителей креативной концепции встречаются сотрудники организаций, не имеющие управленческих должностей, линейные руководители и руководители среднего и высшего звена. Тем самым определено, что направление профессиональной деятельности не определяет креативную управленческую концепцию, а, скорее, способствует ее реализации.

Инновативная управленческая концепция существенно отличается по своим характеристикам от концепций иных типов. Она предполагает полную и детализированную связь между всеми компонентами управленческой концепции — актуализацией, адресацией, концептуализацией и валидизацией. Существенной стороной инновативной управленческой концепции выступает направленность субъекта на преодоление организационных ограничений, препятствующих конструктивному и эффективному разрешению управленческих ситуаций. Именно носители инновативной управленческой концепции настаивают на стратегических организационных преобразованиях (вплоть до изменения структуры бизнеса компаний), предлагают механизмы их осуществления и детальную проработку способов и инструментов, обеспечивающих необходимые изменения. Они стремятся использовать оценочные критерии, не связанные с актуальными организационными ограничениями, и, в то же время, готовы адаптировать свои предложения и решения к существующим организационным условиям.

В целом представленное экспериментальное исследование индивидуальной управленческой концепции позволяет

сформулировать ряд выводов. Индивидуальная управленческая концепция представляет собой сложное ментальное образование, отражающее представление субъекта о сущности усилия по разрешению проблемной ситуации. Концептуальным ядром индивидуальной управленческой концепции выступает один из ее содержательных элементов, выступающих как системообразующий центр, вокруг которого структурируется и разворачивается остальное содержание. Характер концептуального ядра определяет иные особенности индивидуальной управленческой концепции — ее целостность, структурность, связность, дифференцированность, которые отражаются в характеристиках управленческих решений и действий субъекта управленческого труда. Индивидуальная управленческая концепция интегрирует представления субъекта о сущности, направленности, смысле управленческой деятельности, несет в себе когнитивный и мотиваци-

онный потенциал реализации способностей и возможностей субъекта управленческого труда, выраженный в представлениях о направленности и форме реализации усилий по изменению проблемной ситуации.

Использование метода построения причинных карт позволяет получить надежную картину индивидуальных характеристик индивидуальной управленческой концепции субъекта управленческого труда. Этот метод может быть использован в практике управления человеческими ресурсами предприятий и организаций с целью диагностики управленческой компетентности субъектов управленческого труда и оценки управленческого потенциала сотрудников организаций в целом. Представленный метод прост в использовании и может быть одновременно применен как в диагностических целях, так и в качестве средства разрешения актуальных организационных проблем.

Литература

1. Дружилов С. А. Становление профессионализма как процесс формирования концептуальной модели профессиональной деятельности // Журнал прикладной психологии. М.: ИД «ЭКО», 2004. № 6.
2. Кабаченко Т. С. Психология управления. М.: Педагогич. общ-во России, 2005.
3. Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: Изд-во МГУ, 1995.
4. Клубов Е. П. Управленческая концепция руководителя как метод изучения профессионального мышления // Методы исследования общения и мышления в производственной деятельности. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1989.
5. Кудрявцева Е. И. Когнитивный менеджмент: концептуализация управленческой эффективности. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013.
6. Самылов П. В. Проектная деятельность как средство повышения качества профессиональной подготовки государственных служащих // Управленческое консультирование. 2011. № 2.
7. Corner P., Kinicki A. & Keats B. Integrating organizational and individual information processing perspectives on choice // Organizational Science. 1994. Vol. 3.
8. Cleary C. & Packard T. The Use of Metaphors in Organizational Assessment and Change // Group and Organization Management. 1992. N 17.
9. Gavetti G. The New Psychology of Strategic Leadership // Harvard Business Review. 2011. N 7.
10. Geisler E. Measuring the Unquantifiable: Issues in the Use of Indicators in Unstructured Phenomena // International Journal of Operations and Quantitative Management. 1995. N 1.
11. Hodgkinson G. P., Maule A. J. & Brown N. J. Causal cognitive mapping in the organizational strategy field: a comparison of alternative elicitation procedures // Organizational Research Methods. 2004. N 7.
12. Hill R. C. & Levenhagen M. Metaphors and Mental Models: Sensemaking and Sensegiving in Innovative and Entrepreneurial Activities // Journal of Management. 1995. N 21.
13. Meindl J. R., Stubbart C. & Porac J. F. Cognition Within and Between Organizations: Five Key Questions // Organization Science. 1994. N 5.

14. Wofford J. C., Goodwin V. L. & Whittington J. L. A field study of a cognitive approach to understanding transformational and transactional leadership // *Leadership Questions*. 1998. N 9.

References

1. Druzhilov S. A. Professionalism formation as process of formation of conceptual model of professional activity // *Journal of applied psychology*. M.: "EKO" Publishing House, 2004. N 6.
2. Kabachenko T. S. Psychology of management. M.: Pedagogical society of Russia, 2005.
3. Klimov E. A. Image of the world in polytypic professions. M.: Moscow State University publishing house, 1995.
4. Klubov E. P. The administrative concept of the head as a method of studying professional thinking / *Methods of research of communication and thinking in a production activity*. Yaroslavl: Yaroslavl State University publishing house, 1989.
5. Kudryavtseva E. I. Cognitive management: conceptualization of administrative efficiency. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University publishing house, 2013.
6. Samylov P. V. Design activity as means of improvement of quality of vocational training of civil servants // *Administrative consultation*. 2011. N 2.
7. Corner P., Kinicki A. & Keats B. Integrating organizational and individual information processing perspectives on choice // *Organizational Science*. 1994. Vol. 3.
8. Cleary C. & Packard T. The Use of Metaphors in Organizational Assessment and Change // *Group and Organization Management*. 1992. N 17.
9. Gavetti G. The New Psychology of Strategic Leadership // *Harvard Business Review*. 2011. N 7.
10. Geisler E. Measuring the Unquantifiable: Issues in the Use of Indicators in Unstructured Phenomena // *International Journal of Operations and Quantitative Management*. 1995. N 1.
11. Hodgkinson G. P., Maule A. J. & Brown N. J. Causal cognitive mapping in the organizational strategy field: a comparison of alternative elicitation procedures // *Organizational Research Methods*. 2004. N 7.
12. Hill R. C. & Levenhagen M. Metaphors and Mental Models: Sensemaking and Sensegiving in Innovative and Entrepreneurial Activities // *Journal of Management*. 1995. N 21.
13. Meindl J. R., Stubbart C. & Porac J. F. Cognition Within and Between Organizations: Five Key Questions // *Organization Science*. 1994. N 5.
14. Wofford J. C., Goodwin V. L. & Whittington J. L. A field study of a cognitive approach to understanding transformational and transactional leadership // *Leadership Questions*. 1998. N 9.

В. Г. Ковальчук

V. G. Kovalchuk

Современные механизмы государственного регулирования в Украине

Modern Mechanisms of State Regulation in Ukraine

Ковальчук Вероника Геннадьевна

Харьковский региональный институт государственного управления
Национальной академии государственного управления при Президенте Украины
Доцент кафедры экономической политики и менеджмента
Чугуевская районная государственная администрация Харьковской области
Заместитель председателя
Кандидат экономических наук
coveron@ukr.net

Kovalchuk Veronika Gennadievna

Kharkiv Regional Institute of Public Administration of the National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine
Associate Professor of the Chair of Economic Policy and Management
Chuguyiv District State Administration of Kharkiv Region
Deputy Chairman
PhD in Economics
coveron@ukr.net

РЕФЕРАТ

В статье исследуются понятие, содержание, структура и классификация механизмов государственного управления, что дает возможность сформулировать конкретный механизм управления в местных органах исполнительной власти. В результате проведенного анализа определено, что особенностью формирования механизмов государственного управления регионами Украины в условиях инновационного развития государства является сужение функции прямого воздействия государства на социально-экономическую сферу, что позволит больше сосредоточиться на методах косвенного и неформального влияния. Автором предлагается концептуальная модель организационно-экономического механизма, которая может быть использована для совершенствования государственного управления социально-экономическим развитием на региональном уровне.

ABSTRACT

The paper examines the concept, content, structure and classification of the public administration mechanisms, which makes it possible to formulate specific administrative mechanisms for the local executive authorities. The analysis has determined that a distinctive feature of forming mechanisms for the public administration of regions of Ukraine in terms of the country's innovative development is a restriction of a direct impact of the state on the socio-economic sphere, which helps focus on the methods of indirect and informal influence.

The author proposes a conceptual model for an organizational and economic mechanism, which can be used to improve public administration of the socio-economic development at the regional level.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

механизм государственного управления, социально-экономическое развитие, регион

KEY WORDS

mechanism of public administration, socio-economic development, region

Практика богата эволюционным опытом изменения и совершенствования механизма управления удаленными территориальными составными частями государства или региона. Более обоснованно эта проблема стала решаться с

введением административно-территориальных образований. Из практической целесообразности возникли и стали непрерывно совершенствоваться административные структуры управления регионом.

Происходящие процессы трансформации экономики и общества обуславливают объективную необходимость теоретического переосмысления внутреннего содержания и назначения всех элементов механизма регулирования социально-экономического развития региона. В рамках данной статьи представляется целесообразным остановиться на анализе и определении содержания, структуры и классификации механизмов государственного управления, что позволит сформулировать конкретный механизм управления в местных органах исполнительной власти.

Основываясь на обзоре научной литературы, можно констатировать, что, будучи сложной управленческой категорией, механизм управления — многоаспектное понятие и трактуется разными учеными по-разному. Так, составными элементами данного механизма проф. В. Аверьянов определяет, во-первых, систему органов исполнительной власти, во-вторых, совокупность правовых норм, регламентирующих организационную структуру системы органов исполнительной власти, процессы ее функционирования и развития, отмечая то, что через механизм государственного управления осуществляется реализация власти (властных отношений) [5].

Исследуя преобразования механизмов государственного регулирования экономического развития, проф. А. Амосов на региональном уровне рассматривает механизм управления как совокупность форм и методов воздействия территориальных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления на реформирование и функционирование экономических субъектов во всех сегментах и звеньях хозяйства района [1].

По Г. Атаманчуку, механизм государственного управления является «инструментом» реализации исполнительной власти государства и представляет собой сложную систему государственных органов, организованных в соответствии с определенными принципами для осуществления задач государственного управления. Механизм формирования и реализации государственного управления — это совокупность и логическая взаимосвязь социальных элементов, про-

цессов и закономерностей, по которым субъект государственного управления «схватывает» потребности, интересы и цели общества в управляющих воздействиях, закрепляет их в своих управленческих решениях и действиях и практически воплощает их в жизнь, несмотря на государственную власть [2].

Словарь-справочник под ред. В. Бакуменко и В. Князева трактует механизмы государственного управления как «практические меры, средства, рычаги, стимулы, с помощью которых органы государственной власти влияют на общество, производство, любую социальную систему с целью достижения поставленных целей» [4]. Комплексный механизм государственного управления определяется как «система политических, экономических, социальных, организационных и правовых средств целенаправленного воздействия органов государственного управления». Схема реального механизма государственного управления содержит: цели, решения, влияния, действия, результаты [4].

Рассматривая механизм административного района, В. Коломийчук утверждает, что это хозяйственная система, ее строение; взаимосвязи между ее территориальными элементами, способ ее существования, система форм и методов управления хозяйственной системой, изменение ее социально-экономических состояний [7].

А. Коротич так определяет конкретные механизмы управления (в частности государственного) — это определенное орудие для осуществления целенаправленных преобразований, совокупность способов, методов, рычагов, через которые субъект управления воздействует на объект управления для достижения определенной цели. Каждый конкретный механизм управления — это, прежде всего, совокупность взаимосвязанных методов управления [8].

В. Малиновский определяет механизмы государственного управления как совокупность средств организации управленческих процессов и способов воздействия на развитие управляемых объектов с использованием соответствующих методов управления, направленных на ре-

ализацию целей государственного управления [9].

Определенное внимание механизму государственного управления как составной части системы управления, обеспечивающей воздействие на факторы, от состояния которых зависит результат деятельности управленческого объекта, уделяет Н. Нижник. Ученый подчеркивает, что факторы управления для организации могут быть внутренними (когда речь идет о механизме управления организацией) или внешними (тогда говорят о механизме взаимодействия с другими организациями).

Механизм управления включает: цели управления, элементы объекта и их связи, на которые осуществляется влияние, действия в интересах достижения целей, методы воздействия, материальные и финансовые ресурсы управления, социальный и организационный потенциалы. Реальный механизм управления всегда конкретный, поскольку направлен на достижение конкретных целей посредством влияния на конкретные факторы, и это влияние осуществляется через использование конкретных ресурсов [11].

А. Оболенский отождествляет термин «механизм государства», «государственный аппарат» и «государственный механизм». В своей монографии он высказывает мысль о том, что механизм современного государства — это пропитанная едиными, законодательно закрепленными принципами, основанная на разделении властей и наличии необходимых материальных придатков система органов государственной власти и органы местного самоуправления [12].

Как средство разрешения противоречий явления или процесса, последовательную реализацию действий, базирующихся на основополагающих принципах, целевой ориентации, функциональной деятельности с использованием соответствующих ей методов управления и направленных на достижение цели, рассматривает механизм управления проф. Г. Одинцова [6].

По мнению Г. Рудницкой, А. Сидорчука, А. Стельмаха, механизм государственно-

го управления — это искусственно созданная сложная система, предназначенная для достижения поставленных целей, которая имеет определенную структуру, совокупность правовых норм, методы, средства, инструменты государственного воздействия на объект управления [13].

Приведенная характеристика механизмов управления позволяет утверждать, что условно возможно разделение их на три типа, а именно: орудия (инструменты), системы (набор взаимосвязанных элементов) и процессы (последовательность определенных преобразований). При исследовании государственного регулирования социально-экономического развития региона следует учитывать то, что процесс является определенной последовательностью действий, этапов преобразования, а механизм, будучи более широким понятием, охватывает различные инструменты, рычаги, средства, стимулы государственного управления. Поэтому понятие «механизм» нельзя сравнивать с понятием «процесс», так же как и с понятиями «орудие» или «инструмент». Одно только существование инструментов не в состоянии обеспечить практическую реализацию государственного управления.

Анализ приведенных выше определений позволяет сделать вывод о том, что в состав механизма государственного управления, являющегося системой, кроме инструментов воздействия на объект управления, относятся также методы, рычаги, политика, правовое, нормативное, информационное обеспечение и т. д. То есть система механизма управления состоит из системы управления; социальных, правовых норм; способов определения целей; управленческого процесса как цикла действий управляющей системы, последовательно сменяющих друг друга. Методологическую основу системы государственного регулирования регионального развития составляет региональная политика.

Представляется целесообразным, что под механизмом управления в наиболее общем виде должна пониматься совокупность системных элементов, тесно взаимосвязанных между собой, при воз-

действию на один или несколько из которых происходит определенное функционирование или изменение других элементов системы, которые вызывают, в свою очередь, необходимые процессы в объектах управления.

При этом как в теоретическом аспекте, так и в реальной практике можно выделять и рассматривать в механизме регионального управления отдельные его виды (или составляющие). А именно, государственный механизм управления является сложным (комплексным) и включает в себя несколько самостоятельных механизмов, каждый из которых способен осуществлять определенное влияние на объекты управления. Как правило, в практической деятельности работают все рассматриваемые нами системные составляющие общего механизма регионального управления, причем в различных сочетаниях, пропорциях и соотношениях. Это следующие механизмы:

- экономический — управление банковской, денежно-валютной, инвестиционной, инновационной, кредитной, налоговой, страховой деятельностью;
- мотивационный — совокупность командно-административных и социально-экономических стимулов, побуждающих государственных служащих к высокоэффективной работе;
- организационный — определяет объекты, субъекты государственного управления, их цели, задачи, функции, методы управления и организационные структуры через методические указания, инструкции, нормы, нормативы и стандарты, а также результаты их функционирования;
- финансовый — обеспечивает регулирование финансовой, инвестиционной и инновационной деятельности путем составления стратегических планов развития, текущего бюджетирования и финансирования учреждений и организаций;
- информационный — вводит информационное обеспечение в государственном управлении через составление отчетности учреждений и организаций, статистических сборников и применение Интернет-ресурсов;
- политический — определяет формирование экономической, социальной, финансовой, промышленной политики;
- правовой — регулирует отношения между государством и обществом, в случае Республики Украина — через законы и постановления Верховной Рады Украины, указы Президента Украины, постановления Кабинета Министров Украины, а также приказы соответствующих министерств и ведомств.

Совершенствование правового механизма государственного управления, разработка изменений в системе законов должна быть направлена на функционирование рыночных саморегуляторов, которые тесно связаны с организационным механизмом государственного управления. Учитывая то, что ключевые концепции социально-экономического развития Украины нового десятилетия — это инновации, скорость обслуживания и качество, необходимо для более эффективного использования возможностей современных информационных технологий не только изменить устаревшие структуры и подходить к перестройке деятельности органов власти по новым принципам. Следует также предусмотреть разработку норм и нормативов по обеспечению материально-техническими и финансовыми ресурсами государственных учреждений.

Характеризуя современные задачи финансового механизма государственного управления региональным развитием, отметим, что вместо существующего сегодня в Украине директивно планового управления централизованными капитальными вложениями и монополизации функции финансирования реформа бюджетной регуляторной политики государства должна включать разработку долгосрочных концепций развития отдельных отраслей. Необходимым является предоставление права руководителям бюджетных заведений государственной и коммунальной форм собственности самостоятельно перераспределять государственные средства для потребностей заведения. Реформирование должно быть направлено на дальнейшее совершенствование форм и методов финанси-

вания путем привлечения инвестиций и долгосрочного кредитования в деятельность учреждений регионального уровня.

Особое внимание следует обратить на совершенствование информационно-обеспечения государственного управления социально-экономическими процессами, формирование единого информационного пространства Украины и национальных телекоммуникационных сетей на региональном уровне, что можно рассматривать как целостную систему, результатом функционирования которой являются новейшие идеи и оригинальные технологии. Особенность этого направления заключается в его технологической сложности и связана с необходимостью обработки значительного объема разнообразной информации, поступающей из большого количества источников, а также с высокими требованиями к оперативности и формам ее предоставления, достоверности, актуальности и безопасности.

Особенностью формирования механизмов государственного управления регионами Украины в условиях инновационного развития государства является сужение функции прямого воздействия государства на социально-экономическую сферу, что позволит больше сосредоточиться на методах косвенного и неформального влияния.

Определенный интерес, на наш взгляд, имеет также предложенная Е. Коротич классификация механизмов государственного управления в зависимости от субъектов управления [8]. Согласно ей, в Украине механизмы государственного управления делятся на такие, которые осуществляются органами управления:

- высшего уровня (Верховная Рада Украины, Президент Украины, Кабинет Министров Украины);
- областного уровня (областные советы, областные государственные администрации);
- районного уровня (районные советы, районные государственные администрации);
- местного уровня (городские, поселковые, сельские советы).

В науке выделяется ряд механизмов управления процессами социально-экономического развития региона [3; 10]. Среди них механизм, основанный на использовании рычагов саморегулирования. В этом случае главная функция государства состоит в том, чтобы определить экономико-правовые условия деятельности для всех субъектов рыночных отношений, сами отношения регулируются рынком. Обособляется механизм государственного регулирования, когда функции государства значительно шире, они не ограничиваются только сферой законодательства, включают участие государства во всех фазах воспроизводственного процесса. Также выделяется механизм стихийного регулирования, который характеризуется как пассивной ролью государства в управлении рыночной системой, так и отсутствием предпосылок для использования рычагов саморегулирования.

Самоорганизация, ярким примером которой выступает рынок, в определенной степени присуща устойчивым экономическим системам, но она малоэффективна в период перехода от одной системы экономики к другой. Кроме того, отсутствие эффективно действующих регулирующих механизмов во времена системных изменений приводит к нарастанию хаотических процессов, консервации старых деструктивных структур, ослабленному развитию. Поэтому в период становления рыночных отношений в Украине успешной предпосылкой социально-экономического развития регионов является сохранение государственного регулирования, которое используется в интересах всего общества как для активизации нужной ему деятельности, так и для ограничения нежелательных ее форм.

Поскольку в одной работе невозможно подробно рассмотреть все системные составляющие этого механизма, сосредоточимся на раскрытии различных аспектов организационно-экономической составляющей, которая по своей всеохватности, роли и ключевой значимости заслуживает изучения как вполне самостоятельный, центральный, а по сути дела, главный

механизм в системе регионального управления. Именно организационно-экономический механизм регионального управления главным образом влияет на ход различных доминирующих процессов в социальной и хозяйственной жизни регионального сообщества, выполнении задач и достижении целей. К тому же организационно-экономический механизм регионального управления в современных изменяющихся условиях общественного развития остается недостаточно изученным.

По нашему определению, организационно-экономический механизм управления регионом представляет собой сложную совокупность инструментов и процессов прямого (непосредственного) и косвенного воздействия (координации, стимулирования, регулирования) на социальные и рыночные условия жизнедеятельности регионального сообщества, обеспечивающих повышение эффективности региональной экономики и рост качества жизни населения. Концептуальная модель организационно-экономического механизма управления регионом, разработанная автором, изложена на рисунке.

Необходимо отметить, что представленный организационно-экономический механизм создается и приводится в действие органами регионального управления, которые руководствуются исключительно своей региональной политикой (разработанной в соответствии с общегосударственной социально-экономической политикой), причем с разносторонним учетом факторов внешней национальной и глобальной среды. Вместе с тем рассматриваемый организационно-экономический механизм управления регионом формируется на основе специфических принципов регионального управления, присущих ему функций, специальных структур, имеющих ресурсы, традиционных и новых методов и современных технологий управления.

В нашем понимании данный организационно-экономический механизм осуществляет следующие основные масштабные процессы влияния: непосредственное управление государственным сектором регионального хозяйства, ко-

ординацию различных видов деятельности и процессов социально-экономического развития региона, рыночное стимулирование и регулирование хозяйственного функционирования. Причем отдельные составляющие укрупненных инструментов влияния, как правило, переплетаются в различных вариациях с определенными элементами других инструментальных средств.

Например, такой ценный инструмент современного развития региона, как разработка стратегий, включает ряд аналитических, оценочных, целеполагающих, проектных, экспертных, организационных и других методических инструментов, а также тесно связан с законодательным нормотворчеством, прогнозированием, планированием и программированием развития, формированием инновационной активности, региональным маркетингом, привлечением регионального сообщества и т. д.

Аналогично и другие инструменты и составляющие их элементы взаимодействуют между собой в тех или иных сочетаниях и дополняют друг друга, что ведет к аддитивному эффекту. Поэтому всегда надо учитывать определенную комплексность воздействия различных инструментов, которые в совокупности составляют системный инструментарий организационно-экономического механизма. Важно подчеркнуть, что перечень конкретных инструментов влияния изменяется в связи с изменениями внешних и внутренних факторов, появлением новых инструментов, усовершенствованием основных элементов системы регионального управления (органов управления, структур, ресурсов, технологий и т. д.), что представляет собой активный процесс обновления.

Таким образом, можно отметить, что организационно-экономический механизм управления регионом — это многоаспектная, многогранная система инструментов и процессов воздействия, которые в реальной практике используются для получения того или иного результата, как правило, в различных, порой в сложных сочетаниях, определенных наборах и комплексах. Только на основе научно обоснованного, взаимосвязанного, вза-

Концептуальная модель организационно-экономического механизма

имодополняющего использования весьма разнообразных по содержанию, направленности и силе инструментов влияния возможно осуществление необходимого воздействия на те или иные социально-экономические процессы и обеспечение необходимой «цепной реакции» в масштабе региона для получения намеченных

результатов и синергетического эффекта. Подчеркнем, что представленные закономерности, принципы, задачи и организационно-экономический механизм составляют одну из теоретических основ науки государственного управления, которая интенсивно развивается сегодня.

Литература

1. Амосов О. Ю. Перетворення механізмів державного регулювання економічного розвитку // Державне управління та місцеве самоврядування. Х.: ХарПИ УАДУ, 2002. Вип. 2. С. 10–16.
2. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. Курс лекций. М.: Юрид. лит-ра, 1997.
3. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. 4-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
4. Державне управління: Словник-довідник / за заг. ред. В. М. Князева, В. Д. Бакуменка. К.: УАДУ, 2002.
5. Державне управління в Україні: / за заг. ред. В. Б. Авер'янова. К.: Вид-во ТОВ «СОМИ», 1999. С. 35–39.
6. Державне управління і менеджмент / за заг. ред. Г. С. Одінцової. Х.: ХарПИ УАДУ, 2002.
7. Коломийчук В. С. Соціально-економічні механізми управління адміністративним районом в системі регіонального розвитку. Львів, 2000.
8. Коротич О. Б. Державне управління регіональним розвитком України. Х.: Вид-во ХарПИ НАДУ «Магістр», 2006.
9. Малиновський В. Я. Державне управління. К.: Атіка, 2003.
10. Маршалова А. С. Управление экономикой региона. Новосибирск: Сибирское соглашение, 2001.
11. Нижник Н. Р. Системний підхід в організації державного управління. К.: Вид-во УАДУ, 1998.
12. Оболенський О. Ю. Державна служба України: реалізація системних поглядів щодо організації та функціонування. Хмельницький: Поділля, 1998.
13. Рудницька Р. М. Механізми державного управління: сутність і зміст / Р. М. Рудницька, О. Г. Сидорчук, О. М. Стельмах. Львів: ЛРІДУ НАДУ, 2005.

References

1. Amosov O. Yu. Transformation of mechanisms of state regulation of economic development // Public administration and local government. Kharkov: Kharkov Regional Institute UNAPU, 2002. V. 2. P. 10–16.
2. Atamanchuk G. V. Theory of public administration. Course of lectures. M.: Legal literature, 1997.
3. Granberg A. G. Fundamentals of regional economy. 4 ed. M.: Publishing house. SU HSE, 2004.
4. Public administration: the dictionary / under edition of V. M. Knyazev, V. D. Bakumenko. K.: UNAPA, 2002.
5. Public administration in Ukraine / Under the editorship of V. B. Averyanov. K.: JSC SOMY publishing house, 1999. P. 35–39.
6. Public administration and management / Under the editorship of G. S. Odintsova. Kharkov: Kharkov Regional Institute UNAPU, 2002.
7. Kolomyichuk V. S. Social and economic mechanisms of management of the administrative region in system of regional development. Lviv, 2000.
8. Korotich O. B. Public administration by regional development of Ukraine. Kharkov: Kharkov Regional Institute UNAPU publishing house "Master", 2006.
9. Malinovsky V. Ya. Public administration. K.: Attica, 2003.
10. Marshalova A. S. Management of region economy. Novosibirsk: Siberian agreement, 2001.
11. Nizhnik N. G. System approach in the organization of public administration. K.: UNAPU publishing house, 1998.
12. Obolensky O. Yu. Public service of Ukraine: realization of system views concerning the organization and functioning. Khmelnytskyi: Podolye, 1998.
13. Rudnitskaya R. M. Mechanisms of public administration: essence and contents / Ruble M. Rudnitskaya, O. G. Sidorchuk, O. M. Stelmakh. Lviv: ORIGU UNAPU, 2005.

С. В. Коростелев S. V. Korostelev

Об эпифеноменальном характере международного права

About Epiphenomenal Nature of International Law

Коростелев Станислав Валентинович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры международного и гуманитарного права
Кандидат юридических наук, доцент
intl@szags.ru

Korostelev Stanislav Valentinovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of the Chair of International and Humanitarian Law
PhD in Judicial Science, Associative Professor
intl@szags.ru

РЕФЕРАТ

Данная статья обращается к проблеме применения международного права ввиду его эпифеноменальной природы. Автор утверждает, что международное право является не более чем языком межгосударственного общения, к которому государства обращаются в случае необходимости легитимации своих действий. Автор обращает внимание на то, что нарушения принципов международного права не могут быть ввиду их аксиоматичного характера.

ABSTRACT

This article explores the problem addressing the application of international law because of the epiphenomenal nature of the last. Author alleges that international law is no more than a language states apply in their mutual relations when they face a need to legitimize their actions. Author stresses that there could not be a “violation of principles of international law” because these principles are postulated.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международное право, международная политика, эпифеноменальность, легитимность, толкование

KEY WORDS

international law, international politics, epiphenomenal, legitimacy, interpretation

Среди специалистов в сфере международных отношений существует достаточно прочно укоренившаяся точка зрения о том, что международное право обладает эпифеноменальными свойствами, т. е. является совершенно пассивным, а потому не играющим какой-либо существенной роли явлением, отражающим материальное (или представляющим идеальное) содержание устройства международной жизни, в реальности основанной на учете баланса сил. При этом не отрицается возможность обращения к праву при разрешении проблем международного сотрудничества. Иная не менее распространенная точка зрения рас-

сматривает право как конститутивную основу политики, когда политика получает бесспорное преимущество при обращении к юридическим аргументам, обычаям и процедурам. Но в любом случае два этих подхода являются взаимодополняющими и позволяют раскрыть сущность взаимоотношений двух связанных сфер деятельности: международного права и международной политики¹.

¹ О существующих подходах к взаимоотношениям международного права и международной политики см.: *Reus-Smit Ch., Smith S., Biersteker Th. The Politics of International Law.* Cambridge University Press; West Nyack, NY, USA (April 2004).

Основной трудностью применения международного права в проведении государствами своей политики является то, что оно преобразует то, что по существу является проблемами международной морали, в аргументы о существовании права.

Учебники по международному праву обычно начинаются с определения содержания объекта, для того чтобы создать возможность назвать это сложное явление «правом». Но даже выявленный объект чаще всего не позволяет получить ответы на вопросы: чем на самом деле является международное право, является ли оно правом вообще; каким целям оно служит, может ли оно быть регулятором международных отношений вообще?

В отношении объекта феномена «международное право» сформулировано достаточно много «принципов», которые претендуют на то, чтобы быть его методологической основой. Эти принципы можно найти, например, в Уставе ООН, в значительном числе двухсторонних и многосторонних договоров и в эвристически выводимых из реальной практики государств правилах обычного права, которые предполагаются имеющими такой же обязывающий характер, как и договоры.

В то же время в реальной жизни государства регулярно действуют таким образом, что их действия, по оценкам публицистов, политиков и ученых, являются явными нарушениями «принципов международного права». И ничего не происходит! Более того, Международный суд ООН в своей практике применяет те же «принципы международного права», которые известны тем, что они чаще «нарушаются» государствами, нежели исполняются. Может ли это быть основанием для утверждения, что правила такого рода в некотором смысле, в каком-либо вообще смысле, являются «правом»? Возможно ли предположить, что принцип вообще может быть нарушен? Скорее всего, нет, поскольку речь идет лишь о конструкции, которую мы используем для того, чтобы договориться с другими участниками международ-

ного общения о желательном для нас в данный конкретный момент состоянии международных отношений. Содержание принципа указывает на желаемое идеальное состояние международных отношений, т. е. принцип существует лишь в определении, согласованном государствами, и не может быть нарушен, как, например, не может быть нарушен закон Ома или закон всемирного тяготения.

В процессе международно-правового обоснования какого-либо действия государства (для системного обоснования применимости доктрины международного права) неизбежным образом происходит обращение к «основным принципам международного права», что по своей сути является использованием аксиоматического метода доказывания, в соответствии с которым в доказательствах можно использовать лишь аксиомы и ранее выведенные из них утверждения¹. Представляется возможным предположить, что какой-либо основной принцип международного права как «...аксиома может иметь статус утверждения, или статус предположения, или статус лингвистического соглашения о желаемом употреблении терминов... можно, например, изменить содержание аксиоматической теории, не изменив при этом ни формулировку, ни семантику аксиом, а поменяв лишь их статус, объявив, скажем, одну из них новым постулатом значения»².

Таким образом, содержание заявления о следовании доктрине ограничительного либо расширительного толкования, например, принципа неприменения силы в международных отношениях, либо права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии

¹ О существующих подходах к взаимоотношениям международного права и международной политики см.: *Reus-Smit Ch., Smith S., Biersteker Th. The Politics of International Law.* Cambridge University Press; West Nyack, NY, USA (April 2004).

² См.: *Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН: [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/0091.html> (дата обращения: 02.07.2013).*

со ст. 51 Устава ООН, зависит лишь от национальных целей государства и его национальной мощи. Опираясь одним и тем же набором принципов-аксиом, но при этом заявляя, например, о том, что «в настоящее время особую значимость приобретает принцип уважения прав человека», государства существенным образом изменяют содержание международного права, не меняя при этом его общей системы. Но то, что имеет особую значимость для этого государства, обязательно вступает в противоречие с национальными целями других участников международной системы. Следствием этого является ситуация, когда, имея в своем распоряжении детально прописанный набор основных принципов международного права и процедур разрешения международных противоречий, международная система тем не менее продолжает находиться в хаотичном состоянии, поскольку государства не стремятся создавать аутентичных правовых механизмов для регулирования своих отношений. Для того чтобы быть действительным регулятором отношений между государствами, правила должны стать приемлемыми для режимов, которые действуют на основании различных — часто противоречивых — моральных посылок. Таково оригинальное свойство международной системы: государства не объединены единой верховной властью, следовательно, у них не может быть единой политической морали.

Исследование истории актов применения военной силы государствами показывает, что международное право еще никогда в истории не ограничивало правительства государств на обращение к военной силе для обеспечения интересов государства в силу стратегической необходимости; а юридические аргументы в пользу войны лишь оформляют рациональные обоснования постоянного стремления государств к власти. Очевидным образом только это является существенным в объяснении поведения государств. Также очевидным образом, существование баланса сил является необходимым условием существования международного

права. Как заявил Х. Моргентау: «В случае отсутствия, как общности интересов, так и баланса сил, международного права не существует» [6, с. 296].

Свойство эпифеноменальности международного права происходит из относительной мощи государств. Именно вследствие этого международное право в большинстве случаев в противоречие интересам сильных держав проявляет свою слабость и неэффективность [7].

Любое обращение к военным силовым мерам опирается на моральное аргументирование, которое направлено как во внешнюю среду, так и к собственному населению, поскольку действия государства осуществляются для обеспечения интересов своих граждан во внешнем мире. Заявляемое государством международно-правовое обоснование обращения к военной силе не может служить основой для объяснения причин действительного обращения к ней, поскольку такое обоснование ни в коей мере не связано с процессом принятия решения на применение силы. Моральные же обоснования используются при принятии действительных решений, но они заявляются публично лишь только в том случае, если они могут служить идеологическим сопровождением принятия стратегических решений. В этом случае интерпретация существующего в данной сфере международного права осуществляется в соответствии с моральными установками. Таким образом, вопрос всегда состоит в том, насколько точно данные обоснования, моральные и юридические, коррелируют с действительными стратегическими интересами государства, а не насколько красиво они заявляются на международных конференциях, в концепциях и доктринах.

При продвижении своих интересов государства апеллируют к различным международным институтам, в том числе международному праву. И, что интересно, все стороны конфликта находят юридические аргументы в свою поддержку, всегда ссылаясь на одни и те же источники права. Данное явление определяется как «стратегический ле-

гализм»: использование норм права либо юридической аргументации для обеспечения достижения масштабных политических целей вне зависимости от фактических обстоятельств или содержания норм права [5, с. 9]. Здесь предполагаем необходимым отметить, что в ходе дискуссий о правомерности каких-либо действий государств используются два близких термина — «легитимность» и «легальность», — обозначающие два различных явления. «Легальность — это строгое соответствие официально существующему закону. Если сопоставить какой-то конкретный политический или юридический случай с нормами закона, мы можем однозначно решить, легально это или нелегально... Правовая оценка полностью относится к корпусу оформленного права... Термин «легитимность» относится к совершенно иной, гораздо менее однозначной и оформленной реальности. Легитимностью в политологии называют соответствие того или иного действия, той или иной политической фигуры ожиданиям всего народа, всего общества в целом. Легитимность, в отличие от легальности, — это не формальный закон, не четко сформулированная юридическая норма. Это совпадение фигуры правителя или какого-либо его действия с тем, что требуют от него общество, история, традиция, иногда чрезвычайные обстоятельства»¹.

Такое понятие легитимности достаточно наглядно демонстрирует, почему государства заявляют о своей приверженности международному праву. Международная политика является не только борьбой за физическое превосходство над противником, но также и борьбой за признание легитимности действий [4]. Мощь государства и международное признание легитимности его действий являются понятиями взаимодополняющими. Политическим фактом является то, что вера в правое/неправое дело

помогает вовлечь народы в действие, и таким образом легитимность становится источником национальной мощи. Если действия государства считаются нелегитимными, то его затраты на осуществление своей политики по обеспечению национальных интересов возрастают. Государства апеллируют к международному праву и институтам для легитимации своей собственной политики или делегитимации политики других государств, и это определяет их поведение и сказывается на результатах действий [2, с. 158]. Как отметил Р. Каган: «Легитимность является неосознанным фактором в зарубежной политике, но, как и многие неосознанные вещи, она может иметь огромное практическое значение... Ощущение нелегитимности поведения может ограничить возможности сотрудничества с государствами, которое те могли бы предложить...» [3].

Какова роль международного права в данном процессе? Ответ видится в положениях одной из теорий науки международных отношений — теории коммуникативных действий, одним из центральных положений которой является то, что «действия участников координируются не посредством эгоцентричных расчетов на успех, а посредством актов взаимопонимания. Участники не ориентируются на достижение успеха в коммуникативных действиях как основу действий; они достигают своих особых целей при условии, что могут координировать планы своих действий на основе сходно понимаемых определений ситуации» [8; с. 9]. Международное право является именно тем средством, с помощью которого государства могут доводить до мирового сообщества свои способы решения задач по защите национальных интересов, т.е. является языком международного общения, но вовсе не инструментом разрешения противоречий.

Проблема поиска такого языка является не новой не только для процесса урегулирования международного общения, но так же и в теории управления, и достаточно хорошо продемонстрирована в работах ряда ученых, в том числе

¹ См.: Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН: [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/0091.html> (дата обращения: 02.07.2013).

О. И. Ларичева и Е. М. Мошковица: «При принятии деловых (государственных, юридических, военных и др.) решений... лицо, принимающее решение, обычно должно уметь объяснить другим, почему оно приняло то или иное решение. Оно должно апеллировать к общим ценностям, к общим чувствам, к религии, логике, к оценке ожидаемых последствий и т. д. Здесь логика человеческих решений становится главной. Объясняя другим свои решения, люди могут ссылаться на любые факторы — юридические, денежные или чисто эмоциональные, важно лишь сделать логичные выводы из посылок, важно быть убедительным и в результате понятым и при этом не противоречить самому себе» [1, с. 45].

Характеризуя методы принятия решений, которыми успешно пользовались в прошлом наиболее разумные люди, данные исследователи указали, что «принимая решение, люди традиционно использовали естественное, понятное для их окружения описание проблемы на привычном языке (при ее анализе) и логику (при ее решении)» [Там же, с. 45–46].

Как показывает практика межгосударственного взаимодействия, в случае если под угрозой находятся жизненно важные интересы государства, полагание полностью на инструменты международного права может быть осуществлено лишь в ограниченном числе несложных ситуаций и лишь в редких ситуациях с положительным эффектом: международные институты, особенно в сфере обеспечения военной безопасности, до настоящего времени не имеют достаточной гибкости, не обеспечены ресурсами и не пользуются доверием государств, поскольку последние не готовы передать им свои функции по защите суверенитета. Именно поэтому в деле обеспечения выживания государства вынуждены использовать самое эффективное средство национальной мощи — военную силу.

Вопрос легитимности действий был рассмотрен в ходе работы «Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам», созданной в 2003 г. Организацией Объединенных Наций, в которую вош-

ли влиятельные политики и дипломаты, перед которой была поставлена задача разработать программу адаптации ООН к современным реалиям: «Эффективность глобальной системы коллективной безопасности, равно как и любого другого правового порядка, зависит в конечном счете не только от законности решений, но и от общего представления об их легитимности: они должны иметь под собой прочную доказательную базу и основываться на верных — в моральном и правовом отношениях — послылках»¹. Доклад группы подтвердил, что нормативная оценка любого акта применения вооруженного насилия сводится к тому, является или нет данное действие неправомерным применением силы, либо угрозой ее применения в нарушение положений современного международного права. Но даже в анализе международной организации акты применения силы поставлены перед нормами права! Констатируется, что нормативная оценка производится постфактум, т. е. признается, что государства применяют силу, заведомо нарушая «императивный» запрет на применение силы.

Но можно ли нарушить то, что выводится из событий политической деятельности и чаще всего является ориентированным на толкование результата такой деятельности, т. е. имеет реактивный характер?

Возможно, если не исходить из того, что международные отношения регулируются политическим процессом (как это происходит в реальной действительности), основанным на соотношении сил государств, а международным правом (заявление о примате международного права). Только в этом случае можно заявлять, что международно-правовое регулирование (воздействие на международные отношения при помощи норм права и других правовых средств с целью их упорядочения) непосредственно направляется на достижение поставленных

¹ Дугин А. Изъяны формальной демократии // Московские новости: [Электронный ресурс]. URL: <http://mn.ru/print.php?2006-46-22> (дата обращения: 14.02.2006).

субъектами международного общения целей, существующих в виде каких-либо абстрактных моделей. В ходе взаимодействия в рамках такой модели субъекты правоотношения обязаны руковод-

ствоваться запретами, дозволениями, в том числе позитивными обязываниями, заключенными в юридических нормах, совокупность которых по своей сути и представляет данную модель.

Литература

1. Ларичев О. И., Мошкович Е. М. Качественные методы принятия решений. Вербальный анализ решений. М.: Наука; Физматлит, 1996.
2. Joseph S. Nye, Jr. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History. 3rd edition. Longman, 2000.
3. Kagan R. Looking for Legitimacy in All the Wrong Places. Foreign Policy & Carnegie Endowment Special Report: [Электронный ресурс]. URL: http://www.ciaonet.org.ezproxy6.ndu.edu/olj/fp/fp_julaug03ab.html.
4. Kenneth W. Abbott, Robert O. Keohane, Andrew Moravcsik, Anne-Marie Slaughter, Duncan Snidal. The Concept of Legalization // International Organization. Summer 2000. 54, 3. P. 17–35. URL: <http://www.ciaonet.org.ezproxy6.ndu.edu/book/mit007/>.
5. Maguire P. Law and War: an American Story. N.Y.: Columbia University Press, 2000.
6. Morgenthau H. J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 6 Edition. N.Y.: McGraw-Hill, 1985.
7. Reus-Smit Ch., Smith S., Biersteker Th. The Politics of International Law. Cambridge University Press; West Nyack, N.Y., USA (April 2004).
8. Risse Th. Let's Argue! Communicative Action in World Politics // International Organization. Vol. 54 (1).

References

1. Larichev O. I., Moshkovich E. M. Qualitative methods of decision making. Verbal analysis solutions. M.: Nauka; Fizmatlit, 1996.
2. Joseph S. Nye, Jr. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History. 3rd edition. Longman, 2000.
3. Kagan R. Looking for Legitimacy in All the Wrong Places. Foreign Policy & Carnegie Endowment Special Report: [Электронный ресурс]. URL: http://www.ciaonet.org.ezproxy6.ndu.edu/olj/fp/fp_julaug03ab.html.
4. Kenneth W. Abbott, Robert O. Keohane, Andrew Moravcsik, Anne-Marie Slaughter, Duncan Snidal. The Concept of Legalization // International Organization. Summer 2000. 54, 3. P. 17–35. URL: <http://www.ciaonet.org.ezproxy6.ndu.edu/book/mit007/>.
5. Maguire P. Law and War: an American Story. N.Y.: Columbia University Press, 2000.
6. Morgenthau H. J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 6 Edition. N.Y.: McGraw-Hill, 1985.
7. Reus-Smit Ch., Smith S., Biersteker Th. The Politics of International Law. Cambridge University Press; West Nyack, NY, USA (April 2004).
8. Risse Th. Let's Argue! Communicative Action in World Politics // International Organization. Vol. 54 (1).

В. Р. Атнашев

V. R. Atnashev

Автономизация как средство урегулирования современных этнополитических конфликтов

Autonomization as a Means of the Resolution of Ethnopolitical Conflicts in the Modern World

Атнашев Вадим Рафаилович

Северо-Западный институт управления —
филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры международного и гуманитарного
права
Кандидат филологических наук
vatnash@hotmail.com

Atnashev Vadim Rafailovich

North-West Institute of Management —
branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Chair of International and Human Law, Associate
Professor
vatnash@hotmail.com

РЕФЕРАТ

В статье на материале трех разных государств показана важность процесса автономизации для урегулирования этнополитических конфликтов. Во-первых, предоставление индонезийской провинции Аче особого статуса расширенной автономии положило конец сепаратистской деятельности в Аче и старейшему конфликту Индонезии. Автор также проводит некоторые общие параллели между Индонезией и Россией. Во-вторых, опыт Испании как государства автономий доказывает, что баланс сильных регионов и сильного центра обеспечивает демократизацию и стабильность демократического режима. В-третьих, автономизация на юге Филиппин позволила трансформировать вооруженный конфликт и установить там относительный мир. Напротив, систематическое нарушение прав этнических меньшинств и игнорирование их законных требований приводят к эскалации конфликтов.

ABSTRACT

The article considers importance of the ethnic autonomization process in three different countries. Firstly, the special status of extended autonomy granted to the Indonesian province of Aceh put an end to the separatist activity and the oldest conflict in Indonesia. The authors note some common features in Indonesia and Russia. Secondly, the experience of Spain as a state of autonomies proves that the balance of strong center and strong regions assures the democratization and the stability of democratic regime. Thirdly, the autonomization in the south of the Philippines succeeded in transforming the armed conflict to a relative peace. Finally, regular violations of the rights of ethnic minorities and disregard of their legitimate claims often result in escalation of ethnopolitical conflicts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

этнополитический конфликт, автономия, Испания, Индонезия, Филиппины, баски, моро, меньшинства, коренные народы

KEY WORDS

ethno-political conflict, autonomization, Spain, Indonesia, Philippines, Basques, Moro, minorities, indigenous peoples

Предваряя настоящую статью, необходимо заметить, что в советской научной литературе термин «автономизация» связан прежде всего с планом И. Сталина, согласно которому в 1922 г. предусма-

тривалось провозглашение РСФСР как государства, в которое на правах автономных республик должны были войти три другие советские республики (Украинская ССР, Закавказская СФСР, Бело-

русская ССР). Однако В. Ленин считал, что «...вся эта затея, „автономизация“, в корне была неверна и несвоевременна» и может принести только вред, извращая в духе великодержавного шовинизма идеи объединения советских республик [6, с. 356]. Действительно, проект Сталина нарушал принцип самоопределения наций, так как предоставлял независимым республикам лишь право автономного существования в пределах РСФСР [5].

В XX в. во многих независимых государствах, а в СССР — в конце 1980-х гг., региональные и национальные общности стали поднимать вопрос о самоопределении, а экстремистские группы национальных элит — о создании самостоятельных государств. Для урегулирования современных этнополитических конфликтов необходимо изучать опыт различных стран, из разных частей света.

Основной идеологией этнической группы — как правило, меньшинства — является этнонационализм. Одной из основных его целей является обеспечение автономии и самоуправления (другие цели — право на территорию; признание статуса своей культуры как равного с общегосударственной) [7, с. 397]. При этом необходимо учитывать, что конфликтна не этничность сама по себе, а политическая и социально-экономическая сферы. Результаты исследования конфликтов в Испании и Канаде, проведенного Н.В. Буяновой, показали, что отнюдь не этничность легла в основу обоих конфликтов. Фундаментом национализма в Испании стали проводимая политика ассимиляции, утраченная независимость, высокий уровень экономического развития и особое геополитическое положение Страны Басков, а в Канаде — приток англоязычных иммигрантов в Квебек, усиление централистских тенденций в развитии канадской федерации [3, с. 4].

С другой стороны, наличие сильного элемента иррациональности в этнополитических конфликтах делает их наиболее трудноразрешимыми. Как указывает И.В. Данилевич, возникновение все новых противоречий и конфликтов в

национальной сфере связано в первую очередь с тем, что их корни лежат в глубоких исторических пластах [4, с. 124].

В современном мире много примеров этнополитических конфликтов, связанных с государственным устройством, когда оппозиция требует автономии для отдельной этнической общности или региона. Например, конфликты в Северной Ирландии, Иракском Курдистане, на юге Филиппин и др. На постсоветском пространстве это прежде всего конфликт в Приднестровье. Как известно, Приднестровская Молдавская Республика первоначально требовала автономии в рамках Молдовы, однако руководство Молдовы на это не пошло. В результате произошла эскалация конфликта, и приднестровцы поставили вопрос об отделении от Молдовы и обретении полной независимости.

Сходная в этом плане ситуация наблюдалась в Республике Индонезия в провинции Аче, расположенной на севере острова Суматры¹.

Одной из главных причин усиления сепаратизма в провинции Аче в 1970-е гг. стал протест против чрезмерной централизации управления. Тогда сепаратисты объявили главным врагом «яванский колониализм», а своей главной целью — создание независимого государства Аче. До 1965 г., когда к власти пришел Сухарто, Аче требовал лишь большей автономии. После нескольких лет переговоров правительство страны в 1962 г. предоставило Аче статус особого региона и автономию в вопросах религии, культуры и просвещения. Благодаря этому прекратилось мусульманское движение Дауда Бере, а деятельность других экстремистских организаций в Аче сошла на нет. Однако вскоре Сухарто ликвидировал особый статус автономии Аче, а все мусульманские партии были насильственно объединены в одну партию (Партия единства и развития). Таким образом, конфликт на севере Суматры приобрел этнический характер, хотя до этого носил больше исламскую окраску.

¹ Подробнее см. [1].

Как и в Испании при Франко, о чем речь пойдет ниже, «одной из главных причин усиления сепаратизма в индонезийской провинции Аче в 1970-е гг. стал протест против чрезмерной централизации управления» [1, с. 45].

Обострение ситуации в Аче произошло в 1999 г. после экономического кризиса 1997–1998 гг. и крушения режима Сухарто. До 2001 г. более 90% доходов от добычи углеводородов Аче направлялось центральному правительству в Джакарте¹. По новому закону об особой автономии до 70% доходов от нефти и газа стали оставаться в провинции.

Индонезийское правительство после прихода к власти в Индонезии президента Мегавати Сукарнопутри существенно усилило военный нажим на отряды сепаратистов. Сепаратистское движение было значительно ослаблено, но нейтрализовать его полностью, разумеется, не удалось. С 1 января 2002 г. индонезийское правительство формально предоставило Аче права расширенной автономии. Однако только при президенте Юдойоно (Yudhoyono) в 2005 г. удалось наконец урегулировать этот самый старый конфликт в стране. Согласно достигнутой договоренности повстанцы сложили оружие, а правительственные войска были выведены из Аче. Особый статус Аче способствовал установлению мира и прекращению сепаратистской активности, что в очередной раз продемонстрировало достоинства автономизации беспокойных регионов.

Следует отметить две общие черты Индонезии и России. Во-первых, в обществе выработался стереотип, что право сильного выше формального закона. Сила и угроза силой часто были решающим аргументом в отношении политических оппонентов и населения. Во-вторых, отсутствие гражданского общества в обоих государствах и восприятие демократии

как вседозволенности. При этом Индонезия позиционирует себя как крупнейшая демократия мира после Индии и США. Однако она вполне может считаться «имитационной демократией» или «электоральной и делегативной псевдodemократией с элементами бюрократического авторитаризма» [8].

Интересный пример автономизации унитарного государства дала Испания, где в прошлом веке шла открытая борьба между центристскими и центробежными тенденциями.

Как известно, после прихода к власти генерал Франко упразднил завоеванную в период Испанской республики автономию Страны Басков и Каталонии. Местное самоуправление было ликвидировано, национальные и региональные партии были запрещены, как и баскский язык. Баскские провинции Бискайя и Гипускоа, которые воевали на стороне республики, были объявлены «провинциями-предателями» и рассматривались как враждебные территории².

В 1978 г., когда была принята новая испанская конституция, Испания, как считали политики, была не готова к федеративному устройству. В итоге была найдена промежуточная модель между авторитарным централизмом и развитой федерацией. Начавшийся процесс автономизации в правовом плане занял четыре года. Как писал профессор Энрике Тьерно Гальван: «Государство автономий остается унитарным... Автономия же — это средство защиты различий, плюрализма и участия»³. В основе такого государства лежат общности, не обладавшие суверенитетом, и допускается лишь один суверенитет — испанского народа.

Реализация конституционных принципов потребовала восстановить прежнее административное деление, тем более что жители разных провинций по-прежнему считали себя каталонцами, басками, галисийцами, андалусийцами, астурийцами.

¹ *Les revenus de hydrocarbures sont rapatriés à plus de 90% vers le gouvernement de Djakarta*: [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.alternatives.ca/fra/journal-alternatives/publications/archives/2005/volume-11-no-05/article/province-d-aceh-en-indonesie>.

² ЭТА: Статья в энциклопедии: [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/ЭТА>.

³ Цит. по: [4, с. 124].

Новое законодательство предоставило им право на сохранение своей этнической и региональной идентичности, а муниципалитеты и новые институты гражданского общества были призваны способствовать реализации этого права.

В результате волеизъявления населения Испания была разделена на 17 крупных регионов, при этом в процессе автономизации не было учреждено ни одного нового региона, таким образом были признаны сложившиеся территории и границы. В Испании наиболее самобытными и устойчивыми являются Галисия, Каталония, Баскония, т. е. региональные образования, для которых важным фактором обретения автономии является этнический, а не просто исторический и территориальный факторы. За три века указанные регионы сумели сохранить свое этническое ядро, культуру, язык, хотя значительно отличаются друг от друга. При этом их объединяет особое геополитическое положение, так как они находятся на границах Испании с другими государствами и обладают благоприятными условиями для контактов с ними.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. реакционные силы всячески противодействовали отходу от авторитарно-унитаристского государства, выступая против линии на автономизацию: спекуляции на тему «угрозы целостности страны», «раскола народа», «демонтажа Испании» играли большую роль при подготовке военных переворотов, например, путча 23 февраля 1981 г.

В отличие от территориальных автономий условно «национальные» автономии имеют более широкие права в использовании природных ресурсов и больше возможностей для развития национальной культуры и образования [4].

Каталония и Баскония стали автономиями в 1979 г., Галисия на два года позже, но основные трудности возникли именно в Басконии. Связано это было не только с травмированной исторической памятью (достаточно упоминания уничтоженной Герники), но и с неоднородностью баскского национального движения, деятельностью экстремистских

вооруженных организаций как правого, так и левого толка, а также наличием межэтнических и социальных противоречий, поскольку большое количество наемных рабочих мигрировало из других регионов. Для заключения соглашения с центром местным властям также пришлось предпринять меры по борьбе с баскскими террористическими организациями и ограничению их влияния. В связи с этим только в Басконии было допущено региональное подчинение силовых структур, что в итоге способствовало улучшению ситуации в этом регионе.

В целом, напряженность в отношениях Центра с регионами спала к середине 1990-х гг., в том числе благодаря отказу от унификации. Получение регионами широкого набора полномочий минимизировало опасность сепаратизма. Благодаря такой политике «даже очень напряженные социальные конфликты периода модернизации, возникающие в отдельных регионах, находят мирное решение» [Там же, с. 128]. Опыт испанского государства автономий также показал, что баланс сильного центра и сильных регионов способен обеспечить демократизацию общества и устойчивость демократического режима.

Интересен и менее удачный опыт урегулирования этнополитического конфликта в одной из бывших колоний Испании — в Республике Филиппины.

Вообще, для Филиппин особое значение имеет ситуация с правами этноконфессиональных меньшинств и коренных народов. Коренные народы Филиппин представляют собой самую бедную и социально незащищенную часть населения, права которой в течение долгого времени нарушались по ряду причин: недостаточность знаний, понимания значения коренных народов и общин; отсутствие механизмов, законов и процедур защиты их прав и требований; политические и экономические интересы в отношении их территорий; наконец, отсутствие у них политических средств.

Для коренных народов во многих странах ключевым вопросом являются вопро-

сы землевладения и землепользования, прежде всего в традиционных районах их расселения. Игнорирование и тем более усугубление земельной проблемы приводят к очень серьезным последствиям, таким как, например, конфликт на юге Филиппин. В целом более 60% от общей земельной площади Филиппин относятся к родовым землям (кроме того, 62% расположено на возвышенностях). В большинстве штатов Филиппин проживают различные этнические группы, говорящие на разных языках. Ситуация становится критической, когда одна из таких групп начинает господствовать над другими, пользуясь покровительством государства в своих интересах. Кроме того, филиппинское правительство в своем стремлении к созданию единого государства часто прибегало к дискриминации этнических и религиозных меньшинств.

Как и в других районах Филиппин, на юге страны одним из главных факторов конфликта является собственность на землю, и Моро, издавна проживающие на острове Минданао и соседних островах, пострадали в результате несправедливого распределения земель со стороны центральной власти.

Другой проблемой для Моро является сохранение их самобытности, особенно в условиях массового притока переселенцев с северных островов. Колонизация такого рода является причиной для многих этнических конфликтов в разных странах. Одной из форм современного внутреннего колониализма является так называемый колониализм ренегатов, когда сами колонизаторы внедряются и возглавляют движение колонизируемых, делая вид, что они часть последних и якобы защищают их интересы. В качестве примера можно привести положение лумадов на Минданао, от имени которых выступали потомки переселенцев-северян в Бохоле или Себу, получив для себя определенные привилегии от государства и оставив ни с чем настоящих лумадов.

По мнению Мачеды, а также Линча, среди коренного населения Филиппин выделяются «исламизированные груп-

пы», так называемые Моро¹. Для понимания сложности ситуации на юге Филиппин следует учитывать, что еще с начала колониального господства Испании на Филиппинах в середине XVI в. мусульманские народы Минданао вели независимый образ жизни и противостояли попыткам колониальных властей навязать им «общенациональные» ценности доминирующей группы — католиков. Это противостояние продолжилось и после того, как Филиппины перешли под юрисдикцию США согласно Парижскому договору 1898 г.

Одним из средств, направленных на достижение политического господства на Минданао, а также на обращение его жителей в христианство, стало поощрение переселения филиппинцев-христиан на юг страны. Такая политика постепенно нарушила этнический и религиозный баланс на острове — Моро из большинства на Минданао и островах архипелага Сулу превратились в меньшинство. Сегодня они составляют лишь 17% населения региона, по-прежнему страдая от несправедливого распределения земель и других ресурсов. Даже на маленьком острове Басилан, где мусульмане составляют 71% населения, христиане владеют 75% земельных угодий, а 75% оборота местной торговли сосредоточено в руках местных китайцев². По данным ЮНЕСКО, в автономном районе мусульманского Минданао процентная доля молодых людей, имеющих менее двух лет образования, более чем в 4 раза превышает средний национальный показатель³.

Минданао, второй по величине остров Филиппин, богат природными ресурса-

¹ От испанского слова *Moro*, обозначавшего мавров, арабов. Это название восприняли местные народы, исповедовавшие ислам, на Минданао и Сулу [9, с. 1].

² Мухаметов А. Р. Война и мир по-филиппински: [Электронный ресурс]. URL: <http://wordyou.ru/kolonki/vojna-i-mir-po-filippinski.html>.

³ Скрытый кризис: вооруженные конфликты и образование. Всемирный доклад по мониторингу ОДВ. 2011: [Электронный ресурс] // Издательство ЮНЕСКО. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0019/001907/190743r.pdf>.

ми, обладает крупнейшими на архипелаге залежами нефти и газа. Однако именно здесь расположены беднейшие провинции страны. Так, в автономном районе мусульманского Минданао самая высокая детская смертность (64%) и самый низкий уровень грамотности (60%) в стране [Там же]. Моро обвиняют правительство в том, что оно стремится получить в свои руки эти месторождения. Другим спорным вопросом является решение правительства Филиппин о строительстве дамбы на главном притоке реки Минданао. После сооружения дамбы нефтеносные районы станут доступными для бурения, но тысячи гектаров плодородной земли, на которых в настоящее время расположены фермы местных жителей, напротив, окажутся под водой.

Таким образом, в результате притока мигрантов с севера Моро лишились большинства своих земель и превратились в меньшинство на родной земле. Переселенцы при помощи коррумпированных местных чиновников и полиции продолжали захватывать огромные участки земли на Минданао и устраивали на них плантации, лишая местных жителей средств к существованию. Переселение филиппинцев-христиан с севера на юг сделало из Моро самую малообеспеченную и малограмотную группу населения, поэтому Моро рассматривают политику, поощряющую такую миграцию, как посягательство на свои права.

Следует отметить, что неоднократные попытки добиться мира терпели провал во многом по причине того, что правительство Филиппин не хотело принимать во внимание исторические особенности Минданао. Подобную ошибку допускали правительства Великобритании, Испании, Индонезии и многие другие.

Ключевым моментом в современной истории конфликта на юге Филиппин стало 23 декабря 1976 г., когда правительство Республики Филиппины и Национально-освободительный фронт Моро (MNLF), выступавший за отделение части южных провинций от Филиппин,

под эгидой организации «Исламская конференция» подписали Трипольское соглашение. Национально-освободительный фронт Моро отказался от своего требования независимости от Филиппин и согласился на автономию, предоставление которой было предусмотрено для 13 из 23 провинций Минданао. Однако президент Филиппин Маркос вскоре установил два отдельных региональных правительства, назвав это «конституционным процессом». В результате мирное соглашение было сорвано и военные действия возобновились. Лишь в 1996 г. руководство Национально-освободительного фронта подписало новое мирное соглашение с правительством Филиппин в обмен на создание автономного района мусульманского Минданао. Положительной тенденцией являлось подключение к мирному процессу Малайзии, выступившей в качестве посредника. Только Исламский освободительный фронт Моро и группировка «Абу Сайяф» продолжили вооруженную борьбу после подписания соглашения [Там же].

Главными причинами нестабильной ситуации на юге страны остаются социально-политические проблемы, которые усугубляет экономическая слабость филиппинского государства. Тем не менее реальное создание автономного района мусульманского Минданао смогло перевести ситуацию вооруженного противостояния в мирное русло, сузило круг его участников и дало определенный шанс на постепенное разрешение конфликта.

По данным Бергховского центра, в период с 1950-го по 2005 г. из тех государств, которые согласились на реальное расширение этнической автономии, только в 14% из них были предприняты успешные попытки выхода из состава государств. Однако из 100% государств, отказавших в автономии и особых правах, с «успешным» сепаратизмом столкнулись почти 63%¹.

¹ Трофимов В. Автономия и сепаратизм: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gumilev-center.ru/avtonomiya-i-separatizm/>.

Вообще, как указывалось автором ранее, зачастую к развитию и эскалации конфликта приводят «систематическое нарушение прав национальных и религиозных меньшинств, игнорирование их законных требований, дискриминация» [2, с. 23]. В связи с этим важнейшую основу для урегулирования конфликтов составляет применение

международно-правовых норм и общих принципов.

Таким образом, автономизация в форме как предоставления автономии, особенно в унитарном государстве, так и повышения уровня существующей автономии неоднократно позволяла урегулировать или даже разрешить ряд конфликтов в разных частях мира.

Литература

1. Атнашев В. Р., Ворд К. Терроризм в Индонезии: международно-правовые и политические аспекты // Управленческое консультирование. 2013. № 5. С. 42–49.
2. Атнашев В. Р., Овчинников В. А. Индийский национализм и экстремизм: опыт для России // Управленческое консультирование. 2013. № 2. С. 17–23.
3. Буянова Н. В. Динамика этнополитического конфликта в современных демократиях (теоретико-методологический анализ): Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Казань, 2007.
4. Данилевич И. В. Автономизация Испании // Полис. 1995. № 5. С. 121–129.
5. Завелев Л. А., Метелица Л. В. Автономизация // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. Т. 1. С. 112.
6. Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит., 1967–1972.
7. Общая и прикладная политология / Под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. М.: МГСУ; Союз, 1997.
8. Ситников А. В ряду режимных демократий // Коммерсантъ. 2006. № 16. 31 января.
9. Schiavo-Campo S., Judd M. The Mindanao Conflict in the Philippines: Roots, Costs and Potential Peace Dividend // Conflict Prevention & Reconstruction. Paper N 24 / February 2005. P. 1–14.

References

1. Atnashev V. R., Vord K. Terrorism in Indonesia: international legal and political aspects // Management consulting. 2013. N 5. P. 42–49.
2. Atnashev V. R., Ovchinnikov V. A. Indian nationalism and extremism: the experience for Russia // Management consulting. 2013. N 2. P. 17–23.
3. Buyanova N. V. Dynamics of ethno-political conflict in modern democracies (theoretical-methodological analysis) // Author's abstract of the dissertation of the candidate of political Sciences. Kazan, 2007.
4. Danilevich I. V. Autonomization of Spain // Polis. 1995. N 5. P. 121–129.
5. Zavelev L. A., Metelitsa L. V. Autonomation // Great Soviet Encyclopedia. M.: Soviet Encyclopedia, 1969–1978. Vol. 1. P. 112.
6. Lenin V. I. To the question of nationalities or „autonomy“ // Complete works. Edition 5. Vol. 45. M.: Publishing House of Political Literature, 1967–1972.
7. General and applied political science / Under the general editorship of V. I. Zhukov, B. I. Krasnov. M.: MGSU; Union, 1997.
8. Sitnikov A. In a series of regime of democracy // Merchant. 2006. N 16. The 31st of January.
9. Schiavo-Campo S., Judd M. The Mindanao Conflict in the Philippines: Roots, Costs and Potential Peace Dividend // Conflict Prevention & Reconstruction. Paper N 24 / February 2005. P. 1–14.

С. В. Акопов**S. V. Akopov**

Сетевая философия и трансформация идентичности ЛИЧНОСТИ

Network Philosophy and Transformation of Identity of the Personality

Акопов Сергей Владимирович

Северо-Западный институт управления —
филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Кафедра политологии
Кандидат политических наук, доцент
sergakopov@gmail.com

Akopov Sergey Vladimirovich

North-West Institute of Management — branch
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Chair of Political Science
PhD on Political Science, Associate Professor
sergakopov@gmail.com

РЕФЕРАТ

Задачей данной статьи является взгляд на «политическое» сквозь призму такого относительно нового и быстро развивающегося направления мысли, как сетевая философия. Автор анализирует то, какие свойства приобретают границы политической идентичности под воздействием такого фактора, как Интернет.

ABSTRACT

The objective of this article is to look at the “political” in the light of such relatively new and rapidly developing field of thought as “the network philosophy”. The author examines what characteristics are obtained by the boundaries of new political identity under the influence of Internet space.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сетевая философия, политическое пространство, идентичность, Интернет

KEY WORDS

network philosophy, political space, identity, Internet

Задачей данной статьи является взгляд на «политическое» сквозь призму такого относительно нового и быстро развивающегося направления мысли, как сетевая философия, чтобы посмотреть и проанализировать, какие свойства приобретает новый способ воображения границ политической идентичности под воздействием Интернета.

Рождение сетевой философии принято соотносить с 1960-ми гг. Как отмечают петербургские исследователи Л. В. Балахонская и И. А. Быков, в связи с ярким индивидуализмом сетевой философии трудно говорить о каком-то общем философском фундаменте, тем не менее, как пишут исследователи, «„дух“ сетевой философии оказывает не-

посредственное влияние на социальные коммуникации» [2, с. 23]. Современная сетевая философия включает несколько течений: хакерство, киберанархизм, сетевое либертарианство. Последнее направление раскрыто в работе «Декларация независимости киберпространства» (1996) классика сетевого либертарианства Дж. Барлоу. Декларация выдвигает в чем-то близкие Кирчеву положения: индивидуализм, представление о человеке как о нематериальном объекте или как минимум гражданине мира; свобода слова; сетевое самоуправление на основе не правовых, а этических норм.

В статье «Киберпространство как фактор развития политических идеологий» И. А. Быков приводит мнение авторов

доклада «Киберпространство и Американская мечта», о том, что современное государство должно быть компактным и «умным», перераспределить полномочия на региональный и локальный уровни, в конце концов, оно должно за счет внедрения информационно-коммуникационных технологий сократиться на 50% [3, с. 93]. Другим важным направлением практической реализации философии сетевого либертарианства сегодня можно считать так называемую концепцию копилефта, созданную нью-йоркским основателем Лиги за свободу программирования Р. Столлманом [Там же, с. 94–95]. Концепция *копилефта* есть результат игры слов и противопоставления *копирайту*, который не должен ограничивать свободу дальнейшего распространения любого текста или компьютерной программы (при этом обязательно сохраняя упоминание об их авторе). Идея так называемых открытых исходников Столлмана стала основой для таких явлений, как бесплатная операционная компьютерная система Linux и «Википедия».

За возникновением и возрастающей популярностью сетевой философии (начиная с 2008 г. в частности Р. Столлмана уже несколько раз приглашали выступать в России перед студентами МГУ, МФТИ и МЭИ) должны стоять объективные процессы эволюции коммуникации. Как отмечает О. Ю. Малинова, к рубежу второго десятилетия XXI в. в России обозначились изменения практик публичной коммуникации, которые будут постепенно размывать «ядро» публичной сферы [6, с. 283]. Эта тенденция проявляется в сокращении телеаудитории, особенно среди молодежи, активно осваивающей пространство Интернета. Молодые люди от 15 до 35 лет, особенно молодые мужчины, не только проводят меньше времени перед телевизором, чем перед компьютером (или ноутбуком), но и можно говорить об изменении их вкусовых медийных предпочтений. По мнению исследовательницы, «наблюдаемый в последние 3–4 года скачок в *интернетизации* на-

селения в среднесрочной перспективе может привести к изменению соотношения между «ядром» и «периферией»» [6, с. 284]. Представляется, что вышеуказанные обстоятельства могут создать значительные препятствия для реализации концепции создания российского общества по модели сакральной вертикали с ядром цивилизации в виде «Острова-России» В. Цымбурского — модель, которую мы разбирали на страницах «Управленческого консультирования» чуть ранее [1].

Согласно мнению Э. Гидденса, в современном глобализованном мире инициативу у радио и телевидения перехватывает Интернет. В США понадобилось 40 лет, чтобы количество радиослушателей достигло 50 млн. «Когда же появился Интернет, число американцев, регулярно выходящих в Сеть, выросло до 50 млн всего за каких-то 4 года» [6, с. 29]. В результате онлайн-исследования «Культура, идентичность и Интернет» польский исследователь Н. Журавски приходит к выводу, что Интернет создает новые сообщества, которые отчасти заменяют существующие и будут формироваться по принципу *виртуальной этничности*. Согласно исследователю, «виртуализуется» фактически и территория как один из признаков государства, так как в Интернете нет пространственных границ и иностранцев¹.

На теоретическом уровне эту эволюцию современной политической картины мира прослеживает Г. Л. Тульчинский, отмечающий, что «в настоящее время, в силу ряда общецивилизационных факторов, активно формируется новая персонология, в которой личность во все большей степени предстает как проект или даже как серия проектов» [7, с. 254]. По его мнению, *проектно-брендовой идентификации/идентичности* личности способствуют условия информационного общества,

¹ Zurawski N. Virtual Ethnicity: Studies on Identity, Cultural and the Internet: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uni-muenster.de/PeaCon/zurawski/veengl.html> (дата обращения: 3.02.2013).

массовой культуры и рыночной экономики. В то же время этническая, статусная, ролевая идентичности могут выступать как средства реализации проекта — как в случае с такими политическими проектами, как Р. Рейган или Б. Обама. «Но могут и выступать характеристиками, на преодоление которых автопроект может быть направлен, как это было в случае с Майклом Джексон — яркий автопроект, выстроенный на преодолении расовых, гендерных, возрастных, а в чем-то уже и просто человеческих характеристик идентификации. И в искусстве, и в политике очевидно мы имеем дело с нарастанием личностных автопроектов» [Там же, с. 257].

В чем-то близким сетевой философии является такое направление, как трансгуманизм. Российское трансгуманистическое движение (РТД) определяет *трансгуманизм* (от лат. *trans* — сквозь, через, за; лат. *humanitas* — человечность, *humanus* — человеческий, *homo* — человек) как рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть, а также значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека¹.

Впервые слово *transhumane* использовал в своей «Божественной комедии» Данте в начале XIV в. К предтечам современного трансгуманизма принято относить английского биолога-эволюциониста и гуманиста Д. Хаксли, его соотечественника генетика Дж. Холдейна, русских космистов В. И. Вернадского и Н. Ф. Федорова. В 1966 г. футуролог Ф. М. Эсфендиари назвал трансгуманистами людей, имевших особое мировоззрение и стиль жизни, направленный на самосовершен-

ствование. Это те люди, которые используют современные достижения науки и техники для перехода к «постчеловеку» — существу, обладающему принципиально новыми способностями [9]. В 1998 г. философы Н. Бостром и Д. Пирс основали Всемирную ассоциацию трансгуманистов, где Н. Бостром выступает с идеей о необходимости «путешествия, которое каждый человек начинает, чтобы преодолеть свои естественные границы и пределы» [8, с. 1]. Эсфендиари и Бострома с представителями сетевой философии объединяет уверенность в том, что человек будущего способен преодолеть расовый и национальный детерминизм. Также трансгуманизм и философов сетевого социума объединяет критика религиозного фундаментализма, традиционализма и прочих форм идеологий антимодернизма и антипрогрессизма².

В работе «Концепции сетевой философии в современной научной картине мира» Н. Н. Кожевников и В. С. Данилова определяют такое понятие, как «нообиогеосферная личность». Последняя начинается, по их мнению, с формирования нообиогеосферного человека, ощутившего ритмы ноосферы и нообиогеосферы. Нообиогеосферная личность находится в динамическом равновесии с инвариантными каркасами окружающей среды и мира в целом благодаря своей активности, мобильности, умению выявлять эти инварианты. На взгляд авторов, формирование такой личности ускорит процессы биологической эволюции человека. «Однако прежде всего, — отмечают ученые, — это коснется изменений в духовной сфере» [5, с. 79].

Согласно Кожевникову и Даниловой, дальнейшее развитие человечества будут направлять общепланетарные сети культуры, которые сформируются в результате выявления их идентификационного и системно-целостного пределов. Все отдельные культуры отдадут этим сетям

¹ Российское трансгуманистическое движение: Официальный сайт: [Электронный ресурс]. URL: <http://transhuman.ru/transgumanizm-bessmertie> (дата обращения: 8.09.2013).

² *Humanity+*: Transhumanist declaration: [Электронный ресурс]. URL: <http://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-declaration/> (дата обращения: 8.09.2013).

свои сущность и параметры идентификации. Общепланетарные культурные сети будут обладать максимальной гибкостью, и именно в них будет происходить основная работа по координации всех остальных сетей гуманитарной сферы. При этом «люди, активно взаимодействующие с несколькими культурами, способствуют тем самым вовлечению фундаментальных граней этих культур в общепланетарную сеть... Должна появиться профессия *смотритель культурной сети*, поскольку эти сети, хотя и формируются в значительной степени стихийно, будут нуждаться в постоянных обновлениях, развитии, текущем ремонте и т. п. «Человек сетевой» — Homo web — станет важнейшим этапом эволюции человека, и только такая перспектива спасет человечество от неминуемой деградации и гибели. На основе этих сетей возможны наиболее полная интеграция человечества, сохранение самобытности и разнообразия культур» [Там же, с. 82].

Представляется, что быстрый рост микронаций/виртуальных государств в Интернете (Aeterna Lucina в Южном Уэльсе, Bumbunga в Австралии, Conch Republic в США, Kingdom of Elleore в Дании, Filetino в Италии, Ladonia в Швеции и т. д.), возникновение и расширение таких транснациональных по своему характеру групп, как «глобальные кочевники», отражают тенденцию уменьшения роли национальных государств в условиях транснационализации публичных отношений. Можно считать, что рост виртуальных политических идентичностей и элементов публичной сферы, их «перетекание» на кибер-агору выразились в становлении таких направлений мысли, как трансгуманизм и сетевая философия. Последних между собой объединяет уверенность в том, что в будущем человечество способно преодолеть расовый и национальный детерминизм.

Литература

1. Акопов С. В. Цивилизация и империя как способ воображения культурно-политического сообщества в концепциях В. Л. Цымбурского и В. К. Кантора // Управленческое консультирование. 2013. № 8. С. 73–82.
2. Балахонская Л. В., Быков И. А. Сетевая философия: принципы создания и распространения интернет-текстов в рекламе и PR // Известия ПГПУ им В. Г. Белинского. Общественные науки. 2011. № 24. С. 23–29.
3. Быков И. А. Киберпространство как фактор развития политических идеологий // Политическая наука. 2008. № 2. С. 79–98.
4. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
5. Кожевников Н. Н., Данилова В. С. Концепции сетевой философии в современной научной картине мира // Век глобализации. 2010. Вып. 2 (6). С. 78–85.
6. Малинова О. Ю. Трансформация публичной сферы и динамика идейно-символического пространства в России (конец XX — начало XXI в.) // Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под. ред. О. Ю. Малиновой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 259–283.
7. Тульчинский Г. Л. Личность как проект и бренд // Наука телевидение. М., 2011. Вып. 8. С. 250–265.
8. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought. Oxford University // Journal of Evolution and Technology. Vol. 14. April 2005. P. 1–25.
9. Hughes J. Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future. Westview Press, 2004.

References

1. Akopov S. V. Civilization and empire as a way of imagination of cultural and political community in conceptions by V. L. Tsybursky and V. K. Kantor // Administrative consultation. 2013. N 8. P. 73–82.

2. *Balakhonskaya L. V., Bikov I. A.* Network philosophy: the principles of creation and distribution of Internet-texts in advertizing and PR. Proceedings of the Penza's State Pedagogical V. G. Belinsky University // Social sciences. 2011. N 24. P. 23–29.
3. *Bikov I. A.* Cyberspace as a factor of development of political ideologies // Political science. 2008. N 2. P. 79–98.
4. *Giddens E.* The escaping world. How globalization changes our life. M., 2004.
5. *Koshevnikov N. N., Danilova V. S.* Conceptions of network philosophy in a modern scientific picture of worlds // The age of globalization. 2010. Release N 2 (6). P. 78–85.
6. *Malinova O. Y.* Transformation of the public sphere and dynamics of ideological and symbolical space in Russia (the end of XX — the beginning of the XIX century) // Ideological and symbolical space of post-Soviet Russia: dynamics, institutional environment, actors / Under the editorship of O. Y. Malonova. M.: Russian political science Association (RPSA); Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2011. P. 259–283.
7. *Tulchinsky G. L.* Personality as project and brand // Science television. M., 2011. Release 8. P. 250–265.
8. *Bostrom N.* A History of Transhumanist Thought. Oxford University // Journal of Evolution and Technology. Vol. 14. April 2005. P. 1–25.
9. *Hughes J.* Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future. Westview Press, 2004.

В. А. Шамахов

Развитие образования как значимая геополитическая проблема*

Development of Education as an Important Geopolitical Problem

Развитие образования как значимая геополитическая проблема стало основной темой еженедельной передачи «Петербургский исторический клуб», транслируемой на волнах радио «Петербург».

Инновационный взгляд на эту актуальную тему высказал директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генерал-полковник таможенной службы, доктор экономических наук Владимир Александрович Шамахов в беседе с ведущим передачи, доктором философских наук, профессором кафедры политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета Андреем Леонидовичем Вассоевичем.

Ключевыми вопросами обсуждения стали совершенствование и модернизация российской системы образования, исторические аспекты становления отечественной высшей школы, а также развитие новых направлений подготовки государственных служащих в современных политических и экономических реалиях.

В. А. Шамахов отметил, что в основе развития российской системы образования должны лежать новые прикладные сферы социогуманитарных наук. Это будет способствовать развитию связей и

делового сотрудничества в различных сферах науки, а также интеграции российского и международного научного потенциала. Такой сферой применения достижений социогуманитарной науки в геополитическом аспекте является, например, активизация процессов евразийской интеграции, проблем образования, которые решаются на основе системного подхода, путем создания комплексных научных кластеров (школ) на базе международного межвузовского сотрудничества.

В Северо-Западном институте управления Президентской академии успешно развивается комплексная научная школа евразийских исследований. В рамках соглашения о сотрудничестве с Межпарламентской ассамблеей ЕврАзЭС создан Центр евразийских исследований, который активно продвигает ряд образовательных, научно-исследовательских и прикладных проектов по данному направлению. Также студентами института была создана общественная организация «Евразийская молодежная ассамблея», призванная содействовать развитию международного молодежного сотрудничества. При данной организации был создан наблюдательный совет, председателем которого является В. А. Шамахов. В совет входят известные отечественные и зарубежные ученые, эксперты и политики.

* Материалы заседания Петербургского исторического клуба, подготовленные Центром евразийских исследований, открывают новую рубрику «Евразийские исследования» в журнале «Управленческое консультирование».

А. Л. Вассоевич: Волею судеб я часто бываю в морском корпусе Петра Великого, находящемся на набережной Лейтенанта Шмидта, который был основан в 1701 г. Это старейшее учебное светское заведение не только нашего города, но и страны в целом. Вначале корпус находился в Москве, в Сухаревой башне. Государь император Петр Великий, начиная строительство великой Российской империи, придавал проблеме подготовки военных кадров, а также чиновников для гражданской службы исключительно большое значение. Предлагаю с этих далеких петровских времен и начать наш разговор.

В. А. Шамахов: История Российского государства напрямую связана с управленческими кадрами, мы знаем множество примеров, когда лучшие воспитанники российской управленческой школы выводили государство и общество на новый, качественно иной уровень.

В свое время я закончил Макаровку. Ленинградцы, петербуржцы хорошо знают это учебное заведение, ныне это Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова. Возглавляя один из крупнейших вузов и прежде всего занимаясь подготовкой управленцев – специалистов не только для государственной гражданской службы, но и в сфере бизнеса, для всех отраслей народного хозяйства, убежден в том, что в любых образовательных учреждениях, начиная с детского сада, школы, заканчивая академическим образованием, необходимо учить молодых людей быть готовыми к любым ситуациям, любым рискам, принимать решения, уметь отвечать за них. Мне кажется, было бы полезно вернуться к российской практике подготовки специалистов одновременно и для гражданской, и для военной службы. В нашем училище была такая практика: примерно половина макаровцев по окончании вуза шла на военно-морскую службу, а остальные выпускники — по своей основной специальности, служили в гражданском флоте. Многие после завершения во-

енной карьеры оказались на государственной гражданской службе, и я в их числе. Такой подход к образованию управленцев мне кажется весьма перспективным. Я обязательно постараюсь его реализовать в рамках деятельности нашего вуза.

Мы все служим государству. Есть гражданская служба, есть военная, есть правоохранительная, есть приравненные к ним. В итоге это все служба государству, и нельзя разделять ее на какие-то части. Чем более они будут диффундировать, взаимопроникать, тем более эффективным окажется институт государственной службы в целом. Мы в своем вузе уже сегодня реализуем такой подход на практике, правда, пока только в рамках дополнительного образования, где совместно проходят обучение и действующие государственные служащие, и представители бизнеса.

Многие проблемы нашего государства возникают по причине низкой эффективности государственного управления. Я могу говорить об этом с уверенностью, имея опыт государственного строительства, работая в вузе, который занимается подготовкой государственных служащих, и как ученый.

И когда на государственную службу приходят люди из бизнеса — это правильный подход. При этом, на мой взгляд, и проходить подготовку они должны вместе.

В отличие от подготовки кадров в технических сферах ранняя специализация государственных служащих не совсем оправдана, необходимо создать систему универсального, комплексного, университетского (в широком смысле — высшего) образования будущих управленцев. Пример такого подхода к образованию в нашей истории есть: это Царскосельский лицей, которому два года назад исполнилось 200 лет с момента создания. По оценкам ведущих международных экспертов, Царскосельский лицей являлся самым эффективным учебным заведением в мировой истории последних 200 лет по качеству выпускников, по их карьерным достижениям. Почему?

На мой взгляд, это объясняется тем, что на тот момент заказчиком образовательных услуг (по сегодняшним меркам мы назовем это так) была четко сформулирована задача. Царь — высшее должностное лицо Российского государства — поставил задачу: с молодых ногтей готовить эффективных управленцев для Российского государства. Сперанский ее проработал, создав концепцию учебного заведения нового формата. Это очень важно, когда сформулирована четкая и понятная задача. Сегодня это, безусловно, подготовка управленцев новой формации, которые будут достойно работать во славу нашего Отечества как внутри государства, так и за его пределами, в частности в условиях активно развивающейся евразийской интеграции. Именно такому подходу к образованию государственных служащих мы собираемся уделять самое пристальное внимание.

Обратимся к исторической ретроспективе: в царской России чиновники служили государю императору. Четкая, понятная модель: ранги, иерархия, карьерный рост и т. д. В советское время заказчиком выступали партия и правительство. При этом существовали совершенно четкие критерии и образовательная модель: Высшая партийная школа, академия общественных наук при ЦК КПСС, высшие комсомольские школы и т. д. В настоящее время кому служат государевы служащие, по-старому чиновники? Согласно Конституции, служат обществу, но общество пока не сформулировало своих целеполагающих базисных принципов, подходов, критериев, какими бы они хотели видеть государственных служащих. Таким образом, на сегодняшний день чиновники служат государству, Президенту, правительству, служат своим ведомствам, чего в принципе не должно быть, так как это не соответствует Основному закону. Чиновники должны служить обществу и, на мой взгляд, здесь большая недоработка общества, граждан, нас с вами, когда мы считаем, что государственные служащие — это не наша зона ответственности.

Мы являемся работодателями всех временных российских чиновников, они существуют на налоги, которые мы платим, поэтому мы вправе ожидать отдачи за эту работу. Но сначала все-таки надо сформулировать, чего мы хотим, какими должны быть государственные служащие.

Задача общественных формирований, включая партии, не за власть бороться, а представлять интересы народа. Важно сформировать эффективные государственные органы и подготавливать высокопрофессиональных государственных служащих. Будущее государства, будущее страны, будущее нас с вами, наших детей зависит прежде всего от этого. И даже не экономика определяет качество жизни населения и успешное развитие страны.

Мы часто подменяем термины «страна» и «государство». Государство — это хребет устройства страны, но в основе своей это разные понятия, и не всегда государство вправе выступать от имени всей страны и всего общества. Оно может реализовать подобные функции лишь в определенных делегированных полномочиях, но далеко не всегда.

А. Л. Вассоевич: А для того чтобы государство могло выступать от лица всего общества, всей страны, оно должно выражать интересы народа, и, мне кажется, российская история знает такие примеры. Так, например, во время Великой Отечественной войны граждане Советского Союза полностью доверили государству свою судьбу, и все народы сплотились вокруг высшего военно-политического руководства, потому что были уверены в том, что эти люди приведут страну к победе над врагом, который обрушился на нас 22 июня 1941 г.

В. А. Шамахов: Наша страна пережила столько исторических переломов, благодаря которым мы постоянно остаемся молодым государством, а такие государства имеют тенденцию к бурному развитию.

Бурное развитие предусматривает так называемый мобилизационный подход: концентрация усилий во имя достижения каких-то совершенно очевидных целей,

которые сплавляют и объединяют. Поэтому и появлялись какие-то совершенно прорывные идеи, так, например, нашим согражданам удалось совершить, казалось, невозможное — первыми полететь в космос.

А. Л. Вассоевич: В какой-то степени такого рода достижениям способствовала холодная война, которая началась после знаменитой речи Уинстона Черчилля в Фултоне. Наше стремление первенствовать в освоении космоса было продиктовано не только высокими научными достижениями в познании Вселенной, но и необходимостью обеспечения национальной безопасности нашей страны. Военная составляющая космической программы Советского Союза тоже была очень существенной.

В. А. Шамахов: И это тот же мобилизационный подход. В настоящее время у меня складывается впечатление, что проведение универсиад, олимпиад, чемпионатов, мировых выставок ЭКСПО и так далее — это все задачи мобилизационного ряда. Наше государство считает, что именно такие крупные события сплачивают, мобилизуют все силы общества и государства для осуществления перехода нашей страны на качественно новый уровень своего развития.

В неофициальной гонке за освоение космоса Советский Союз опередил США. В этой связи руководство США посчитало необходимым исследовать причины, к этому приведшие. Результат был весьма неожиданным. Высококвалифицированная комиссия сделала выводы о том, что такие высокие достижения Советского Союза в освоении космоса определило лучшее качество образования в средней и высшей школе. После этого руководство США приняло решение в пять раз увеличить долю бюджета, которая направляется на образование и науку.

К сожалению, в нашей стране доля средств федерального бюджета, выделяемых на поддержку образования, в общем объеме ВВП за это время уменьшилась в три раза. А именно образование прежде всего определяет успех любого общества.

А. Л. Вассоевич: Мне показалась очень интересной ваша идея, связанная с совместной подготовкой в рамках Президентской академии гражданских и военных управленцев. Если бы академия начала подготовку управленцев для нашей армии, то были бы у нас серьезные, подготовленные управленцы, ориентированные на управленческую работу не только на гражданской службе, но и в рамках Министерства обороны, Министерства по чрезвычайным ситуациям и других силовых ведомств, как сейчас принято выражаться.

В. А. Шамахов: У нас существует такой опыт, в рамках реализации программ повышения квалификации мы сотрудничаем практически со всеми «ведомствами в погонах», кроме Министерства обороны. В каждом из силовых ведомств есть собственная профильная академия, и они достаточно успешно ведут начальную подготовку, неплохо работают со средним управленческим звеном, но для высшего управленческого звена их общей квалификации, общей компетенции уже недостаточно, поскольку все они занимаются исключительно профильной деятельностью. Мы — Президентская академия — созданы для подготовки и повышения квалификации управленцев всех категорий. Мы не претендуем на то, чтобы подменять профильные учебные заведения: конечно, мы не разбираемся в штабной работе, в оперативно-розыскной деятельности и т. д. Но управленцев, в какой бы области они ни работали, должны отличать высокий профессионализм, качества и компетенции, выделяющие их из общего ряда специалистов.

Современная цивилизация подошла к этапу, когда общество потребления, экономика потребления, мерилom которой являются деньги, испытывает системный кризис. Сейчас нужно думать о том, что уже в ближайшем будущем будет определять вектор развития и основные жизненные ценности общества. На мой взгляд, человечество подходит к тому, что управлять миром должен разум, должны управлять знания. Но вряд

ли можно решать эту проблему только на высшем уровне без участия общества.

Вспомним еще раз модель образования в Царскосельском лицее. Напомним, первое, что ее отличало, — это четкое целеполагание. Второе — универсальность образования и воспитания, в учебном учреждении нельзя заниматься только обучением, образование — это обучение и воспитание. Будущим государственным управленцам предоставлялась возможность сформировать самый широкий набор навыков, освоить фундаментальные, гуманитарные науки. Важными дисциплинами были физкультура, наездничество и балльные танцы. Каждый из воспитанников лицея мог в полной мере проявить свои таланты. Я считаю, что каждый ребенок талантлив и не нужно его загонять в рамки. Задача педагогов — помочь развиться этим талантам. Такой подход и отличал педагогов Царскосельского лицея. И третий момент, который выделяет эту модель: воспитанники Царскосельского лицея имели возможность общаться с выдающимися людьми того времени: это царская семья, ведущие ученые, дипломаты, во-

еначальники. Вот и сегодня учить желательно не только по переведенным с иностранного языка учебникам, но и на примере наиболее успешных российских деятелей в той или иной сфере. И такие примеры у нас есть.

А. Л. Вассоевич: Я уверен, что Северо-Западный институт управления Президентской академии в полной мере осознает масштаб геополитических проблем, которые связаны с подготовкой управленческого аппарата для нашей страны. Я полностью с вами согласен, что должна быть единая система подготовки управленческих кадров, как гражданских, так и военных.

В. А. Шамахов: На мой взгляд, для достижения главного результата — создания новой системы образования — прежде всего обществу и власти, т. е. государству, нужно консолидировать усилия нации вокруг проблем образования и науки. Это позволит создать в России высокотехнологичное производство и инновационную экономику. Иного пути нет, и все вместе мы должны воспитать новых российских управленцев, которые смогут решать эти задачи, достойно служить обществу.

**А. П. Исаев
Н. К. Гуркина**

**A. P. Isaev
N. K. Gurkina**

К вопросу о культурно-исторических основах Таможенного союза

On the Question of Cultural and Historical Bases of the Customs Union

Исаев Алексей Петрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой таможенного дела и логистики
Доктор исторических наук, профессор
isaev@szags.ru

Гуркина Нина Константиновна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры таможенного дела и логистики
Доктор исторических наук, профессор
customs@szags.ru

Isaev Aleksey Petrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Head of the Chair of Customs and Logistic
Doctor of Science (History), Professor
isaev@szags.ru

Gurkina Nina Konstantinovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of the Chair of Customs and Logistic
Doctor of Science (History), Professor
customs@szags.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются духовно-цивилизационные основы и факторы реинтеграции на постсоветском пространстве, обосновывается идея использования исторического образования как способа формирования цивилизационной идентичности и культурно-исторического пространства в России и государствах, входящих в Таможенный союз и ЕврАзЭС.

ABSTRACT

In the article spiritual and civilization bases and reintegration factors on the former Soviet Union are analyzed, the idea of use of historical education as way of formation of civilization identity and cultural and historical space locates in Russia and the states entering the Customs Union and EurAsEC.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Таможенный союз, евразийская интеграция, цивилизационная идентичность, историческое сознание, культурно-историческое пространство

KEY WORDS

Customs Union, Euroasian integration, civilization identity, historical consciousness, cultural and historical space

Создание Таможенного союза стало значимым этапом в организационной реинтеграции стран СНГ, важной вехой на пути к формированию единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС и Евразийского союза (ЕАС). «Создание интеграционных объединений расширяет возможности развития российской экономики, повышает ее устойчивость к внешним шокам, увеличивает масштаб

деятельности и конкурентные преимущества российских предприятий. Реализуя общую антикризисную стратегию, государства ЕврАзЭС повышают свои возможности выхода из кризиса на траекторию опережающего развития», — пишет в работе «О стратегии развития» С. Ю. Глазьев [5, с. 181].

Подчеркивая экономические выгоды и приобретения от интеграционного дви-

жения на постсоветском пространстве, политики и идеологи данных проектов всегда отмечали историчность и сложность содержания данного процесса. «Историческими предпосылками» формирования Таможенного союза стали, по мнению С. Глазьева, условия и результаты развития на протяжении длительного периода экономик России, Белоруссии и Казахстана, «объединенных тысячами кооперационных связей, дополняющих друг друга» в рамках единой страны с общим народнохозяйственным комплексом. «Евразийский союз: от идеи к истории будущего» — называется программная статья в «Известиях» в октябре 2011 г. Н. А. Назарбаева. «Старт важного интеграционного проекта» — формирования единого экономического пространства с 1 января 2012 г. В. В. Путин назвал «исторической вехой не только для трех наших стран, но и для всех государств постсоветского пространства», поскольку кроме прямых экономических выгод, которые дает рынок со 165 млн потребителей, с унифицированными законами, свободным передвижением услуг, рабочей силы и капитала в процессе реинтеграции постсоветских государств была найдена «модель, которая помогла сблечь мириады цивилизационных, духовных нитей, объединяющих наши народы» [17].

Проблема культурно-исторических (духовно-цивилизационных) основ и факторов экономических и политических процессов в современном мире активно обсуждается учеными — историками, философами, культурологами. «Цивилизационная пестрота», разобщенность советского общества — присутствие в нем различных в этноконфессиональном отношении фрагментов трех крупных цивилизаций: славяно-православной, западной и исламской, «сплав» которых получил название «советская цивилизация», называют одним из дезинтегрирующих факторов, обусловивших процесс распада СССР [4, с. 4]. Финансово-экономический кризис подорвал веру в эффективность евроатлантической (западной) цивилизационной модели развития.

Многие авторы работ последних лет не просто подвергают ее критике, но и приходят к выводу о формировании нового мироустройства и миропорядка. Известный автор теории постиндустриального общества Д. Белл подчеркивает, что, несмотря на усилия некоторых политиков сконструировать однополярный мир, наше время становится «эпохой разобщенности». «Именно поэтому, согласно ему, мы наблюдаем сегодня прецеденты региональной интеграции... Регионы — вот те политические, социальные и культурные единицы, из которых будет строиться мир XXI века» [1, с. 6].

Регионализацию и создание региональных союзов стали рассматривать не как ступень на пути к глобализму, но как реакцию стран на вызовы глобализации, как способ ограничить ее негативное влияние на национальные экономики и выжить в конкурентной борьбе. Фактором регионализации все чаще называют историко-культурное, цивилизационное единство: «Процессы экономической интеграции вполне успешно и эффективно сегодня протекают в географических регионах, населенных родственными в цивилизационном и социокультурном отношении народами, т. е. народами, принадлежащими, как правило, к той или иной локальной цивилизации современного мира» [10, с. 148].

Проблема культурно-цивилизационной дифференциации, сформулированная в трудах Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Л. Н. Гумилева и признанная фактом истории развития человечества, получила в последние годы новый импульс к осмыслению и толкованию. Разделение человечества по цивилизационному признаку становится фактором международной конкуренции. «Исчезновение биполярной системы, — пишет М. Г. Делягин, — уничтожило... силовое поле, высвободив сразу две цивилизационно-культурные инициативы: исламскую, несущую мощный социальный заряд, и китайскую». Участники конкуренции между цивилизациями «не только преследуют разные цели разными методами, но и не могут понять ценности,

цели и методы друг друга» [6, с. 242–243]. Интеграционные и дезинтеграционные границы современного мира, как заметил С. Хантингтон, проходят вдоль культурных линий. «Культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом высоком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» [22, с. 57].

Положения и идеи авторов культурно-цивилизационных теорий стали в работах многих ученых основой для обсуждения в новых исторических условиях факта наличия и сохранения российской цивилизации со своей культурно-исторической идентичностью и со своим вектором развития. Для этого используются аналитические оценки сущности, характера и направленности западной цивилизации, данные самими западноевропейскими авторами. Еще в 1947 г. А. Тойнби писал о «стремлении Запада вестернизировать весь мир»: «...Западная цивилизация имеет своей целью не больше ни меньше, как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и в воде, и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию. То, что Запад совершает сейчас с исламом, он одновременно делает и со всеми существующими ныне цивилизациями — православно-христианским миром, индуистским и дальневосточным, включая и уцелевшие примитивные общества, которые находятся в безвыходном положении даже в собственной цитадели...» [19, с. 116]. Современная Европа и Запад, куда так рвутся некоторые представители постсоветских государств, имеют четко очерченные культурные и цивилизационные границы, и это особо подчеркивают белорусские и украинские ученые, стоящие на позициях единства восточнославянской цивилизации и ратующие за ее интеграцию. С. Хантингтон пишет о линии «великого исторического раздела, которая существует на протяжении столетий»: «Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начина-

ются ислам и православие. Именно такой ответ хотят услышать западные европейцы... именно такой точки зрения придерживается большая часть интеллигенции и политиков» [22, с. 243–244].

Другим источником для авторов работ по вышеуказанной тематике являются идеи отечественных мыслителей, которые переживают своеобразный «ренессанс». «Непохожесть» российской цивилизации на другие (по-разному ее оценивая) отмечали П. Я. Чаадаев, Н. Я. Данилевский, К. П. Леонтьев, И. А. Ильин, В. В. Кожин и другие. Уникальность российской цивилизации заключается прежде всего в том, что она формировалась на протяжении столетий как многонациональное государство, вбирая в себя не просто народы, а их ценности и традиции. Более того, «всем, включая русских, Россия обеспечивала безопасность, всем, а нерусским даже в большей степени, помогала развиваться и уж во всяком случае этому не препятствовала. Под крышей России многие народы создали свою письменность, интеллигенцию, высокое искусство, государственность со значительно меньшими издержками, чем они могли это сделать вне России...» [14, с. 65]. Как пишет В. В. Кожин в своей работе «Россия. Век XX» (в главе «Россия как уникальная цивилизация и культура»): «...ее евразийское единство в самом деле является общечеловеческой или, употребляя слово Достоевского, всечеловеческой ценностью, которая, будем надеяться, еще сыграет свою благотворную роль в судьбах мира» [11, с. 69].

О российском культурно-историческом типе как евразийском впервые заявили российские философы и политические деятели Н. С. Трубецкой, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Л. П. Карсавин и другие. Евразийство представляло собой идею особого пути России — создания новейшего культурного универсума Азии и Европы. «В постимперский период, — писал Н. С. Трубецкой, — национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это

государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразией, ее национализм — евразийством» [20, с. 352].

Идеи евразийства получили новое звучание на современном этапе исторического развития. В 1992 г. Л. Н. Гумилев написал: «Знаю одно, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава, и только через евразийство» [цит. по: 12, с. 43]. По мнению В. Г. Егорова и О. В. Савиной, «идеи евразийства становятся методологической основой активизирующихся в последнее время процессов на постсоветском пространстве» [8, с. 49]. В своей статье они доказывают, что «активизация интеграционных инициатив... обусловлена не сиюминутной политической конъюнктурой, а наличием глубокого историко-культурного базиса взаимодействия народов и государств, объединяемых евразийской идентичностью», что обязательно необходимо учитывать при выстраивании стратегии долгосрочной политики регионального объединения. «Пути дальнейшего обустройства нашей страны лежат в плоскости идей евразийства», — отмечает А. О. Бороноев [3]. Автор неоевразийской концепции А. С. Дугин не просто представляет «евразийство как антипод однополярного глобализма», но и говорит об евразийстве как о цивилизационном проекте — «воссоздании на основе СНГ солидарного Евразийского союза — аналога СССР на новой идейной, экономической и административной основе» [7, с. 14].

Авторы работ данной тематики признают сложность и нелинейность процесса интеграции, поэтому не выстраивают подробных планов-проектов его развития, но высказывают убеждение, что именно идеи евразийства должны быть теоретическим фундаментом и идейной базой интеграционного процесса на постсоветском пространстве. При этом отмечают, что Евразийская интеграция является важным фактором сохранения цивилизационной идентичности и само-

бытности народов, объединившихся в рамках сначала Российской империи, а затем Советского Союза на базе русской культуры и русского языка. «Сохранение и развитие рожденного на протяжении столетий многоликого „Русского мира“ представляется проблемой не менее, а может быть, более важной, чем экономическая и политическая интеграция постсоветского пространства. Утрата этого „эксклюзивного продукта“ означала бы прежде всего рецессию национальных культурных оснований, а для России, сохраняющей многоэтническую и многоконфессиональную матрицу, — утрату возможности полноценной консолидации российской идентичности и реинтеграции (как носителя культурного генотипа) в полноценный центр развития регионального сообщества» [8, с. 46–47].

Авторы данного высказывания отмечают, что положения о значении каждой составляющей культурно-цивилизационного сообщества и русском языке как «материальной сцепке» сохранения евразийской культурно-цивилизационной ценности нашли отражение в Концепции дальнейшего развития СНГ 2007 г. и последующих документах. При этом подчеркивается, что главное значение русского языка не в его коммуникационных функциях, а в том, что именно «русский язык остается единственным инструментом продвижения идентификационных смыслов и практик до экзистенциальной глубины, когда каждый индивид становится субъектом объединительных тенденций». Создание и поддержание институтов развития русскоязычного культурного пространства как способ структурирования евразийского цивилизационного пространства обосновывает А. В. Фоменко [21, с. 149].

Реальная евразийская политика, по мнению М. М. Шумилова, проанализировавшего взгляды приверженцев идеологического и геополитического евразийства, отличается слабостью (или даже отсутствием) «целостной ценностно-мировоззренческой основы», «отсутствием всякой идеологии современного евразийства и вытекающих из нее политической

доктрины и соответствующей стратегии», что требует усилий по их формированию [24]. Сохранение общественно-политической дезинтеграции и эгоизма национальных элит, как считает А. И. Подберезкин, «делает идею экономической интеграции ущербной и обрекает ее в перспективе на серьезные трудности». Наполнить евразийский проект «эффективным ментально-духовным содержанием» предлагает Э. А. Галумов [цит. по: 24].

Инструментами и факторами сохранения цивилизационной идентичности и активизации интеграционных процессов в ее рамках, на наш взгляд, могут быть историческое образование, историческая память, исторический опыт, формирующие историческое самосознание народов постсоветского пространства. Представления о мире, ценности, духовные традиции, уклад жизни, образцы поведения — все, что составляет основу цивилизационной идентичности, накапливается и формируется в ходе исторического процесса. Без исторического самосознания невозможна «духовная мобилизация» народа. Мобилизационные прорывы, обеспечивающие проекты развития, совершаются только на собственной культурной матрице. К сожалению, пока мы рассуждали о генетической памяти, культурно-исторических архетипах сознания, которые держат нас, не давая окончательно разойтись по национальным квартирам, выросло поколение, не знающее своей истории, культуры, оторванное от духовных традиций не только общей евразийской цивилизации, но и своего народа. Да и откуда им знать о нашей общей истории и культуре? Из отечественных школьных (и даже вузовских) учебников истории выбросили имена деятелей культуры многонациональной России, факты совместной борьбы за свободу и независимость, совместных трудовых свершений, в частности разведки и разработки месторождений Западной Сибири, на эксплуатации которых держится современное экономическое благополучие России. Кто из школьников знает сейчас имена Шота Руставели, Янки Купалы, Ивана Франко, Джамбула

Джабаева и многих других? Создание на историческом факультете Санкт-Петербургского университета кафедры истории народов СНГ проблемы, к сожалению, не решает.

Мы провели мини-социологическое исследование среди двух групп — студентов (не факультета международных отношений) и представителей старшего возраста (выросших и сформировавшихся в СССР, не преподавателей). Вопрос был очень простой: «Что вы знаете об истории и культуре Белоруссии и Казахстана — двух участниках наиболее зримого и действующего интеграционного образования на постсоветском пространстве — Таможенного союза?». Ответы можно было дать в развернутой форме рассказа или на уровне перечисления имен, знаков, символов — своеобразных культурных кодов. Обе группы ограничились перечислениями, но насколько беднее был ряд, представленный студентами! В основном студенты вспомнили о Минске, Брест-Литовском мирном договоре, Брестской крепости, президенте Лукашенко. Казахстан ассоциировался с президентом Назарбаевым и космодромом Байконур. Представители старшего поколения дополнительно к уже перечисленному упомянули Полоцк с его знаменитой Софией, Хатынь, партизанское движение в Белоруссии, Зину Портнову и Марата Казея, Новополоцк, Чернобыль и его последствия для Белоруссии, «Песняров», Славянский базар в Витебске, Казахстан (наряду с оренбургскими степями) стал символом целины. Вспомнили крепость Верный — город Алма-Ата, Медео и даже Розу Рымбаеву. Один из опрошенных продекламировал Джамбула: «Ленинградцы, дети мои!».

Историческая фактология и обобщение исторического опыта совместного проживания народов России и СССР в состоянии наполнить конкретным историческим содержанием идейно-философские построения, лежащие в основе теоретического фундамента евразийского проекта, что сделает их не просто более зримыми и осязаемыми, но и бо-

лее убедительными. «Была общая история, в которой были и тяжелые времена, и светлые, но вместе мы сохранились и выжили, потому что были сильными и дружными» [15, с. 86] — подобные высказывания без фактологического ряда, будучи верными по существу, вряд ли могут сформировать историческое самосознание. Для людей, у которых отсутствует жизненный опыт, подтверждающий правоту данного тезиса, это просто слова. Историческую память народа на постсоветском пространстве надо поддерживать, а иногда и реанимировать.

Изучение исторического опыта совместной жизни народов России — СССР полезно и с социально-практической точки зрения. «Необходим глубокий анализ и положительного, и отрицательного опыта истории во избежание повтора ошибок и утери положительного капитала общей истории», — отмечает К.И. Косачев [12, с. 38]. Историческое самосознание и соответствующая культурная самоидентификация помогут также противостоять давлению противников евразийской интеграции, которые есть как в России, так и в бывших союзных республиках. Негативные оценки процесса расширения Таможенного союза и Единого экономического пространства, данные западными политиками, как и другие проблемы, трудности и противоречия реинтеграционного движения, подробно проанализированы в статье М.М. Шумилова, А.П. Исаева и А.Б. Гуркина. Они же отмечают, что противниками интеграции являются также воинствующие исламисты (салафиты) и казахстанские националисты, которые кликушествуют о завоевании Казахстана «колонизаторами из России с последующим уничтожением казахского языка и культуры» [23]. Как показывают социологические исследования (проведенные на территории Белоруссии и Казахстана по поводу Таможенного союза), «по мере утверждения на постсоветском пространстве западных культурных ценностей постепенно убывает социальная основа центристских тенденций» [8, с. 45]. Многолетний опыт преподавателей позволяет

утверждать, что сказанное в полной мере относится и к России.

Настоятельной задачей сегодняшнего дня является в связи с этим не просто усиление внимания к историческому образованию, и особенно к его содержанию, но и разработка специальных учебных курсов, направленных на изучение совместной истории и способствующих формированию у молодого поколения мировоззренческих ценностей и установок, укрепляющих убежденность в цивилизационном единстве народов, населяющих постсоветское пространство, и способствующих таким образом интеграционному движению. В перспективе — выстраивание общей концепции исторического развития с историками постсоветских государств, как базы для учебников истории (пока некоторый консенсус существует только с учеными Белоруссии). А.И. Подберезкин предвещает будущие трудности интеграции в связи с обновлением элит и прихода к власти в постсоветских государствах руководителей, не связанных культурно-исторически, технологически и даже личными связями с Россией. «В результате возможна переориентация этих элит на Китай, на исламский мир, но, прежде всего, на западные развитые государства» [цит. по: 24]. Подобные угрозы существуют и в России.

Высказывание О.А. Фоменко о том, что «историческое наследие Российской империи дает нам достаточно примеров цивилизационного единства различных по происхождению духовных и политических культур... поэтому нам нет нужды заикливаться на советском прошлом», считаем в корне неверным. Советская цивилизация — органическая часть российской цивилизации, а разрывая связь между историческими эпохами чревато самыми негативными последствиями, в том числе, по словам В.В. Путина, «утратой внутренней силы и смысла национального развития». Понятие «советский народ» не было просто идеологическим штампом, а отражало реальные процессы. Многие авторы высказывают убеждение в том, что устойчивость и высокая эф-

фективность советской системы в годы тяжелейших испытаний и угроз самой цивилизации обеспечивались именно встроенностью традиции в модернизационный проект, что исключительно актуально на современном этапе [9]. Что при этом предлагается забыть («не заикливаться») — Великую Отечественную войну, одним из главных источников победы в которой стали патриотизм и межнациональное единство народов СССР?

История Великой Отечественной войны является важной смысловой точкой развития, своеобразным геном истории, в котором закодированы характер национального самосознания, историческая связь поколений, приоритеты общества и государства. Народы бывшего Советского Союза хранят память о войне и о победе как величайшем подвиге и достоянии нашей цивилизации. К сожалению, истории Великой Отечественной войны, когда едиными были фронт и тыл, когда вместе сражались русские, белорусы, украинцы, армяне, казахи, представители других народов нашей страны, а народы Средней Азии принимали эвакуированных и делились с ними всем, что у них было, уделяется слишком мало внимания в курсах истории. На международной конференции «Уроки Второй мировой войны и Холокоста», состоявшейся в Берлине в декабре 2009 г., были отмечены последовательная политика России и Белоруссии против фальсификации итогов Второй мировой войны, и «уникальный опыт Белоруссии — единственной из стран СНГ, где во всех учебных заведениях изучается специальный курс по истории Великой Отечественной войны» [16, с. 184].

Безусловно, важен и исторический опыт совместного проживания в Российской империи, и здесь также нужна борьба с попытками фальсификации истории (марксистская трактовка истории, по которой «Россия — тюрьма народов», снова в ходу), для чего необходимо серьезное изучение национальной политики в Российской империи, которая «никогда не была колониальной державой в европейском смысле этого слова». Пере-

числим только основные принципы этой политики: на инкорпорированных территориях сохранялись административный порядок, местные законы и учреждения, отношения земельной собственности, верования, языки и культура; краеугольным принципом национальной политики являлось широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами, которые в большинстве своем получали права русского дворянства; этнические и социальные критерии не служили определяющими для продвижения по служебной лестнице; правовое (и материальное) положение проживающих в национальных окраинах было зачастую лучшим, чем у населения русских губерний [14, с. 30–35]. Все перечисленное можно подтвердить на конкретных примерах. В Казахстане, в частности, присоединившемся к России в 1730-е гг., продолжали действовать традиционные казахские социальные и политические институты: советы аксакалов, суд биев, разделение на жузы и т.д.

Среди значимых тем также значится история образования и просвещения в Российской империи и СССР. Ограничимся здесь двумя цитатами. Из книги признанного специалиста по истории культуры народов СССР и национально-культурной политике Т.Ю. Красовицкой: «Советская власть в основу языковой политики положила стремление к удовлетворению потребностей этносов. С этой точки зрения политика принципиально отличалась от столыпинской: власть стремилась основывать свою модернизацию школы на положительной мотивации. Каждый мог пользоваться материнским языком и овладевать на нем высотами мировой культуры. Политика не имела аналогов, исключив, быть может, в какой-то степени Швейцарию» [13, с. 583]. Из интервью заведующего кафедрой социальной антропологии и этнической социологии СПбГУ А.О. Бороноева: «Советская власть... хоть и унифицировала культуру, но не подавляла национальные начала и национальные языки, они прекрасно сохранялись в быту. При этом через русскую культуру

и русский язык для людей был выход в огромный мир» [3].

Еще один важный тезис (к сожалению, формат статьи не позволяет остановиться на других сюжетах): история российской (евразийской) цивилизации должна изучаться в единстве с плодами этой истории — творениями культуры — самым зримым воплощением ее успешности, ее творческого потенциала, ее вклада в мировую цивилизацию. «Без Киева, из которого берет начало наша история, без единого православия, без русской культуры, которая является общим достоянием великороссов, малороссов, белорусов и других народов некогда великой страны, и Россия, и Украина внутренне бессмысленны и взаимно неполноценны», — пишет украинский автор С. Н. Сидоренко [18, с. 135]. Не только историческая судьба, но и духовное единство, и единое культурное наследие — важные факторы сохранения цивилизационной общности и реинтеграции. После столь длительной и содержательной в культурном отношении совместной истории притяжение русских и народов Азии и Кавказа нисколько не меньше, чем славянских народов. Не случайно у истоков проектов реинтеграции и Таможенного союза стоял прези-

дент Казахстана Н. А. Назарбаев. Культура, без всяких оговорок, позволяет нам гордиться совместной историей, культура — это то, что нас объединяет, культура придает смысл реинтеграционному движению на постсоветском пространстве.

Процесс формирования общего культурно-исторического пространства (во всевозможных формах) должен сопровождать движение по пути экономической интеграции, и задача гуманитарной интеллигенции, всех, от кого в той или иной мере зависят просвещение молодого поколения и формирование массового сознания, — приложить все усилия к тому, чтобы Евразийский союз стал реальностью, а не «новой эксцентричной идеей премьер-министра Владимира Путина» [2, с. 35, 37]. Настоящим призывом о помощи звучат слова политолога из Казахстана Андрея Уварова: «Противников евразийской интеграции в Казахстане много, и число их растет. Правда, у нового интеграционного проекта для Евразии много и сторонников. И они остро нуждаются в том, чего им на сегодняшний день не хватает, — в мощной, системной, опирающейся на веские аргументы информационной поддержке из России. Пока еще не поздно» [цит. по: 23].

Литература

1. Белл Д. Эпоха разобщенности // Свободная мысль. XXI. 2006. № 6.
2. Бжезинский З. Уравновесить Восток, обновить Запад // Россия в глобальной политике. 2012. № 1.
3. Бороноев А. О. Русские ко всему относятся по-своему // Литературная газета. 2013. 28 августа — 3 сентября.
4. Евразийский регион. Экономическая, социальная и политическая география. Международные процессы. СПб., 2011.
5. Глазьев С. Ю. О стратегии развития // Наш современник. 2010. № 1.
6. Делягин М. Г. Предстоящий мир: некоторые базовые тенденции и требования к России // Мир в 2020 году. М., 2007.
7. Дугин А. Г. Евразия прежде всего: Манифест ОПОД «Евразия» // Евразийский взгляд. Основные принципы доктринальной евразийской платформы. М., 2002.
8. Егоров В. Г., Савина О. В. Общая культурно-цивилизационная основа — фактор реинтеграции постсоветского сообщества // Обозреватель — Observer. 2012. № 12.
9. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М., 2011.
10. Кирвель Ч. С. Регионализация мира и восточное славянство // Наш современник. 2010. № 12.
11. Кожин В. В. Россия. Век XX. М., 2011.
12. Косачев К. И. Евразийский проект: реалии, проблемы, перспективы // Евразийская интеграция в XXI веке. СПб., 2012.
13. Красовицкая Т. Ю. Модернизация российского образовательного пространства от Столыпина к Сталину (конец XIX века — 1920-е годы). М., 2011.

14. *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 1. СПб., 2000.
15. *Мунтиян В. И.* Будущее за евразийским экономическим союзом // Евразийская интеграция в XXI веке. СПб., 2012.
16. *Пролесковский О. В., Криштанович Л. Е.* Национальная гордость белорусского народа // Наш современник. 2010. № 5.
17. *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 октября.
18. *Сидоренко С. Н.* Новая Россия и бывшая Малороссия // Москва. 2003. № 11.
19. *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории. М., 1996.
20. *Трубецкой Н. С.* Общеевразийский национализм // Русская идея: Сб. произведений рус. мыслителей. М., 2004.
21. *Фоменко А. В.* О структурировании евразийского цивилизационного пространства // Евразийская интеграция в XXI веке. СПб., 2012.
22. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
23. *Шумилов М. М., Исаев А. П., Гуркин А. Б.* Проблема расширения таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС // Управленческое консультирование. 2013. № 4 (52).
24. *Шумилов М. М.* Новые задачи Евразийской интеграции в условиях глобального экономического кризиса // Управленческое консультирование. 2013. № 5 (53).

References

1. *Bell D.* Epoch of dissociation // Free thought. XXI. 2006. N 6.
2. *Brzezinski Z.* To counterbalance the East, to update the West // Russia in global policy. 2012. N 1.
3. *Boronoev A. O.* Russians treat everything in own way // Literary newspaper. 2013. On August, 28 — September, 03.
4. *Eurasian region.* Economic, social and political geography. International processes. SPb., 2011.
5. *Glazyev S. Yu.* On the development strategy // Our Contemporary. 2010. N 1.
6. *Delyagin M. G.* Forthcoming world: some basic tendencies and requirements to Russia // The World in 2020. M., 2007.
7. *Dugin A. G.* Eurasia first of all. Manifesto OPOD "Eurasia" // Eurasian look. Basic principles of a doctrinal Eurasian platform. M., 2002.
8. *Egorov V. G., Savina O. V.* The general cultural and civilization basis — a factor of reintegration of Post-Soviet community // Observer. 2012. N 12.
9. *Kara-Murza S. G.* Soviet civilization. M., 2011.
10. *Kirvel Tch. S.* Regionalization of the world and east Slavic peoples // Our contemporary. 2010. N 12.
11. *Kozhinov V. V.* Russia. Century XX. M., 2011.
12. *Kosachev K. I.* Eurasia project: realities, problems, prospects // Eurasian integration in XXI century. SPb., 2012.
13. *Krasovitskaya T. Yu.* Modernization of the Russian educational space from Stolypin to Stalin (the end of XIX century — the 1920th years). M., 2011.
14. *Mironov B. N.* Social history of Russia. Vol. 1. SPb., 2000.
15. *Muntian V. I.* The future is on the Eurasian economic union // Eurasian integration into XXI century. SPb., 2012.
16. *Proleskovskiy O. V., Krishtanovich L. E.* National pride of the Belarusian people // Our contemporary. 2010. N 5.
17. *Putin V. V.* The new integration project for Eurasia — the future which is born today // News. 2011. October, 4.
18. *Sidorenko S. N.* New Russia and former Malorussia // Moscow. 2003. N 11.
19. *Toynbee A. J.* Civilization on Trial. M., 1996.
20. *Trubetskoy N. S.* Eurasian nationalism // Russian idea: Collection of works of the Russian thinkers. M., 2004.
21. *Fomenko A. V.* On the structuring the Eurasian civilization space // Eurasian integration in XXI century. SPb., 2012.
22. *Huntington S.* The Clash of Civilizations. M., 2003.
23. *Shumilov M. M., Isaev A. P., Gurkin A. B.* Problem of extension of the Customs union and the Common Economic Space within EurAsEC // Administrative consultation. 2013. N 4 (52).
24. *Shumilov M. M.* New problems of the Eurasian integration in the conditions of a global economic crisis // Administrative consultation. 2013. N 5 (53).

**О. А. Аксёнова
Д. В. Иванова**

**O. A. Aksyonova
D. V. Ivanova**

Моделирование социально-экономического развития районов Республики Саха (Якутия) методом главных компонент

**Modeling of Socio-economic Development of Regions
of the Republic of Sakha (Yakutia)
by Principal Component Analysis**

Аксёнова Ольга Анатольевна

Северо-Западный институт управления —
филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры математики и моделирования
социально-экономических процессов
Доктор физико-математических наук
olga.a.aksenova@gmail.com

Aksyonova Olga Anatolyevna

North-West Institute of Management — branch
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of chair of Mathematics and Modeling of
Social and Economic Processes
Doctor of Sciences (Physical and Mathematical)
olga.a.aksenova@gmail.com

Иванова Дарима Владимировна

Северо-Западный институт управления —
филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры математики и моделирования
социально-экономических процессов
darima.ivanova@gmail.com

Ivanova Darima Vladimirovna

North-West Institute of Management — branch
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Graduate student of chair of Mathematics and
Modeling of Social and Economic Processes
darima.ivanova@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается математическая модель регионального экономического развития на основе метода главных компонент применительно к районам Республики Саха (Якутия).

ABSTRACT

Mathematical model of regional socio-economic development is considered on the base of principal component analysis applied to the regions of Sakha (Yakutia) Republic.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

принятие решений, планирование, оптимизация, математическое моделирование, инвестиции, статистический анализ, метод главных компонент

KEY WORDS

decision making, planning, optimization, mathematical model, investment, statistical analysis, method of nonlinear regression, principal component analysis

Решение задач обеспечения устойчивого экономического развития региона или страны тесно связано с разработкой эффективных механизмов управления стратегией развития регионов, координацией различных направлений экономической политики региональных властей, взаимодействия региональных секторов по экономическим видам деятельности. В связи с этим актуальна задача создания моделей и методов обоснования принятия решений в области управления региональным экономическим развитием.

Достижение высоких экономических показателей не является достаточным условием сбалансированного развития региона, так как низкий уровень социально значимых показателей (образование, здоровье, культура) обесценивает достигнутый рост. Поэтому необходимо учитывать взаимодействие производственного и потребительского секторов. Эффективная система управления социально-экономическими процессами в регионе может быть создана при условии учета интересов всех указанных экономических агентов. Данный учет невозможно произвести без анализа состояния дел в рассматриваемый период времени. Наиболее доступна информация о социально-экономическом развитии региона из статистических данных, публикуемых в информационных порталах. Но зачастую подобная информация трудна для восприятия и требует обработки.

Снизить размерность исследуемого пространства для наглядной интерпретации эконометрических моделей с наименьшей потерей информации позволяет метод главных компонент¹ (англ. Principal components analysis, PCA, [1–4]). Впервые метод был предложен К. Пирсоном в 1901 г., затем был развит в работах Г. Хотеллинга, Г. Хармана, С. Рао и др. Иногда для метода PCA используют различные названия, такие как преобразование Карунена-Лоева (англ. Karhunen-Loeve), преобразование Хотеллинга (англ. Hotelling transform) и др.²

Цель компонентного анализа — аппроксимировать данные, представленные исходным набором многомерных векторов, в пространстве меньшей размерности. Иначе говоря, для заданного набора точек в линейном векторном пространстве требуется найти линейное многообразие меньшей размерности так, чтобы проекции исходных точек на него в среднеквадратичном смысле оказались ближе всего к исходным точкам [4]. Таким образом, метод главных компонент позволяет решить две задачи — снизить размерность данных путем выявления интегрального показателя и выявить взаимосвязь исследуемых данных.

В настоящей работе методом главных компонент проведено исследование социально-экономического развития районов в рамках региона [4]. В качестве объекта применения метода главных компонент нами выбрана динамика изменений социально-экономических показателей Республики Саха (Якутия) (РС(Я)). Выбор обусловлен реализацией на территории Якутии «Схемы комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Якутии до 2020 года» и проекта программы социально-экономического развития РС(Я) на период до 2030 г., содержащих нужную для метода базу данных. Особенность Республики — в том, что она обладает наибольшей по площади территорией среди регионов Российской Федерации, однако численность ее населения не так давно достигла лишь одного миллиона человек. Это обстоятельство и связанные с ним сложные условия жизни и трудовой деятельности обесценивают имеющееся богатство региона.

Исследование, проведенное для данных в период с 2007-го по 2009 г. [5], ставило две задачи: получить интегральные показатели социально-экономического развития районов (более объективные, чем множество ранее использовавшихся по отдельности показателей); выявить зависимость между социально-экономическими показателями. Рассмотрено 33 наблюдения, каждое из которых отвечает одному из районов РС(Я). Для решения поставленных задач были использованы 8 переменных, определяющих социально-экономическое положение в регионах:

¹ Померанцев А. Л. Метод главных компонент. 2008: [Электронный ресурс]. URL: <http://rcs.chemometrics.ru/Tutorials/pca.htm>.

² Солодовщиков А. Ю., Платонов А. К. Исследование метода Карунена-Лоева // Препринт Института прикладной математики им. М.В. Келдыша. № 19. 2006: [Электронный ресурс]. URL: http://www.keldysh.ru/papers/2006/prep19/prep2006_19.html.

X_1 — численность населения по районам;

X_2 — инвестиции в основной капитал крупных и средних предприятий на тысячу жителей района;

X_3 — среднегодовая численность работников организаций района;

X_4 — количество человек, признанных безработными из числа незанятых граждан района;

X_5 — средний размер назначенных пенсий по районам;

X_6 — среднемесячная номинальная заработная плата работников организации по районам;

X_7 — производство электроэнергии по районам;

X_8 — производство хлеба по районам.

Составим матрицу наблюдений X_{nm} , где n — число наблюдений (количество районов), m — число переменных (признаков по районам). Найдем средние величины $\bar{X}_j = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n x_{ij}$ элементов матрицы X и дисперсии по столбцам $\sigma_j^2 = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n x_{ij}^2 - (\bar{X}_j)^2$

для $j = 1, 2, \dots, m$. Далее составим матрицу $Z_{nm} = (Z_1, Z_2, \dots, Z_m)$ стандартизованных значений переменных Z_j , каждый столбец которой имеет нулевое среднее $\bar{Z}_j = 0$ и единичную дисперсию $\sigma = (Z_j)$ для $j = 1, 2, \dots, m$ [2, с. 36]:

$$Z = \begin{pmatrix} \frac{x_{11} - \bar{X}_1}{\sigma_1} & \frac{x_{11} - \bar{X}_2}{\sigma_2} & \dots & \frac{x_{1m} - \bar{X}_m}{\sigma_m} \\ \frac{x_{21} - \bar{X}_1}{\sigma_1} & \frac{x_{21} - \bar{X}_2}{\sigma_2} & \dots & \frac{x_{2m} - \bar{X}_m}{\sigma_m} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \frac{x_{n1} - \bar{X}_1}{\sigma_1} & \frac{x_{n1} - \bar{X}_2}{\sigma_2} & \dots & \frac{x_{nm} - \bar{X}_m}{\sigma_m} \end{pmatrix}.$$

Переменные Z_j имеют тот же смысл, что и X_j , т. е. отличаются лишь нормировкой.

По матрице стандартизованных значений признаков согласно алгоритму метода главных компонент найдена матрица парных корреляций $R = \frac{1}{35} Z^T Z$ [6, с. 37], вычислены ее собственные числа и собственные векторы, а также матрица факторного отображения A_{mn} (factor pattern), элементы которой называются факторными нагрузками (factor loadings). Матрица A_{mn} вычисляется путем умножения матрицы нормированных собственных векторов на матрицу квадратных корней из собственных значений. Полученные результаты отражены в таблице.

На данном этапе предоставляется возможность сжать размерность исследуемого пространства. Для этого оставляем те главные компоненты $F_1, F_2, \dots, F_r$ ($r < m$), которые являются значимыми по выбранному критерию. Для определения количества значимых компонент наиболее широко используются критерий Кайзера и критерий каменистой осыпи.

В соответствии с критерием Кайзера отбираются только те компоненты, дисперсии которых больше единицы. Так как главные компоненты F_1, F_2, F_3 объясняют 88,3% суммарной вариации, а оставшиеся компоненты F_4, F_5, F_6, F_7, F_8 объясняют лишь 11,7%, и соответствующие собственные значения $\lambda_4, \lambda_5, \lambda_6, \lambda_7, \lambda_8$ намного меньше единицы, то для дальнейшего анализа оставляем только главные компоненты F_1, F_2, F_3 .

Собственные значения матрицы корреляций за 2007 г.

Главные компоненты, F_j	Дисперсии главных компонент, λ_j	Доля дисперсии главных компонент, %	Накопленный процент дисперсии, %
F_1	3,978	49,7	49,7
F_2	1,998	24,97	74,7
F_3	1,090	13,62	88,3
F_4	0,483	6,03	94,3
F_5	0,255	3,18	97,5
F_6	0,130	1,63	99,1
F_7	0,065	0,81	99,96
F_8	0,003	0,04	100

Собств. знач. матрицы корреляции

Только основные переменные

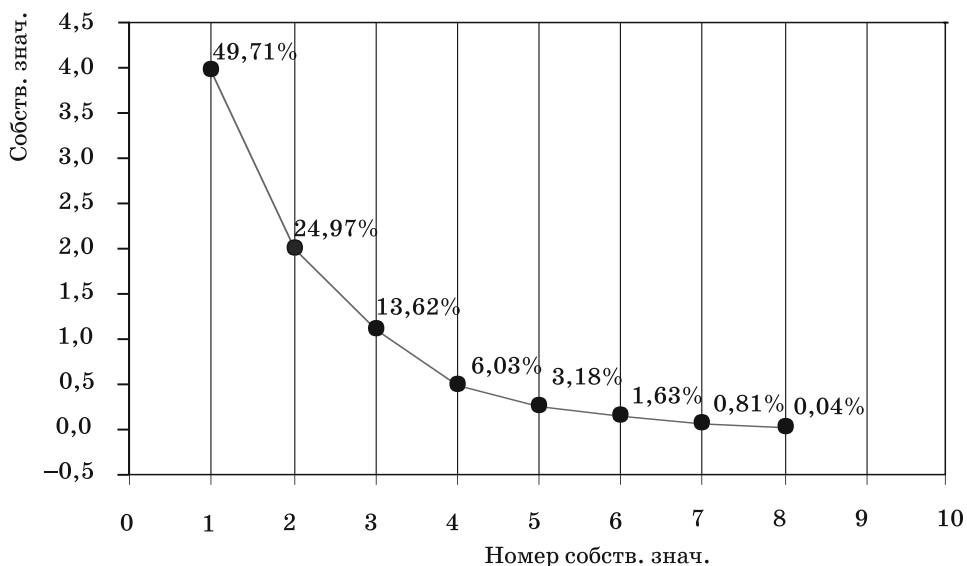

Рис. 1. График каменистой осыпи

Критерий «каменистой осыпи» базируется на графическом представлении собственных значений, предложенном Кэттелом (Cattell).

На рис. 1 представлен график собственных значений матрицы корреляции. В соответствии с критерием каменистой осыпи на данном графике нужно найти участок, где убывание собственных значений максимально замедляется. Используя данный критерий, можно оставить 3–4 компоненты. Таким образом, учитывая два критерия выбора количества компонент, в дальнейшем исследовании мы оставляем первые три главные компоненты, которые описывают 88% изменчивости.

По матрице факторного отображения A_{mn} получаем матрицу A_{mn}^* , которая содержит значимые компоненты

$$A^* = \begin{pmatrix} -0,93 & 0,29 & -0,04 \\ -0,6 & -0,31 & 0,68 \\ -0,99 & 0,05 & -0,04 \\ -0,22 & 0,78 & -0,18 \\ -0,26 & -0,71 & -0,56 \\ -0,65 & -0,63 & 0,24 \\ -0,82 & -0,13 & -0,46 \\ -0,74 & 0,54 & 0,19 \end{pmatrix} = (a_{mr}).$$

Для каждой главной компоненты найдем и оставим значимые коэффициенты $\tilde{a}_{mr}$, т. е. те, которые удовлетворяют условию $|\tilde{a}_{mr}| > 0,6$ [2, с. 42]. Используя формулу $F_n = \frac{1}{\lambda_j}(a_{1r}Z_1 + a_{2r}Z_2 + \dots + a_{mr}Z_m)$, получаем

$$\begin{cases} F_1 = \frac{1}{3,977}(-0,93z_1 - 0,6z_2 - 0,99z_3 - 0,65z_6 - 0,82z_7 - 0,74z_8), \\ F_2 = \frac{1}{1,998}(-0,78z_4 - 0,71z_5 - 0,63z_6), \\ F_3 = \frac{1}{1,089}(-0,6772z_2). \end{cases}$$

Рассмотрим первую компоненту F_1 . Она зависит от исходных признаков $z_1, z_2, z_3, z_6, z_7, z_8$. Признаки z_4, z_5 мы не учитываем, так как отвечающие им коэффициенты не значимы: $\tilde{a}_{41} = -0,22$, ($|\tilde{a}_{41}| < 0,6$), $\tilde{a}_{51} = -0,26$, ($|\tilde{a}_{51}| < 0,6$). В этом случае коэффициент информативности для первой главной компоненты равен

$$K_u^{(1)}(F_1) = \frac{(-0,93)^2 + (0,6)^2 + (0,99)^2 + (0,65)^2 + (0,82)^2 + (0,74)^2}{(-0,93)^2 + (0,6)^2 + (0,99)^2 + (0,22)^2 + (0,26)^2 + (0,65)^2 + (0,82)^2 + (0,74)^2} = 0,97.$$

Для второй компоненты коэффициент информативности равен

$$K_u^{(2)}(F_1) = \frac{(-0,78)^2 + (-0,71)^2 + (0,63)^2}{(0,29)^2 + (0,31)^2 + (0,053)^2 + (0,78)^2 + (0,71)^2 + (0,63)^2 + (0,13)^2 + (0,54)^2} = 0,75.$$

Третья компонента несет информативность

$$K_u^{(3)}(F_1) = \frac{(0,68)^2}{(-0,04)^2 + (0,68)^2 + (-0,04)^2 + (-0,18)^2 + (-0,56)^2 + (0,24)^2 + (-0,46)^2 + (0,19)^2} = 0,42.$$

Таким образом, наибольшую информативность несет первая компонента.

Результаты проведенного исследования представим наглядно в виде трехмерной поверхности (рис. 2, 3).

Точки на поверхности — реальные значения, а сама поверхность — выведенная методом главных компонент аппроксимация. Как мы видим, на графиках точки очень близки к поверхности, т. е. выведенная модель близка к реальности.

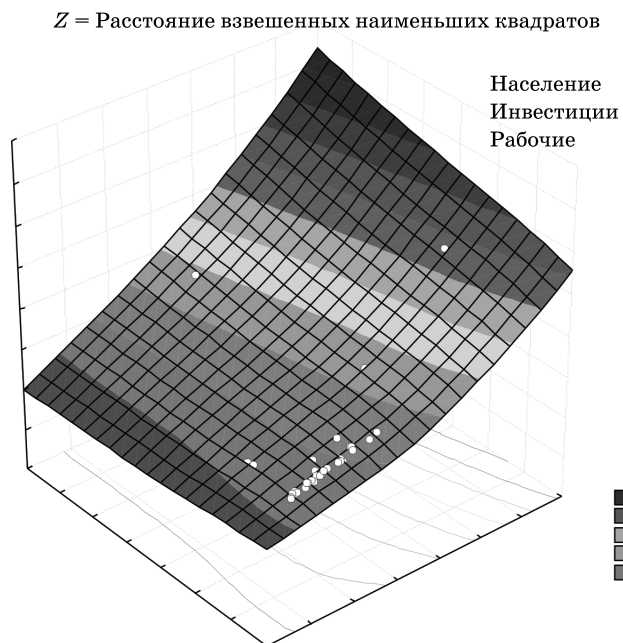

Рис. 2. Трехмерная поверхность трех величин: население, инвестиции, численность рабочих за 2007 г.

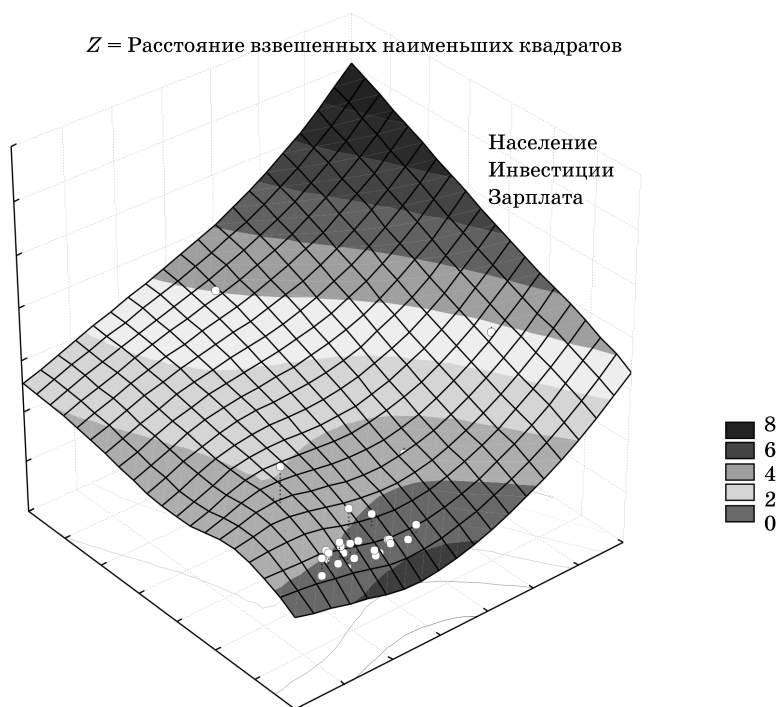

Рис. 3. Трехмерная поверхность трех величин: население, инвестиции, зарплата за 2007 г.

Аналогичным способом был проведен анализ данных 2008 и 2009 гг. Во все исследуемые годы количество компонент — одинаковое. Следует отметить, что в 2008 и в 2009 г. компоненты содержат в себе одинаковые значимые признаки. Первая компонента включает такие признаки, как численность населения, работников и безработных, объем производства ключевых продуктов. Ко второй компоненте относятся размер пенсии и заработная плата. Инвестиции в основной капитал крупных и средних предприятий содержит третья компонента. В связи с этим первую компоненту можно назвать «социально-производственный уровень», вторую компоненту — «уровень дохода», третью — «уровень инвестиций».

На рис. 4 представлен график, который иллюстрирует динамику первой главной компоненты с 2007 по 2009 гг. Как мы видим по графику, в Мирнинском районе наблюдается критический социально-производственный уровень. Он объясняется высоким потреблением электроэнергии в связи с расположением в городе Мирный и в Мирнинском районе АО «Вилуйгэсстрой», предприятия Западной электрической сети РС(Я), ОАО «АЛРОСА-Газ», предприятия местной промышленности. Таким образом, по графику мы можем судить о социально-производственном уровне районов: районы, расположенные выше нулевого уровня на графике, обладают низким социально-производственным уровнем, соответственно, необходимо обратить внимание на данные районы.

Средний уровень дохода в каждом регионе республики различается (рис. 5). Наибольший размах мы наблюдаем в Мирнинском районе, что объясняется расположением в районе акционерной компании «АЛРОСА». Анабарский, Нижнеколымский, Усть-Янский районы находятся на территории Крайнего Севера, в связи с чем работникам перечисленных районов начисляют северные надбавки к заработной плате. Таким образом, высокий доход наблюдается в некоторых районах Крайнего Севера и в районах, в которых расположены ведущие производственные компании.

Уровень инвестиций (рис. 6) зависит только от одного из изучаемых признаков и является прямым отражением стандартизированных статистических данных. Наибольший объем инвестиций вкладывается в Ленский край. Можно предположить, что такое наблюдение объясняется наводнениями в период весеннего паводка.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Компонентный анализ позволяет изучить взаимосвязи таких признаков социально-экономического развития региона, как общая численность населения, численность работающего и неработающего населения, размеры пенсии и заработной платы, объем производства ключевых продуктов потребления и объем инвестиций в социально-экономической системе районов Республики Саха (Якутия).
2. Данный подход дает возможность уменьшить размерность исследуемых данных о социально-экономическом положении районов, потеряв наименьшее количество информации.
3. Получены интегральные показатели, в которых все исследуемые показатели приведены к соизмеримому основанию. Интегральные показатели позволяют учесть влияние каждого из факторов на социально-экономический уровень районов и региона в целом.

Результаты эмпирического исследования вкратце можно сформулировать следующим образом.

- Получено снижение размерности социально-экономических данных с 8 признаков до трех компонент; тем самым достигнута возможность упрощения модели без потери ее информативности.
- Найдены линейные зависимости между признаками, которые сгруппированы по трем компонентам:
 - 1) первая компонента: численность населения, численность работающего и неработающего населения, объем производства ключевых продуктов потребления;

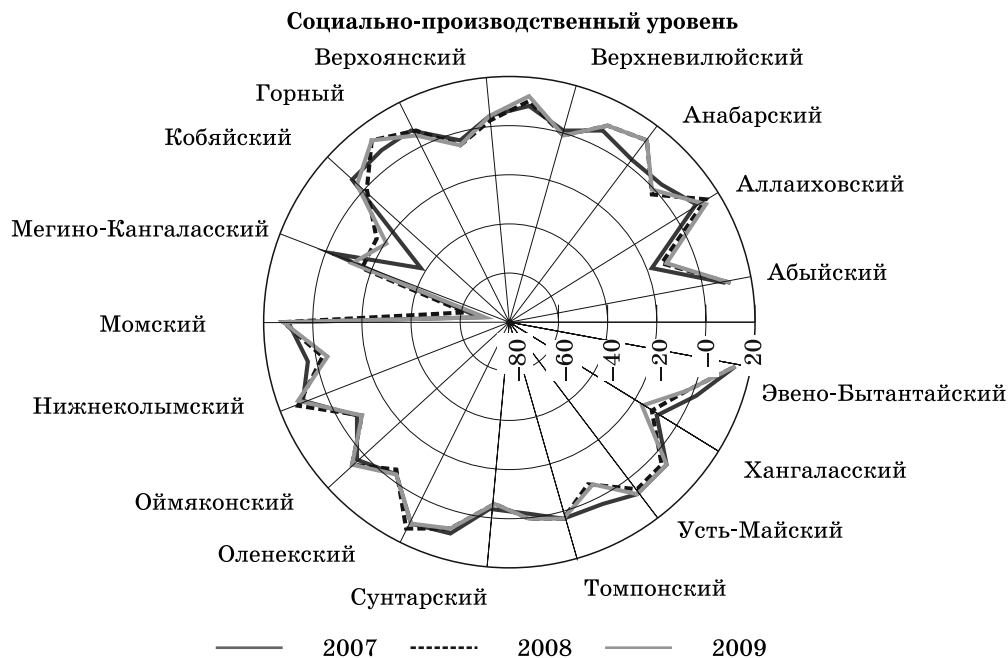

Рис. 4. Распределение первой главной компоненты с 2007-го по 2009 г. по районам

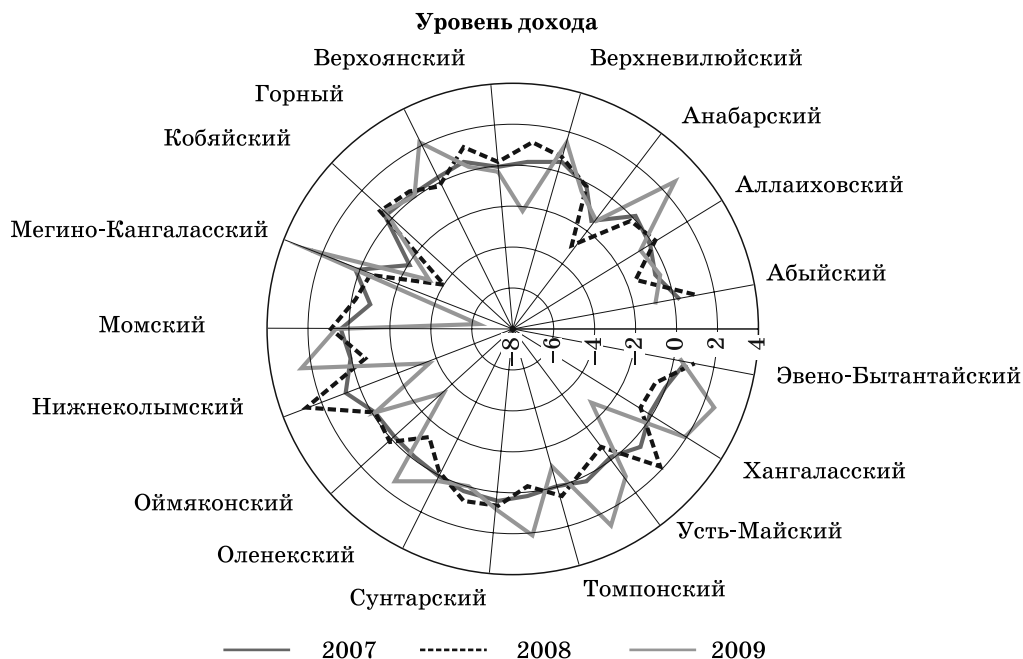

Рис. 5. Распределение второй главной компоненты с 2007-го по 2009 г. по районам

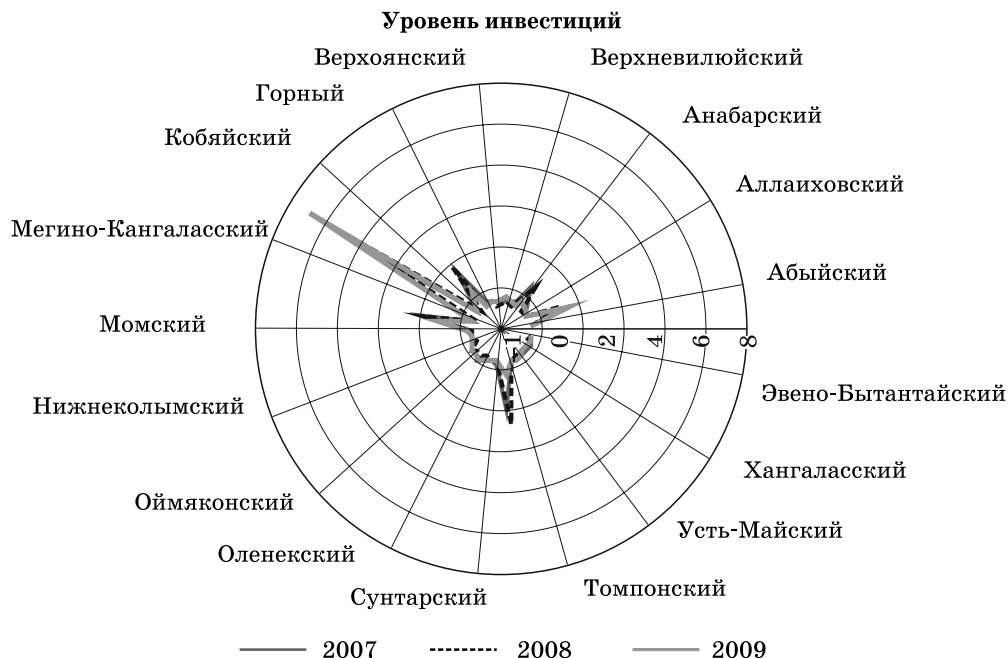

Рис. 6. Распределение третьей главной компоненты с 2007-го по 2009 г. по районам

- 2) вторая компонента: размер пенсии, заработная плата;
- 3) третья компонента: инвестиции.

Литература

1. Jolliffe T. Principal components analysis (2nd Ed.) Springer-Verlag. New York Inc. 2002
2. Айвазян С. А., Мхитарян В. С. Прикладная статистика в задачах и упражнениях. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 270 с.
3. Айвазян С. А., Мхитарян В. С. Прикладная статистика. Основы эконометрики: В 2 т. Теория вероятностей и прикладная статистика. Т. 1. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 656 с.
4. Найденов Н. А. Исследование метрического аналога метода главных компонент // Сб. ст. факультета ВМК МГУ. Вып. 7. 2010. С. 60–69.
5. Труд и занятость в Республике Саха (Якутия). Стат. сб., 2010.
6. Гришакина Н. И., Дмитриева В. С., Манова Н. В., Мельникова С. В., Пritула О. Д. Метод главных компонент. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. 92 с.

References

1. Jolliffe T. Principal Components Analysis (2nd Ed.) Springer-Verlag New York Inc. 2002.
2. Ayvazyan S. A., Mkhitarayan V. S. Applied Statistics in Tasks and Exercises. M.: YuNITI-DANA, 2001. 270 pp.
3. Ayvazyan S. A., Mkhitarayan V. S. Applied Statistics. Econometrics Bases. Probability Theory and Applied Statistics. Vol. 1. M: YuNITI-DANA, 2001. 656 pp.
4. Naidyonov N. A. Research of Metric Analog of Principal Components Analysis // Collection of articles of faculty of VMK Moscow State University. Release N 7. 2010. P. 60–69.
5. Work and Employment in the Republic of Sakha (Yakutia). Statistical collection, 2010.
6. Grishakina N. I., Dmitriev V. S., Manov N. V., Melnikov S. V., Pritul O. D. Principal Component Analysis. Veliky Novgorod: The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2004. 92 pp.

Т. А. Арташкина

T. A. Artashkina

Проблема чистоты педагогического эксперимента в условиях модернизации российского образования

Integrity of Pedagogical Experiment in the Context of Modernization of Russian Education

Арташкина Тамара Андреевна

Школа искусства, культуры и спорта
Дальневосточного федерального университета
(г. Владивосток)
Профессор кафедры культурологии и
искусствоведения
Доктор философских наук, кандидат педагогических
наук
Доцент
tam.artand@gmail.com

Artashkina Tamara Andreevna

School of Arts, Culture and Sports Far Eastern Federal
University (FEFU) (Vladivostok)
Professor of the Chair of Culture and Art Studies
Doctor of Science (Philosophy), PhD (Pedagogy)
Associate Professor
tam.artand@gmail.com

РЕФЕРАТ

Проводимая модернизация отечественного образования не технологична, сопровождается серьезными условиями неопределенности и порождает очередные вопросы и проблемы. Такое положение детерминировано тем, что канал образования трансформируется, а его способ взаимодействия с изменившейся культурой и архитекtonика остаются прежними. Взаимодействие образования и культуры осуществляется в русле двух основных направлений: взаимодействие социальных и культурных институтов и воздействие на институт образования факторов социокультурного порядка, порождаемых развитием современного общества. В условиях современной России наиболее динамично на вызовы времени реагируют органы государственного управления системой образования в лице Министерства образования и науки РФ. Поскольку действие этих вызовов является механизмом по выработке условий неопределенности, то действия министерства в наибольшей степени отражают возникающие при этом условия неопределенности, а не существующие закономерности развития социума. Поэтому результаты модернизации образования слабо прогнозируются.

Как бы ни был хорошо организован педагогический эксперимент, из него никогда невозможно полностью исключить субъективный фактор, так как в педагогической деятельности, как правило, взаимодействуют два субъекта — обучаемый и обучающий. Таким образом, на первый план выдвигается проблема чистоты педагогического эксперимента, которая непосредственно связана со статусом педагогической науки. Статус науки непосредственно фундирует цели педагогического эксперимента: такой эксперимент призван подтвердить основные положения педагогической теории или же является средством сбора эмпирических данных, подлежащих дальнейшему теоретическому обобщению. Нечетко выделенные цели и задачи эксперимента существенно понижают степень чистоты получаемых результатов.

Другой показатель чистоты педагогического эксперимента — количество участвующих в нем испытуемых. В социологических науках для сбора эмпирических данных учитывается закономерность между общим количеством опрошенных (объем выборочной совокупности) и получаемой при этом ошибки (ошибка выборки), а также проверяется основное свойство выборки — ее репрезентативность. В педагогических науках сведения и рекомендации подобного типа отсутствуют.

Еще один показатель чистоты педагогического эксперимента и получаемых на его основе результатов — особенности взаимодействия педагога (экспериментатора) и учащихся (испытуемых), не исключающие наличие педагогического риска в эксперименте и невозможность использования в педагогической практике полученных в конкретном педагогическом эксперименте педагогических моделей.

Государственные стандарты третьего поколения, используемые в современной практике отечественной высшей школы, создают широкие возможности для вариативности учебных планов и содержания подготовки будущих выпускников отечественных вузов. Поэтому здесь результаты инновационной деятельности будут непосредственно зависеть от профессионального уровня преподавателя, т. е. всецело от субъективного фактора.

ABSTRACT

Current modernization of Russian education lacks technological basis, involves serious ambiguity, and generates new questions and problems. This situation is predetermined by the transformation of educational channels not accompanied by changes in their architectonics and interaction with the new culture. Education and culture interact within two major areas: interaction between social and cultural institutions, and influence of social factors on education, these factors being generated by development of the modern society. In contemporary Russia the federal educational bodies — the Ministry of Education and Science — dynamically respond to the challenges of time. Since the effect of these challenges is a mechanism of developing the ambiguity, the Ministry mostly stands against this ambiguity and not against the existing objective laws of social development. Therefore, the results of modernization in education cannot be definitely predicted.

Even a well-organized pedagogical experiment always includes a subjective factor, since pedagogical activity normally involves two subjects — a student and a teacher. Thus, the problem of the integrity of pedagogical experiment which is directly connected with the status of pedagogical science comes to the forefront. The status of the science predetermines the goals of the pedagogical experiment: this experiment is supposed either to support the major ideas of the pedagogical theory or to become a means of collecting empiric data to be theoretically consolidated later. Indefinite goals and tasks of the experiment dramatically reduce the degree of integrity of the results obtained.

The number of experiment participants serves another indicator of the integrity of pedagogical experiment. In collecting empirical data the social sciences consider the regularity between the total amount of respondents (sampled population) and the error (sampling error); the main feature of the sampling — its representativeness — is also monitored. Pedagogical sciences possess no information or recommendations of this kind.

Another indicator of the integrity of pedagogical experiment and its results involves interactions between the teacher (experiment conductor) and the students (the subjects of experiment) which do not exclude pedagogical risks in the experiment and impossibility of applying the models obtained in the pedagogical experiment in their teaching practices.

The federal standards of the third generation applied in modern higher education offer wide variability of curricula and educational content. Therefore, the results of innovative activity will directly depend on the professional level of teachers, i. e. on the purely subjective factor.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

феномен образования, модернизация образования, педагогический эксперимент, педагогическая инновация, воспитание, обучение, чистота эксперимента

KEY WORDS

phenomenon of education, modernization of education, pedagogical experiment, pedagogical innovation, upbringing, teaching, experimental integrity

Российское общество, отличающееся сложными и противоречивыми процессами формирования новых общественных отношений, нуждается в системе образования, соответствующей требованиям сегодняшнего времени. Между

тем проводимая модернизация образования не технологична, сопровождается довольно серьезными условиями неопределенности, порождает очередные вопросы и проблемы, не всегда решив старые. Такое положение детерминирует

вано тем, что канал образования трансформируется, а его способ взаимодействия с изменившейся культурой и архитектура остаются прежними.

Взаимодействие образования и культуры осуществляется в русле двух основных направлений: взаимодействие социальных и культурных институтов и воздействие на институт образования факторов социокультурного порядка, порождаемых развитием современного общества.

В первом случае утверждается, что образование есть относительно самостоятельный социокультурный институт жизнедеятельности общества, который определенным образом «реагирует» на динамику других социальных институтов, изменяя свою структуру или содержание в соответствии с изменяющимися условиями. Поэтому другие социальные институты также «реагируют» на трансформацию института образования. В 1950–1960-е гг. в Советском Союзе в сферу образования были втянуты помимо института образования такие социальные институты, как институты культуры (театральная деятельность, киноиндустрия, спортивная деятельность), институты экономики, средства массовой информации и т. д. В этот же период формировалась система непрерывного образования, охватывающая и производственную сферу, закладывались основы диверсификации образования. В 1990-е гг. из образовательной деятельности были выключены, помимо экономических институтов, институты культуры и средства массовой информации, была разрушена система непрерывного образования, а замены им не нашлось.

Увеличение доли информационных технологий в традиционном обучении привело к тому, что система образования стала одним из звеньев информационной экономики, занимает свое, вполне определенное место на рынке информационных услуг. Это говорит о том, что в настоящее время образование становится коммерческим производственным процессом и превращается в сферу услуг.

Во втором случае анализ социокультурной реальности помогает установить основные вызовы времени и характер их влияния — в первую очередь — на систему высшего образования. И, пожалуй, главным, основным вызовом является тот факт, что человечество уже вступило в постиндустриальную фазу техногенной цивилизации и находится на пути к информационному обществу. Однако сам термин «вызов времени», довольно часто в последние годы используемый в гуманитаристике, не всегда адекватно отражает события и явления, наблюдаемые в социуме.

Непосредственное воздействие определенных факторов социокультурного характера на институт образования обладает определенными характеристиками, одной из которых является их антиномичный характер. Антиномичность уже проявляется в формах, в которых осуществляется действие самих факторов. Например, переход на информационные технологии одновременно сопровождается очевидными благами информатизации общества и появлением новых проблем глобального характера, с которыми человечеству только предстоит справиться. Поэтому таким явлениям и феноменам в наибольшей степени соответствует понятие «симптом».

Отдельно взятый симптом проявляется двояким образом: как феномен социальной реальности или как потребность общества (на уровне отдельного индивида, социальной группы или всего социума) в образовательных услугах определенного типа. В совокупном же действии симптомов легко усматривается аналогия с законом больших чисел из математической статистики, позволяющая легко понять механику действия симптомов на систему высшего образования. Так, формулируя значение теоремы П. Л. Чебышева, являющейся математическим выражением этого закона, В. Е. Гмурман писал: «оказывается, что при некоторых сравнительно широких условиях суммарное поведение достаточно большого числа случайных величин почти утрачивает случайный характер и становится зако-

номерным. Для практики очень важно знание условий, при выполнении которых совокупное действие очень многих случайных причин приводит к результату, почти не зависящему от случая, так как позволяет предвидеть ход явлений» [3, с. 101].

Симптоматика социокультурных факторов в первую очередь характеризует основные тенденции развития социума, и поэтому не позволяет адекватно оценить процессы, происходящие непосредственно в самом образовании. Однако механизм социальных эстафет разрешает транслировать эти вызовы в образование, «смягчая» их давление на образование. Наиболее ярко этот механизм проявляется в системе высшего образования. При этом наблюдаемые симптомы невозможно непосредственно реализовать в системе деятельности высшей школы; но если эти симптомы все же реализуются в ее деятельности, то это уже не симптомы.

Такая особенность социокультурных факторов, оказывающих непосредственное влияние на состояние и развитие института отечественного образования, проявляется в точках бифуркации, о которых и свидетельствуют указанные антиномии. И. Р. Пригожин, бельгийский физик и физикохимик, лауреат Нобелевской премии (1977), следующим образом комментирует феномен бифуркации: «Литературное произведение, как правило, начинается с описания исходной ситуации с помощью конечного числа слов, причем в этой своей части повествование еще открыто для многочисленных различных линий развития сюжета. Эта особенность литературного произведения как раз и придает чтению занимательность — всегда интересно, какой из возможных вариантов развития исходной ситуации будет реализован. Так же и в музыке — в фугах Баха, например, заданная тема всегда допускает великое множество продолжений, из которых гениальный композитор выбирал на его взгляд необходимое. Такой универсум

художественного творчества весьма отличен от классического образа мира, но он легко соотносим с современной физикой и космологией»¹.

В условиях современной России наиболее динамично на вызовы времени реагирует не система высшего образования, а органы государственного управления этой системой в лице Министерства образования и науки РФ. Модернизация высшего образования, проводимая министерством, призвана отразить совокупное действие соответствующих вызовов времени. Поскольку действие этих вызовов является механизмом по выработке условий неопределенности, то действия министерства по реформированию отечественного образования в наибольшей степени отражают возникающие при этом условия неопределенности, а не закономерности развития социума. Поэтому результаты модернизации высшего образования слабо прогнозируются. При этом искусственно производимый поворот направления вектора развития отечественного образования постоянно сдерживается генотипическими особенностями сложившейся исторически отечественной системы образования.

Начиная с XIX столетия, и педагоги, и представители социально-гуманитарного знания, и политики стремились дать по возможности исчерпывающую дефиницию понятия «образование». И всякий раз авторы открывали в этом понятии все новые и новые грани, его содержание уточнялось, наблюдалось неограниченное расширение денотата. Тем не менее стандартной формулировки определения этого понятия и в философской, и в социально-гуманитарной, и в педагогической литературе не существует до сих пор. Как правило, понятие «образование» обозначает одновременно процесс и ре-

¹Пригожин И. Философия нестабильности // Универсальный портал «Материалистическая диалектика». Вопросы философии. 1991. № 6: [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.nns.ru/vv/papers/nature/nonstab.htm> (дата обращения: 5.05.2005).

зультат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков. Сохраняя в структуре определения два ключевых признака: «процесс» и «результат», разные авторы содержание указанных процессов и результатов видят по-разному.

При всей своей многоликости аспекты и значения термина «образование» имеют нечто общее: все они так или иначе связаны со становлением личности человека, с передачей ему и освоением им социального и культурного опыта, а также с передачей культурных ценностей новым поколениям.

Между тем в последние годы в научной литературе наметилась тенденция отхода от стремления дать исчерпывающее определение термину «образование» и родилась традиция эксплицировать смыслы образования. В частности, смыслы образования обнаруживаются на бытовом (эмпирическом), личностном и социальном уровнях. Поскольку общество динамично, то смыслы образования постоянно добавляются и изменяются. Различные определения и трактовки смысла образования, по сути, являющиеся языковыми практиками, эксплицирующими разные грани феномена образования. Репрезентация все новых и новых смыслов заставляет усомниться в целесообразности неограниченного расширения смыслового поля образования, а нечеткость критериев выделения смыслов не только расширяет возможности их толкования, но и приводит к значительной трансформации объектно-предметного поля педагогики, их изучающей.

Как известно, инновация есть определенное нововведение, или новшество. По отношению к педагогической деятельности сразу же возникает вопрос: когда, где и при каких условиях такое нововведение появляется или внедряется и какова результативность инновационной деятельности? В педагогической деятельности новое может быть объективно новым и субъективно новым, т. е. новым для конкретного педагога, преподавателя, внедряющего педагоги-

ческое новшество. К этому необходимо добавить личностные характеристики педагогов, их психологические особенности, психологические особенности обучающихся, участвующих в инновационной деятельности, — все это в совокупности помогает понять, почему одна и та же педагогическая технология, применяемая разными педагогами, приводит к различным результатам, а в отдельных случаях — к конфликтам и противоречиям.

По мнению многих авторов, одна из главных проблем педагогической инноватики — переход от стихийного и слабоуправляемого применения педагогами-практиками достижений педагогической науки и передового педагогического опыта к внедрению этих достижений как управляемому процессу. Исходя из этого, определяются соответствующие задачи инновационной исследовательской деятельности, заключающиеся в раскрытии эффективных механизмов оптимальной инновационной деятельности внедрения. Данный подход, с одной стороны, существенно сужает понятие инновации, сводя его только к деятельности внедрения, с другой стороны, этот подход репрезентирует субъективный фактор, который способен свести на нет все усилия по эффективному внедрению педагогических новшеств. Примеров тому можно найти множество в практике применения дистанционных и информационных технологий.

Как бы ни был хорошо организован педагогический эксперимент, из него никогда невозможно полностью исключить субъективный фактор, так как в педагогической деятельности, как правило, взаимодействуют два субъекта — обучаемый и обучающий. Поэтому учение об инновационной деятельности должно распространяться на обоих субъектов, без исключений.

Таким образом, на первый план выдвигается проблема чистоты педагогического эксперимента, которая непосредственно связана со статусом педагогической науки: эта наука является

теоретической или экспериментальной? Статус науки непосредственно фундирует цели педагогического эксперимента: такой эксперимент призван подтвердить основные положения педагогической теории или же педагогический эксперимент является средством сбора эмпирических данных, подлежащих дальнейшему теоретическому обобщению? Нечетко выделенные цели и задачи эксперимента существенно понижают степень чистоты получаемых в его ходе результатов.

В начале 2005 г. в журнале «Мир психологии» была опубликована статья В. М. Розина, подготовленная им по просьбе Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК Министерства образования и науки РФ, в которой автор, в частности, писал: «...по сути, пришел в полный упадок традиционный органон педагогического знания... Существенным моментом современной ситуации является кризис базисных культурных сценариев и идеологии, а также распад сложившейся в советский период социальной общности. Отсутствие здесь ясных альтернатив ставит педагогику в трудную ситуацию, поскольку педагоги перестали понимать, кого они должны готовить и для какой жизни, т. е. речь идет о глубоком кризисе идеалов и целей педагогического образования» [5, с. 176].

Как известно, в целостном педагогическом процессе по-прежнему выделяют два главных — процесс воспитания (воспитательный процесс) и процесс обучения (учебный процесс). Несмотря на то что одной из главных функций учебного процесса является воспитательная, общие закономерности организации процесса воспитания и процесса обучения все же являются различными. Слабое различие (слабое реагирование, отсутствие учета) этих закономерностей служит вторым фактором, понижающим чистоту педагогического эксперимента.

Напомним, что в 1990-е гг. отменяются и отрицаются все постулаты социалистической системы воспитания. На государственном уровне зазвучала идея «Школа вне политики, никакой идеоло-

гии». И вместе с искоренением идеологии оказалась потерянной и сама идея воспитания учащихся. В 1990-е гг. в школах упраздняются планы воспитательной работы, исчезает необходимость формирования самого детского коллектива. Детей начали делить на обучающихся успешно и неуспевающих, благополучных и неблагополучных. Способствует такому разделению политическая и экономическая ситуация в стране: родители заняты зарабатыванием денег, поиском и реализацией условий для относительной экономической стабильности.

Потеряв устоявшиеся каноны воспитания, педагогикой ничего нового предложено не было. Термин «воспитание» исчезает из устойчивого словосочетания «обучение и воспитание».

Т. В. Кутузовой было проведено интересное исследование, подтверждающее данный тезис [2]. Методом мониторинга с применением элементов контент-анализа ею были изучены материалы ряда периодических педагогических изданий. Так, сплошное исследование материалов, опубликованных в «Учительской газете» за 1996 г., показало, что в публикациях этой газеты главными темами для обсуждения стали проблемы учебников, зарплат учителей, аттестации учителей и прочих немаловажных вопросов. Статей, в которых обсуждались бы проблемы воспитания, исследовательница насчитала не более 17. Тем же методом мониторинга Т. В. Кутузовой изучались материалы отдельных номеров журнала «Вестник образования России» (сборник приказов и инструкций Министерства образования и науки за 2009–2010 гг.). В частности, результаты анализа этого журнала не отличаются от результатов исследования публикаций из «Учительской газеты». И только в речи Президента Российской Федерации Д. А. Медведева, обращенной к Федеральному собранию страны 12 ноября 2009 г., звучат следующие слова: «Для достижения этих целей начинать надо с самого главного — с воспитания новой личности в школе» [4, с. 7]. Как отме-

чает Т. В. Кутузова, невольно складывается впечатление, что авторы избегают самого слова «воспитание». А если этот термин все же употребляется как явный, то воспитание понимается в узком смысле, как непременно связанное с воспитанием у учащегося какого-либо конкретного качества.

Но сама жизнь показала, что в современном российском обществе существует настоятельная потребность в воспитании подрастающего поколения. Современные школьники и студенчество, как и преподавательский состав, принадлежат к разным субкультурам, аккумулируют разные культурные традиции. И проблема состоит в том, каким образом наладить трансляцию культурных и духовных ценностей в условиях разнополярной социальной и культурной стратификации образовательного учреждения.

Что касается теории обучения, то здесь действуют определенные законы, непосредственно влияющие и на результаты педагогического эксперимента, и на результаты их внедрения. Например, всегда, с момента реального появления тех или иных технических средств для обработки и хранения информации, эти технические средства непосредственно применялись или шли поиски их применения в учебном процессе. В результате проведенных психолого-педагогических исследований был обнаружен следующий фундаментальный закон технологии обучения: никакие новые методы обучения не могут быть реализованы на старом содержании учебного материала. Но как никакие новые методы обучения не могут быть реализованы на старом содержании учебного материала, так и никакое новое содержание учебного материала не сможет эффективно пройти через образовательный канал, не соответствующий современной культуре.

Третий показатель чистоты педагогического эксперимента — количество участвующих в нем испытуемых. Не секрет, что многие педагоги-практики используют педагогический эксперимент и написанную на его основе на-

учную работу для повышения своего профессионального статуса. Косвенно это утверждение можно подтвердить хотя бы тем, что по данным, опубликованным на официальном сайте ВАКа, за период с 15.08.2006 г. по 27.04.2012 г. размещено 738 объявлений о защите докторских диссертаций по педагогическим наукам¹. За тот же период размещено 592 объявления о защите докторских диссертаций по историческим наукам; 467 — о защите докторских диссертаций по философским наукам; 202 — о защите докторских диссертаций по психологическим наукам.

В социологических науках для сбора эмпирических данных, например, выборочным методом на основе опроса, четко установлена закономерность между общим количеством опрошенных (объем выборочной совокупности) и получаемой при этом ошибкой (ошибка выборки), а также проверяется основное свойство выборки — ее репрезентативность. Именно эти сведения позволяют определить пути и способы использования полученных результатов. В педагогических науках сведения и рекомендации подобного типа отсутствуют.

Четвертый показатель чистоты педагогического эксперимента и получаемых на его основе результатов — особенности взаимодействия педагога (экспериментатора) и учащихся (испытуемых), не исключающие наличие педагогического риска в эксперименте и невозможность использования в педагогической практике полученных в данном конкретном педагогическом эксперименте педагогических моделей. А. А. Арламов утверждает, что «педагогический риск — это акт принятия педагогического решения в ситуации неопределенности с наиболее вероятным прогнозом в получении ожидаемого результата. Надежность и обоснованность этого прогноза — сте-

¹Высшая аттестационная комиссия (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: <http://vak.ed.gov.ru/ru/> (дата обращения: 9.12.2012).

пень педагогического риска» [1, с. 25]. И поскольку в педагогической практике требуется время, для того чтобы результат педагогического воздействия можно было оценить как положительный или отрицательный, то наверняка условия внедрения экспериментально полученных результатов будут уже иными.

Тот же А. А. Арламов отмечает: «Существующие сегодня способы профилактики (девиантного поведения. — Т. А.)... всю профилактику сводят либо к запретам, либо к знакомству с девиантными формами. Подобные способы „борьбы“ несут в себе педагогический риск, поскольку связаны прежде всего с тем, что в них заложено „обратное действие“. Субъект, на которого направлена педагогическая профилактика девиаций, принципиально открыт к подобного рода педагогической деятельности, и совершенно необязательно, что профилактика приведет к положительному результату» [1, с. 27].

В основе современной государственной политики РФ в области высшего образования лежат государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ГОС ВПО), созданные для подавляющего большинства вузовских специальностей. Во вводимых в практику высшей школы государственных образовательных стандартах третьего поколения используются параллельно сразу три концепции: описание системы общекультурных и профессиональных компетенций выпускника; система профессиональных задач, которые должен уметь решать выпускник высшего учебного заведения; перечень рекомендуемых государственными стандар-

тами учебных дисциплин и перечень проектируемых результатов их усвоения (все те же знания, умения и навыки). При этом описание системы компетенций и содержание профессиональных задач не перекрываются рекомендуемыми в госстандартах учебными дисциплинами. Тем самым создаются широкие возможности для вариативности учебных планов и, следовательно, содержания подготовки будущих выпускников отечественных вузов.

В проектной деятельности, связанной с разработкой моделей (эталонов) специалистов либо государственных образовательных стандартов, объектом исследования становится структура, обеспечивающая переход от социокультурного пространства к институту высшего образования и, как следствие, непосредственно к его содержанию. И здесь возникает очередная проблема, уже характеризующая профессиональный уровень профессорско-преподавательского состава, реализующего в обучении государственные стандарты: разные преподаватели будут демонстрировать разный уровень своей собственной компетенции в соответствующем учебном предмете в зависимости от понимания ими целей подготовки будущих специалистов. Таким образом, результаты инновационной деятельности в области целепостановки и отбора содержания учебных дисциплин в высшей школе будут непосредственно зависеть от профессионального уровня преподавателя, т.е. всецело от субъективного фактора, который можно рассматривать как еще один показатель чистоты педагогического эксперимента.

Литература

1. Арламов А. А. Деятельностный подход в социально-педагогическом исследовании профилактики девиаций: Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. Краснодар, 2012.
2. Арташкина Т. А., Кутузова Т. В. Проблема воспитания как педагогическая и социокультурная проблема в современных условиях // Педагогика и психология в России: вчера, сегодня, завтра: Сб. ст. Вып. 3. Алейск; Барнаул, 2011. С. 5–12.
3. Гмурман В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика: Учеб. пособие для вузов. 5-е изд. М., 1977.
4. Из Послания Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному собранию РФ. 12 ноября 2009 // Вестник образования России. 2009. № 23 за 12/09.

5. Розин В.М. Современная наука и проблемные ситуации научных исследований // Мир психологии. 2005. № 2 (42). С. 173–194.

References

1. Arlamov A. A. Activ approach in social and pedagogical research of precautions of deviations: Abstract of dissertation for the degree of doctor of pedagogical Sciences. Krasnodar, 2012.
2. Artashkina T. A., Kutuzova T. V. Upbringing problem as a pedagogical and sociocultural problem in modern conditions // Pedagogy and psychology in Russia: yesterday, today, tomorrow: Collected articles. Release 3. Aleisk; Barnaul, 2011. P. 5–12.
3. Gmurman M. E. Probability theory and mathematical statistics: manual for universities. Edition 5. M., 1997.
4. *From the Message* of the President of the Russian Federation D. A. Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation on November 12, 2009 // Bulletin of education of Russia. 2009. N 23 on 12/09.
5. Rozin V. M. Modern science and problem situations on the scientific research // The world of psychology. 2005. N 2 (42). P. 173–194.

М. А. Кашина

M. A. Kashina

Использование гендерного ресурса развития как социальная инновация в государственном управлении

The Using of Gender Resource of Development as a Social Innovation in Public Administration

Кашина Марина Александровна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры социологии и социальной работы
Кандидат философских наук, доцент
Kashina_soc@inbox.ru

Kashina Marina Aleksandrovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Associate Professor of the Chair Sociology and Social Work
PhD in Philosophy, Associate Professor
Kashina_soc@inbox.ru

РЕФЕРАТ

Недооценка возможностей использования гендерного ресурса развития, в том числе социального потенциала женщин, дорого обходится национальной экономике. Существует прямая связь между уровнем человеческого развития и уровнем гендерного неравенства в обществе. Глобальные доклады ПРООН убедительно это подтверждают. В России в последние годы не наблюдается прогресса в отношении сокращения гендерного неравенства, и в то же время существуют гендерные проблемы, ведущие к стагнации социального развития. Это: разрыв в заработной плате женщин и мужчин, который составляет более 1/3, неоплачиваемый труд в домашнем хозяйстве, феминизация бедности, миграция, в том числе нелегальная, оказывающая заметное влияние на социальное воспроизводство в регионах, проституция, порнография и др. Все это требует пересмотра традиционных подходов в государственном управлении. Одним из путей повышения внимания государства к гендерным проблемам выступает использование концепции гендерно ориентированного государственного управления. Ее внедрение в управленческую практику государственных органов следует считать социальной инновацией, поскольку это требует не только использования новых методов и средств управления, но и, в первую очередь, изменения ценностных ориентаций чиновников, повышения их гендерной компетентности.

ABSTRACT

Underestimation of the gender resource of development, including social potential of women, inhibits the development of national economy. There is a direct relationship between the level of human development and the level of gender inequality in society. Global reports of UNDP convincingly confirm it. In Russia in recent years, there is no progress in reducing gender inequality, and at the same time, there are gender issues that lead to the stagnation of social development. These are: the wage gap between women and men, which is more than one third, unpaid work in the household, the feminization of poverty, migration, including illegal, prostitution, pornography, etc. All of this requires revision of the traditional approaches to the public administration. One of the ways to draw the government's attention to gender issues is the using of the concept of gender-based public administration. Its applying into the practices of public authorities should be regarded as social innovation, as it requires not only the using of new methods and means of management, but, first of all, changing of the value orientations of officials, increasing of their gender competence.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гендер, теория человеческого развития, социальная инновация, государственное управление

KEY WORDS

gender, theory of human development, social innovation, public administration

Международные эксперты полагают, что «среди всех аспектов человеческого развития прогресс гендерного равенства приносит наиболее очевидные и комплексные результаты в отношении социально-экономического развития страны» [14, с. 375]. Рост гендерного равенства в обществе способствует не только решению актуальных социальных проблем, но и улучшает условия для использования человеческого потенциала женщин. В силу чего он выступает одним из значимых социальных ресурсов развития национальной экономики.

В данной статье использование гендерного ресурса развития будет рассматриваться с точки зрения его инновационного характера по отношению к сложившейся практике российского государственного управления. Эта инновационность объясняет как потенциал, содержащийся во внедрении гендерной концепции¹ в практику деятельности государственных органов, так и сложности этого процесса.

Британский экономист А. Сен, один из создателей теории человеческого развития, обсуждая основные аспекты развития как свободы, отмечает: «В анализе развития женской активностью пренебрегали прежде всего, хотя ничто не является столь же важным в политической экономике развития, как адекватное признание участия и лидерства женщин в политической и экономической жизни» [12, с. 227]. Более того, «ограничение активной деятельности женщин отрицательно сказывается на жизни всех людей — мужчин и женщин, детей и взрослых» [12, с. 214].

Комплексный характер позитивных последствий выравнивания возможностей мужчин и женщин во всех сферах жизни общества хорошо осознается мировым сообществом. В 1970-е гг. проблемы женщин были включены в повестку дня ООН, и началась разработка аналитических инструментов, позволяющих

контролировать процесс достижения гендерного равенства на национальном уровне.

В настоящее время при расчете индекса гендерного неравенства, используемого в глобальных докладах Программы развития ООН (ПРООН), учитываются два демографических показателя — коэффициент материнской смертности и коэффициент рождаемости у подростков, один политический — число мест в национальном парламенте, один экономический — экономическая активность женщин и мужчин, и один социальный — доля лиц в возрасте 25 лет и старше, имеющих как минимум среднее образование, отдельно для мужчин и женщин.

В 2012 г. рейтинг равноправия полов был рассчитан ПРООН для 148 стран [4, с. 156–159] (см. таблицу). Данные таблицы убедительно свидетельствуют о том, что страны, имеющие высокие показатели по человеческому развитию, как правило, демонстрируют низкий уровень гендерного неравенства².

Россия в рейтинге гендерного равенства, как и в рейтинге ПРООН по развитию человеческого потенциала, занимает позиции в первой трети списка, входя в группу стран с высоким уровнем человеческого развития. Однако в рейтинге по гендерному равенству Россию опережают не только прибалтийские республики, но и Молдова. При этом, в отличие от положительной динамики по ИЧР в последние годы, в рейтинге по индексу гендерного неравенства никакого прогресса не наблюдается.

Это актуализирует вопрос о необходимости поиска новых методов сокращения гендерного неравенства в российском обществе и более полном использовании гендерного ресурса развития.

² Расхождения в рейтингах объясняются значением экономической составляющей индекса ИЧР. В индексе гендерного неравенства учитывается экономическая активность женщин и мужчин, а не размер валового внутреннего продукта на душу населения, как в ИЧР, в силу чего Финляндия оказалась на одном уровне с Германией по гендерному равенству, но отстает от нее по ИЧР на 16 пунктов.

¹ Подробнее о концепции гендерно ориентированного государственного управления см. [8].

Рейтинг отдельных стран по уровню гендерного неравенства*

Страна	Место в рейтинге гендерного равенства, 2012	Значение индекса ген- дерного неравенства, 2012	Место в рейтинге по индексу человече- ского развития (ИЧР), 2012
Нидерланды	1	0,045	4
Швеция	2	0,055	7
Швейцария	3–4	0,057	9
Дания	3–4	0,057	15
Норвегия	5	0,065	1
Финляндия	6–7	0,075	21
Германия	6–7	0,075	5
Словения	8	0,080	21
Франция	9	0,083	20
Исландия	10	0,089	13
...			
Молдова	49	0,303	113
Белоруссия	н/д	н/д	50
Казахстан	51	0,312	69
Россия	51	0,312	55
Азербайджан	54	0,323	82
Украина	57	0,338	78
Армения	59	0,340	87
Таджикистан	57	0,338	125
Кыргызстан	64	0,357	125
Грузия	81	0,438	72
...			
Нигер	146	0,707	186
Афганистан	147	0,712	175
Йемен	148	0,747	160

* 1 — полное гендерное неравенство, 0 — минимальное гендерное неравенство.

Главная сложность преодоления гендерного неравенства состоит в том, что оно социокультурно легитимировано гендерными стереотипами. П. Бурдые анализирует это с точки зрения символической власти мужчин. Он пишет: «Мужское господство гарантировано настолько сильно, что у него нет необходимости искать оправдание... Деление полов кажется соответствующим самому „порядку вещей“, потому что оно присутствует

как в социальном мире... так и в габитусе, т. е. в инкорпорированном состоянии». «Мифоритуальная система вписана... в социальные отношения доминирования и эксплуатации, установленные между полами, а также в систему представлений... в силу этого данная система постоянно подтверждается и легитимируется теми практиками, которые сама же определяет и легитимирует» [2, с. 293–294].

Система гендерных стереотипов и традиционных (патриархатных) гендерных представлений действует и воспроизводится на всех уровнях от индивидуального (внутриличностного) до макросоциального (институционального и социокультурного) [подробнее см. 9, с. 162–168, 247–258, 282–285]. Господствующие культурные образцы задают диапазон действий как государственным органам, так и средствам массовой информации, общественным организациям, политическим партиям и другим компонентам гражданского общества. Именно этим объясняется, что женские организации далеко не всегда выступают за достижение гендерного равенства, женщины-журналисты часто делают сексистские¹ передачи и пишут сексистские статьи, а женщины-избирательницы не голосуют за женщин-кандидатов в депутаты.

Можно выделить три взаимосвязанных блока проблем в социально-экономической сфере, имеющих явно выраженную гендерную природу: неоплачиваемый труд в домашнем хозяйстве, гендерная сегрегация в занятости и феминизация бедности. Первые две можно рассматривать как причины, а третью — как их следствие. Причем государство работает только с последней проблемой, оставив решение первых двух стихий рынка. В результате, как свидетельствуют данные государственной статистики, в этих сферах мало что меняется на протяжении всей истории постсоветской России. Средняя начисленная заработная плата женщин за октябрь 2011 г. составила только 64% от размера мужской. Это даже меньше, чем было в октябре 2009 г., когда она составляла 65% [6, с. 159]. Такое же соотношение было зафиксировано и в 2003 г. [7, с. 108].

Решение проблемы неоплачиваемого труда в домашнем хозяйстве тесно связано с развитием отраслей социальной сферы, которые в современном обществе

взяли на себя многие функции, выполняемые в семье женщинами. Слабость и неразвитость социальных отраслей оканчивается слабостью женщины, потому что это увеличивает ее нагрузку в домашнем хозяйстве в качестве няни, сиделки, воспитательницы, кухарки и т. д., выступает причиной сокращения возможностей наращивания и использования человеческого капитала женщин.

Другой группой проблем, имеющих гендерную природу и не входящих в число реальных приоритетов государственного управления, являются демографические. Точнее говоря, здесь складывается та же ситуация, что и с феминизацией бедности. На политическом уровне государственного управления признается факт депопуляции и предпринимаются шаги по ее преодолению. Однако как нельзя преодолеть женскую бедность, не признав труд в домашнем хозяйстве производительным и имеющим общественную ценность, не признав на деле, а не на словах, что заработная плата в образовании должна быть соотносима хотя бы с заработной платой в строительстве или на транспорте, — точно также нельзя добиться устойчивого повышения рождаемости, не признав, что ответственность за рождение и воспитание детей должна быть не материнской, а родительской, что важно не только количество детей в семье, но и качество их жизни в ней.

Нигде на политическом уровне не обсуждаются гендерные аспекты миграции. Хотя очевидно, что миграция, особенно нелегальная, как правило, ведет к усилению гендерного неравенства, потому что увеличивает личную зависимость женщины-мигрантки от работодателя, снижает уровень ее правовой и социальной защищенности и т. д. Мужчины-мигранты также испытывают ограничение свободы, но нормативная мужественность предоставляет им гораздо больший репертуар стратегий ее преодоления.

Отдельный сюжет — гендерные проблемы в семьях мужчин/женщин-ми-

¹ Сексизм — практика, посредством которой одному полу отдается предпочтение по сравнению с другим.

грантов, уехавших на заработки. С одной стороны, если речь идет об иностранных мигрантах, эти семьи проживают в странах-донорах, и поэтому их проблемы, на первый взгляд, не имеют отношения к России. С другой стороны, именно в эти страны мигранты отправляют большую часть своих заработков, полученных в стране пребывания; члены этих семей зачастую приезжают к своим «кормильцам» нелегально и живут вместе с ними, увеличивая нагрузку на социальную сферу наших городов и деревень.

Привлекаемые поиском работы в другую страну с иным языком, обычаями и, зачастую, религией, мигранты неизбежно сталкиваются с проблемой культурной интеграции в новую среду. От успешности этой интеграции зависит их будущее, будущее их семей и будущее регионов, которые их принимают, потому что мигранты становятся частью их социального (в том числе демографического) потенциала.

Особая гендерная проблема — торговля женщинами. Вечность и нерешаемость этой проблемы — яркое свидетельство патриархатности современного государства. Более 100 лет назад прогрессивные общественные деятели отмечали тот факт, что поскольку «каждая женщина располагала телом, которое она могла превратить в товар, дававший дополнительный доход», в отраслях широкого применения женского труда платили гораздо меньше [5, с. 47]. Понимание униженности и оскорбительности торговли женским телом ничуть не мешает в XXI в. расцвету порнографии в Интернете и проституции на улицах российских городов. Более того, периодически раздаются призывы к легализации публичных домов и занятия проституцией, несмотря на то, что это никак не укладывается в понятие «прав человека», а необходимые для криминализации торговли женщинами поправки в Уголовный кодекс страны все еще обсуждаются.

Таким образом, можно констатировать, что в российском обществе существуют «вечные» гендерные проблемы, ведущие к нарушению нормального функциониро-

вания отдельных социальных институтов и общества в целом. Это формирует социальный заказ на инновации в системе государственного управления, поскольку «объективную основу нововведения составляют новые потребности, которые формируются в тех или иных областях жизнедеятельности индивидов, общества и не могут быть удовлетворены за счет наличных способов и результатов деятельности» [10, с. 44].

Такой социальной инновацией можно считать использование гендерного подхода к государственному управлению, который является одной из «постиндустриальных ориентаций управленческой мысли», позволяющей провести «модернизацию управленческих структур в связи со спонтанными процессами социетальной трансформации российского общества» [13, с. 45]. В качестве социетальной трансформации здесь выступает изменение роли и места женщин в жизни общества.

Однако, для того чтобы инновация состоялась и новшество было использовано, необходимо изменение не только предмета, но также целей и средств деятельности, т. е. самого субъекта управления как субъекта инновации. На пути этого стоит рутинизация как «привычный, воспринимаемый как данное, характер большинства повседневных социальных действий» [3, с. 501]. Она является средством обеспечения чувства онтологической безопасности, поддержания стабильности социального порядка и социальных структур, но применительно к государственному управлению, будучи укорененной в сознании лиц, принимающих решения, она может стать источником сопротивления внедрению новых подходов и методов управления.

В определении социальной инновации, в отличие от технической или структурно-организационной, акцентируется ее связь с субъективным миром человека и изменением социальных отношений. Социологическая энциклопедия определяет социальную инновацию как процесс, «связанный с переходом в качественно иное состояние и сопрово-

ждающийся тщательным пересмотром устаревших положений и норм, формированием новых групповых общностей»¹.

Н. Басов предлагает определение, которое связывает инновации с процессами социальной самоорганизации и включает в себя три момента — причину, деятельность и результат. Инновация как новая идея, концепция или технология, полагает этот автор, возникает как отклонение в функционировании социальной системы в результате осмысления индивидом отклоняющейся от ожиданий информации. Инновация представляет собой действующую социальную технологию, нацеленную на формирование у данной системы качественно новых конструктивных свойств. Инновация способна привести к самоорганизации новых социальных структур [1, с. 187].

С позиций такого понимания инновации гендерно ориентированное государственное управление выступает как ответ на осмысление снижения социального капитала и роста социальной напряженности в обществе, сохраняющуюся феминизацию бедности, несмотря на декларируемое государством стремление к росту благосостояния и социального благополучия всех граждан. Как социальная технология гендерно ориентированное государственное управление должно вести к оптимизации гендерных отношений в обществе и наращиванию человеческого капитала мужчин и женщин, а также расширению возможностей его использования. В качестве источника порождения новых социальных структур гендерно ориентированное государственное управление способно дать импульс к созданию новых общественных организаций гражданского общества, реализующих интересы женщин и мужчин. Подобное управление является инновацией в первую очередь потому, что никогда ранее управленческие решения

в нашей стране не принимались с учетом их влияния на статус мужчин и женщин в обществе².

С другой стороны, такое управление будет способствовать «разрешению противоречий, возникающих в условиях неоднородного и нестабильного общественного развития, сосуществования разных аксиологических систем, усиления процессов социальной мобильности, когда многие из традиционных форм и методов обеспечения социальных гарантий оказались несостоятельными»³.

Гендерно ориентированное управление, вместо того чтобы идти по привычному для либеральной социальной политики пути роста размеров социальных пособий и выплат населению на основе жесткого контроля уровня нуждаемости, стремится к расширению возможностей женщин в экономической сфере за счет преодоления социокультурных гендерных барьеров в профессиональной и должностной карьере женщин. Тем самым в управлении реализуются ценности индивидуальной свободы, когда человек сам выбирает свой путь расширения возможностей вести ту жизнь, которую он считает достойной (А. Сен).

О. Набатова подчеркивает, что «социальная инновация — это не только конечный результат творческой деятельности, но и процесс изменения качественных характеристик и механизмов функционирования социально-экономической системы, процесс преобразования новаций в социокультурные нормы и модели поведения, их институциона-

¹ Социальная инновация. Статья в социологической энциклопедии: [Электронный ресурс]. URL: <http://freqlist.ru/sociologiya/enciklopediya-sociologii/socialnaya-innovaciya.html> (дата обращения: 25.10.2013).

² Советская политика государственного феминизма проводилась, как уже отмечалось в третьей главе, не в интересах женщин, а в интересах государства, использовавшего трудовой ресурс женщин для решения задач социалистического строительства, поэтому ее нельзя рассматривать как эффективный способ решения задачи выравнивания возможностей женщин и мужчин в обществе.

³ Набатова О. А. Институциональные аспекты социальных инноваций в постсоветских экономиках: [Электронный ресурс]. URL: <http://be5.biz/ekonomika1/r2011/1517.htm> (дата обращения: 25.10.2013).

лизации и интернализации»¹. В контексте нашей темы это означает, что для осуществления гендерно ориентированного государственного управления необходим переход от традиционных (патриархатных) систем ценностей, норм и образцов поведения к современным (эгалитарным). Более того, эти нормы не могут быть просто введены распоряжением даже самого высокого государственного деятеля в ходе какой-либо кампании, например, года семьи или молодежи, они должны быть институционализированы, т. е. закреплены законодательно и усвоены на личностном уровне (интериоризованы) как субъектом управления (чиновниками), так и населением. В противном случае эта инновация рискует оказаться невоспринятой из-за нестыковки с социальным потенциалом пользователя.

Говоря о социальных инновациях, мы вступаем в зону высокой неопределен-

ности из-за неоднозначности/противоречивости трактовок целей социально-экономического развития. Например, британский специалист по государственному управлению Дж. Малган пишет: «Повышение ожидаемой продолжительности жизни во многих странах мира (в Великобритании среднегодовые темпы составляют 0,3 года) — несомненное благо. Но параллельное увеличение продолжительности нетрудоспособной жизни приводит к растущему числу хронических заболеваний и старческого слабоумия, к чему национальные системы здравоохранения оказываются неготовыми» [11, с. 12].

По аналогии с этим нельзя утверждать, что увеличение в обществе гендерного равенства будет всегда и во всем иметь только положительные последствия. Однако как рост проблем пожилых людей не останавливает человечество в стремлении увеличивать продолжительность жизни, так снижение рождаемости в связи с откладыванием деторождения не должно сокращать возможности образования и профессиональной карьеры для женщин.

¹ Набатова О. А. Институциональные аспекты социальных инноваций в постсоветских экономиках: [Электронный ресурс]. URL: <http://be5.biz/ekonomika1/r2011/1517.htm> (дата обращения: 25.10.2013).

Литература

1. Басов Н. В. Инновация как фактор социальной самоорганизации: процессуально-пространственное моделирование // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11, № 4. С. 185–203.
2. Бурдые П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286–363.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Пер. с англ. М.: Акад. проект, 2003.
4. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. ПРООН. Нью-Йорк / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2013.
5. Древаль И. В. Женский вопрос в XX веке: начало (По материалам классиков женского и рабочего движения) // Гендерные отношения в современном российском обществе: Мат-лы II межвуз. студ. конф. 25 мая 2002 / Отв. ред. Т. А. Мелешко, М. В. Рабжаева. СПб.: Политехника, 2002. С. 44–50.
6. Женщины и мужчины России. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012.
7. Женщины и мужчины России. 2004: Стат. сб. / Росстат. М., 2004.
8. Кашина М. А. Гендерный подход к государственному управлению: российское измерение // Управленческое консультирование. 2013. № 9. С. 126–134.
9. Клецина И. С. Психология гендерных отношений: Теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004.
10. Лапин Н. И. Теория и практика инноватики: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Логос, 2010.
11. Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
12. Сен А. Развитие как свобода / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2004.
13. Тихонов А. В. От социологии менеджмента к социологии управления // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 40–45.

14. *Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса: Учеб. пособие* / Под общ. ред. В.П. Колесова. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Права человека, 2008.

References

1. *Basov N. V.* Innovation as factor of social self-organization: procedural and spatial modeling// Journal of sociology and social anthropology. 2008. Vol. 11, N 4. P. 185–203.
2. *Bourdieu P.* Man's domination // Social space: fields and practices. M.: Institute of experimental sociology, SPb.: Aleteya, 2005. P. 286–363.
3. *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration / translation from English. M.: Academy Project, 2003.
4. *Report on human development 2013.* South eminence: human progress in the diverse world. PROON. New York. Translation from English. M.: Whole world, 2013.
5. *Dreval I. V.* Women's issue in the 20th century: the beginning (On materials of classics of women's and labor movement) // Gender relations in modern Russian society: Materials of the second interuniversity student's conference. On May 25, 2002 / under edition of T. A. Meleshko, M. V. Rabzhayeva. SPb.: Polytechnika, 2002. P. 44–50.
6. *Women and men of Russia. 2012: statistics digest* / Rosstat. M., 2012.
7. *Women and men of Russia. 2004: statistics digest* / Rosstat. M., 2004.
8. *Kashina M. A.* Gender approach to Public Administration: Russian Perspective // Administrative consultation. 2013. N 9. P. 126–134.
9. *Kletsina I. S.* Psychology of the gender relations: Theory and practice. SPb.: Aleteya, 2004.
10. *Lapin N. I.* Theory and practice of innovation. Tutorial. 2nd ed. M.: Logos, 2010.
11. *Mulgan G.* The Art of public strategy. Power and knowledge mobilization for the sake of the general benefit / translation from English. M.: Publishing house of Gaidar Institute, 2011.
12. *Sen A.* Development as freedom: translation from English. M.: New Publishing House, 2004.
13. *Tikhonov A. V.* From management sociology to sociology of management // Sociological researches. 2011. N 2. P. 40–45.
14. *Human development: new measurement of social and economic progress: tutorial* / under a general edition of the prof. V.P. Kolesov. 2nd edition. M.: Human rights, 2008.

**А. И. Соснило
Н. В. Яковлева**

**A. I. Sosnilo
N. V. Iakovleva**

Общие этические нормы и ценности Германии и России как основа межрегионального сотрудничества

General Ethics Values of Germany and Russia as a Basis Interregional Cooperation

Соснило Андрей Игоревич

Санкт-Петербургский филиал ФГБОУ «Финансовый университет при Правительстве РФ»
Заместитель директора по воспитательной работе,
доцент кафедры «Менеджмент»
Кандидат исторических наук
a_sosnilo@mail.ru

Sosnilo Andrey Igorevich

Saint-Petersburg branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
Vice-director on upbringing work
PhD in History
a_sosnilo@mail.ru

Яковлева Наталья Вячеславовна

Северо-Западный институт управления —
филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Преподаватель, аспирант кафедры международных
отношений
nancy-the-great@yandex.ru

Iakovleva Natalya Vyacheslavovna

North-West Institute of Management — branch
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (St. Petersburg)
Lecturer, graduate student of the Chair of International
Relations
nancy-the-great@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена проблемам анализа общих этических и культурных ценностей Германии и России как основы развития межрегионального и межгосударственного сотрудничества двух стран.

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of general ethical and cultural values in Germany and Russia, as the basis of development of inter-regional and inter-state cooperation in different spheres.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальные ориентиры, ценности, международное сотрудничество, национальная самоидентичность

KEY WORDS

social goals, values, international cooperation, the national self-identity

Процесс глобализации стал новой детерминантой изменений в политической, экономической, социальной и культурной жизни большинства государств, привел к возникновению зависимости не только государства как единого целого, но и возникновения взаимозависимости региональных и местных территориальных сообществ, которые развивают межрегиональные отношения и самостоятельно заключают международные соглашения.

Нарастает желание самих местных сообществ активнее участвовать в международной деятельности, развивать экономические и культурные связи.

Насколько эффективно происходит взаимодействие, зависит не только от экономического и геополитического положения регионов, но и от единого представления о ценностях и нормах, понимания ожиданий второй стороны, правильного ведения переговоров, знания

специфических черт и свойств субъекта общения с другой стороны и наличия личных деловых и дружеских контактов.

Межрегиональное сотрудничество между Немецкими национальными районами (ННР) Алтайского края и Омской области и землями Саксония-Ангальт и Баден-Вюртенберг Германии имеют небольшую, но богатую историю сотрудничества, которая на сегодняшний день помогает развивать эти отношения [6, с. 317–324]. Саксония-Ангальт и Баден-Вюртенберг являются одними из ведущих земель Германии в экономическом развитии, науке и образовании, имеют развитую инфраструктуру, производят высокотехнологичные товары и осуществляют широкие научные исследования в большинстве отраслей науки и техники.

Для того чтобы перенять их опыт, Немецким национальным районам в России необходимо проявить международную активность, развивая сотрудничество с немецкими землями, с которыми у них есть совместная история, общие ценности и схожее этическое воспитание. Необходимо использовать свои сильные стороны для развития экономического сотрудничества, взаимодействия в науке и образовании.

Активность межрегионального взаимодействия между ННР и землями Германии объясняется несколькими причинами. В первую очередь, непосредственно после войны было желание поощрять, в частности путем развития побратимских связей между коммунарами, примирение и взаимное познание народов, которые сражались друг против друга. Во вторую очередь — сохранение общих ценностей и норм воспитания и поведения в обществе. И, наконец, стремление этих сообществ способствовать экономическому и социальному развитию [7].

В ходе развития ННР в субъектах Российской Федерации были замечены различия в поведении немцев и русских в общении, ведении бизнеса и воспитании своих детей.

Существует ряд социальных стереотипов о немцах. Стоят ли за такими стереотипами в современной Герма-

нии реальные качества и ценности для большинства немцев?

Авторы сочли целесообразным рассмотреть следующие известные социальные стереотипы о немцах:

- ответственность и добросовестность;
- высокая работоспособность;
- бережливость и экономность;
- вежливость и добропорядочность;
- владение предметом разговора и профессионализм;
- пунктуальность;
- умение отстаивать свои политические права.

Стереотип немецкой ответственности хотя отчасти утратил свое прежнее влияние, но ответственность ценится во всем мире. В деловой среде Германии ответственность и последовательность исполнения взятых на себя обязательств — норма. То же можно сказать и о государственной сфере, руководители Германии поступательно и планомерно реализуют провозглашенные цели. В подавляющем большинстве эта норма распространяется и на бытовой уровень, и немцы ожидают аналогичного поведения и от своих партнеров.

Недавний конфликт России и Украины по вопросу несанкционированного отбора газа показал, что, несмотря на то что между Германией и Россией был заключен контракт по поставке газа, Россия остановила поставки газа через территорию Украины. Немцы не понимали и не понимают, почему Россия отказалась от своих обязательств, когда конфликт интересов у России на самом деле с Украиной, а не с Германией. Поэтому немцы очень осторожно подходят к вопросу о сотрудничестве с «непредсказуемой» Россией. В перспективе для обеспечения своей энергетической безопасности доля возобновляемых источников энергии в общей структуре энергопотребления в Германии в ближайшие десятилетия должна быть доведена до 80%.

Стереотип добросовестности немцев. Профессионализм и добросовестность представителей большинства профессий подчас поражает многих иностранцев. Доказательством добросовестности

может служить высочайший уровень качества производимых в Германии товаров, которые заслужили признание во всем мире, не исключая Россию. Представители рабочих специальностей, будь то часовщик, сантехник или дорожный рабочий, выполняют свою работу с неподдельной гордостью, внимательно, упорством и аккуратностью.

Такой социальный стереотип, как *бережливость и экономность* немцев, особенно проявил себя в полуразрушенной Германии в начале XX века, когда после Первой мировой войны страна была разрушена. Сегодня ее экономность играет еще большую роль. Немцы умеют считать свои затраты, Германия четко распределяет приоритеты своего бюджета. Жизнь в современной Германии дорогая, но государство на системном уровне создает для экономии затрат и ресурсов все необходимые условия. Прежде чем принять решение, немец проверит несколько вариантов и выберет самый надежный (семь раз отмерь, один раз отрежь), поэтому в современных условиях Германия хоть и говорит, что делает въезд в Германию для русских более легким при оформлении визы, но на самом деле, вероятнее всего, будут созданы новые барьеры в иной форме. Это связано с большой разницей в уровне экономического развития двух стран, более низкими доходами россиян и в некоторой степени крахом концепции мультикультурализма, страхами немцев перед новой волной нелегальной эмиграции [7].

Много споров идет о пунктуальности немцев. Немцы не любят опозданий ни в деловой сфере, ни в обыденной жизни. Сами немцы опаздывают гораздо реже представителей других наций¹.

Вежливость их выражается и в отношении с другими. Немцы называют титул каждого, с кем они разговаривают (господин президент, господин министр и т. п.). Если титул собеседника им неизвестен, обычное обращение Herr

Doctor. По отношению к замужним женщинам в Германии обращаются в соответствии с титулом ее мужа (например, Frau Doctor). Часто также используют обращение Gnadige Frau (милостивая госпожа)².

По словам горячих голов, имевших желание на нетрезвую голову «размять кулаки», ночью можно с наглостью идти, не сворачивая, на компанию немцев, желая кого-нибудь задеть плечом и начать конфликт, и с удивлением ни с кем не столкнуться, потому что немцы предпочитают избегать всяческих ненужных конфликтов. Примером этого может служить то, что за последние годы полиция Германии использовала не на учениях всего несколько патронов.

Владение предметом разговора. Немецкую дипломатию отличает хорошая юридическая подготовка, глубокое знание юридических вопросов. На переговорах они систематически обсуждают вопросы, последовательно, один за другим. Немцы очень ловкие, умеют налаживать контакты и высоко ценят их. Они умеют закреплять приобретенные контакты, проявляя заботу о тех, с кем установили связь, приглашая их домой, провожая на вокзал, передавая приветы своим знакомым из других стран, не забывая поздравлять их с праздниками, днем рождения. Немецкая точность и аккуратность проявляется и здесь³.

Во многом совершенно иными представляются национальные черты России, как по причине многонациональности, большой территории, так и по причине значительной дифференциации доходов населения, что оставляет на поведении многих россиян неизгладимые шрамы социальных потрясений недавнего прошлого. Национальный имидж России сильнейшим образом был подорван в ходе соперничества с США, холодной войны и современной информационной войны. О российских качествах сложилось множество негативных стереотипов.

¹ Особенности немецкой дипломатии: [Электронный ресурс]. URL: <http://banauka.ru/4077.html/> (дата обращения: 12.04.2013).

² Там же.

³ Там же.

Обращаясь к пониманию российских ценностей и черт, стоит вспомнить слова русского философа Н. А. Бердяева о России: «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине» [1].

Действительно, территория России огромна, это, с одной стороны, выливается в невозможность упорядочить ее, благоустроить и содержать в надлежащем порядке, с другой стороны, русским приходится больше вкладывать в инфраструктуру из-за климата, чем большинству других европейских и южных стран.

Одно то, что человек оказывается неспособен самостоятельно изменить среду своего обитания, может повергнуть в уныние. Русским трудно противостоять буйству природных стихий, сметающих все человеческие планы и усилия, как карточные домики, одним легким дуновением. У России богатые природные ресурсы, но добывать их на Севере тяжело и дорого. С этим часто не справляется и специально подготовленная техника. Для людей нет ничего невозможного, но работа в суровых условиях северной зимы под силу отнюдь не всем.

Точно так же, как и тем, кто живет на Аляске, многие вещи русским сделать гораздо сложнее зимой, если они не успели сделать этого за лето, в отличие от стран с более умеренным климатом. Россия, как и ее природа, полна контрастов: красоты и жестокости, необъятности и коммунальной тесноты, богатства и нищеты, альтруизма и воровства.

Русские достаточно ленивый народ — это скорее миф или искусственно сформированный стереотип, нежели реальность. Большинство западных работодателей и менеджеров говорят о том, что русские много и упорно работают, часто могут оставаться и после работы, если это необходимо, при этом они отмечают и ряд недостатков: «В Европе и Америке существует стереотип, что рус-

ские — лентяи, это не так. Русские очень трудолюбивы. Они работают экстремально много, но при этом они довольно свободно распоряжаются своим графиком». «Российские сотрудники в работе менее привержены к строгому выполнению установленных правил и процедур. У них я замечал некоторую неравномерность темпа работы, в результате чего возникает повышенная нагрузка незадолго до крайнего срока выполнения задания. Однако это с лихвой компенсируется настроением не сдаваться ни при каких обстоятельствах, изобретательностью при решении задач в условиях ограниченного времени». «Если рабочий день англичанина или датчанина заканчивается в пять часов, он тут же закрывает компьютер и сворачивает решение проблемы, на какой бы стадии она ни находилась: остальное завтра. Россияне же могут уйти и в 8, и в 10 часов, а могут просидеть ночь напролет, решая какую-то задачу» [4].

Русские в достаточной мере логичны и сообразительны: никому не захочется долго находиться на морозе, когда есть уютный теплый дом. России далеко до южных стран, которых, вероятно, в еще большую лень вгоняет зной, и с Россией можно прекрасно сотрудничать, чему есть множество примеров, будь то ее участие в строительстве адронного коллайдера, космодрома во Французской Гвиане или сети автозаправок ООО «Лукойл» в Европе.

Как некогда точно высказался Н. В. Гоголь: «Есть у русского человека враг, непримиримый, опасный враг, не будь которого, он был бы исполином. Враг этот — лень» [2, с. 337–338]. Однако эту цитату можно с успехом отнести и к человечеству в целом, при прочих равных русские оказываются весьма деятельными и энергичными сотрудниками, как можно увидеть на примере крупных корпораций, в которых они трудятся рядом с представителями других наций.

Есть русская поговорка: терпение и труд — все перетрут. Вероятно, если бы вся страна объединилась вокруг идеи наведения порядка, за несколько десятилетий мирной жизни это возможно было

бы реализовать на практике, как это отчасти было сделано в СССР после окончания Второй мировой войны, когда многие памятники мировой архитектуры были разрушены до основания или сожжены.

Русские смогли восстановить свои города из пепла. От творений великих зодчих остались часто лишь развалины и пепелища, восстановленное наследие — это труды советских реставраторов.

Последние годы информационное пространство России было насыщено примерами потребительской логики, обладание материальными ценностями поставлено во главу угла. Общество стало представлять собой совокупность частных слагаемых без общей цели, живущее по принципу «Каждый сам за себя, выживает сильнейший». Подобно жертвам в Освенциме, самые сильные мужчины оказывались на вершине горы бездыханных тел женщин и детей. Они пытались взобраться наверх в поиске свежего кислорода, не зная, что лишь ненадолго продлевают свою жизнь.

Подобно этой бессмысленной погоне за свежим воздухом в своих квартирах, мы не замечаем, как рушится общее здание. Многое более ценное, но принадлежащее российскому государству, медленно разрушается. Вирус атомистичности общества пустил свои корни практически повсюду. Баланс индивидуальных и общих, государственных, интересов оказался сильно изувечен. Это сильно мешает стране набрать необходимые обороты экономического роста и восстановить свои прежние силы.

Основной источник доходов России — добыча и поставка полезных ископаемых во всевозможных видах. Этого достаточно, чтобы в стране за 20 лет появились 131 долларовый миллионер, но недостаточно, чтобы привести даже основные мегаполисы в современный и обустроенный вид, дружелюбный к их жителям.

Интересы развитых стран в отношениях с Россией в основном строятся вокруг двух вопросов: бесперебойной поставки российских ресурсов и роста продаж продукции из развитых стран на российском рынке.

Страна до сих пор находится не в самом завидном положении, заработные платы большинства граждан оставляют желать лучшего и часто граничат с нищетой. В таких условиях ярко проявляют себя два таких русских качества, как *смекалка* и *терпение*. М. Ю. Лермонтов отзывался о русском терпении следующим образом: «Русский народ, этот сторукий исполин, скорее перенесет жестокость и надменность своего повелителя, чем слабость его; он желает быть наказываем — по справедливости, он согласен служить — но хочет гордиться рабством, хочет поднимать голову, чтобы смотреть на своего господина, и простит в нем скорее излишество пороков, чем недостаток добродетелей» [3, с. 191–192].

Минуло много десятков лет, но основная канва рассуждений классика остается неизменной в обиденной российской действительности и сегодня. Терпение русских «лопалось» за нашу длинную историю не единожды, был ли это жестокий русский бунт, массовое самосожжение во время смены религии, или революция, но все-таки трудно себе представить другой европейский народ на нашем месте. Немцы, французы или итальянцы уже многократно сменили бы власть в России.

Можно привести еще достаточно черт, характерных для россиян, это и героизм в экстренных ситуациях, и высокая трудоспособность, позволяющая в сжатые сроки добиваться высоких результатов, и широта души, и способность посмеяться над собой. Не исчезли в России и патриотизм, и умение держать удар, иначе не было бы уже такой страны, а на Юге был бы феодально-шариатский Халифат. Никуда не пропали истинная духовность и сострадание, готовность помогать другим в сложных ситуациях. Эти качества остались у большинства россиян, и у русских, как у государствообразующего самого многочисленного народа РФ, и у многочисленных народностей современной России. Два десятилетия информационной экспансии со стороны США и Великобритании не остались незамеченными, «религия» и

ее культ потребления влилась и в наше общество вместе с продукцией и провозглашаемыми ценностями голливудской «фабрики грез». Но последствия воздвижения во главу угла физиологических потребностей и ценностей общества потребления не миновали и авторов этой идеологии.

Президент США и лауреат Нобелевской премии мира Барак Обама написал книгу под названием «Дерзость надежды». В одной из глав этой книги он анализирует современные американские ценности: «Может показаться, что в сегодняшней Америке ничто не ценится так высоко, как богатство, стройная фигура, молодость, известность, безопасность и развлечения» [5, с. 349].

Именно эти ценности в действительности и вышли на первый план благодаря их повсеместному провозглашению, хотя Обама и пытается это опровергнуть. США сами оказались в сходном положении по сравнению с Россией.

Для нашей же страны крайне важно вернуться к нашим корням, возродить ушедшие или вовсе исчезнувшие традиции, отреставрировать основы национальной самоидентичности России. В современном формате сформулировать цели и задачи государства, создать открытые площадки для обсуждения и реализации, конкретных инструментов и механизмов для их достижения.

Исходя из вышеизложенных характеристик двух культур, необходимо отметить, что в наших традициях было и остается место и отношениям с Германией.

Культурный и торговый обмен между Ганзами и Северо-Западом Руси насчитывает много столетий, многие немцы самореализовывались в России и вошли тем самым в историю нашей страны. И даже немка по крови Екатерина Великая смогла добиться усиления России, расширения ее территории, воссоздания российского морского флота и военной мощи России в целом. Европейцам, возможно, стоит обратить внимание на тот факт, что не Россия дважды

инициировала мировые силовые конфликты.

На сегодняшний день отношения между ННР и землями ФРГ сложились более дружественными, чем считают восточно-европейские политологи. У России никогда не было планов захвата Европы. Так или иначе, необходимо всегда отдавать себе отчет в том, что долгосрочные перспективы союза и полномасштабного, взаимосвязанного партнерства двух стран выглядят куда более человечными, нежели очередная конфронтация с подданными США или Великобритании. Перспективы Старого Света во многих отношениях выглядят более туманно, нежели будущее России.

Можно сделать выводы о том, что межрегиональное сотрудничество между ННР и землями ФРГ строится на сочетании ценностей России и Германии. Для развития отношений в дальнейшем между ННР и Саксония-Ангальт и Баден-Вюртенберг сильными сторонами будут являться сочетание немецких и русских качеств характера и ценностей:

- сочетание высокой трудоспособности, выносливости и русского трудолюбия могут повлиять на производительность;
- сочетание душевности, гостеприимства со стороны русских и добросовестности могут создавать благоприятный климат для дружественных отношений внутри коллектива;
- энергичность, умение отстаивать свои политические права и профессионализм позволяют русским немцам в ННР выгодно вести переговоры, привлекать новых инвесторов и политические элиты для развития региона.

Это сочетание может позволить ННР и землям Германии находить общие точки соприкосновения, вести совместный бизнес и развивать не только культурные и межнациональные отношения, но и торгово-экономические.

Мы должны четко понимать, что же мы хотим ценить, чем мы дорожим и чем гордимся. В русском народе, как и в его необъятной стране, заложена великая сила, наша задача лишь верно ее направить и корректировать курс.

Литература

1. Бердяев Н. А. Русская идея. М.: АСТ, 2010. 286 с.
2. Гоголь Н. В. Письмо Аксакову К. С., март 1841 г. Рим // Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 11: Письма, 1836–1841.
3. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. Т. 4. М.; Л., ГИХЛ, 1948.
4. Не алкоголики, а разгильдяи // Ведомости. 2006. № 86 (1613). С. 22.
5. Обама Б. Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты. СПб., 2008.
6. Яковлева Н. В. История создания немецких национальных районов в России // Сборник статей пятой международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений. Продвижение НАТО и Евросоюза на Восток — проблемы безопасности стран СНГ, Европы и Азии». 23–24.03.11, Санкт-Петербург, Россия / Под ред. А. П. Кудинова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011.
7. Iakovleva N. Multinationale beziehungen zwischen Deutschland und Russland, problem und perspective // Europear Science and Technology [Text]: materials of the III international research and practice conference. Vol. II. Munich, October 30–31, 2012 / Publishing office Verlang Waldkraiburg — Munich — Germany, 2012. 748 p.

References

1. Berdyaev N. A. Russian idea. M.: AST, 2010. 286 p.
2. Gogol N. V. Letter to Aksakov K. S. March, 1841, Rome / N. V. Gogol. Complete collection of works: [In 14 vol.]. M.; L.: Publishing house of Academy of Sciences of the USSR, 1952. Vol. 11: Letters, 1836–1841.
3. Lermontov M. Yu. Complete collection of works. Vol. 4. M.-L. GIHL, 1948.
4. Not alcoholics, and slovens // Vedomosti. 2006. N 86 (1613). P. 22.
5. Obama B. Impudence of hope: Thoughts on revival of the American dream. SPb.: 2008.
6. Iakovleva N. V. History of creation of the German national areas in Russia // Collection of articles of the fifth international scientific and practical conference "Fundamental and applied problems of geopolitics, geoeconomics and the international relations. NATO and European Union advance to the east — problems of safety of CIS countries, Europe and Asia". 23–24.03.11. St. Petersburg, Russia / Under the editorship of A. P. Kudinov. SPb.: Publishing house Politekhical University, 2011.
7. Iakovleva N. V. Multinationale beziehungen zwischen Deutschland und Russland, problem und perspective // Europear Science and Technology [Text]: Materials of the III international research and practice conference. Vol. II, Munich, October 30–31, 2012 / Publishing office Verlang Waldkraiburg — Munich — Germany, 2012. 748 p.

А. Г. Смех

A. G. Smekh

Перспективы повышения результативности функционирования инновационной системы мегаполиса

Prospects for Increasing the Effectiveness of the Functioning of the Innovation System of the Megapolis

Смех Алексей Георгиевич

АОУ ВПО ЛО «Государственный институт экономики, финансов, права и технологий»
Соискатель
Директор ОАО «Опытный завод „Интеграл“» (Санкт-Петербург)
oz_integral@mail.ru

Smekh Aleksey Georgievich

The Autonomous Educational Institution of Leningrad Region — the State Institute of Economics, Finance, Law and Technology
Applicant of PhD degree in Economics
Director of JSC "Opitnyi zavod Integral" (Saint-Petersburg)
oz_integral@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются перспективные направления развития инновационной системы Санкт-Петербурга в предстоящий период. Автор обращает особое внимание на необходимость смены ряда приоритетов инновационной политики в сторону стимулирования спроса на инновационные продукты и повышения инновационной восприимчивости предприятий.

ABSTRACT

The article analyzes the prospects for development of the innovative system of St. Petersburg in the coming period. The author pays attention to the need to change priorities in urban innovation policy to stimulate demand for innovative products and increase the innovative receptivity of local enterprises.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

инновационная система, инновационный спрос, инновационная восприимчивость, импортозамещение, кластеры

KEY WORDS

innovative system, demand for innovation, innovation receptivity, import substitution, clusters

Принятые концепции и программы инновационного развития¹, результаты инновационной политики в Санкт-Петербурге в период 2008–2013 гг., их целевая направленность позволяют сделать выводы о проявившихся вызовах в процессе раз-

вития инновационной системы, о степени их преодоления в настоящее время (табл. 1).

Следует обратить внимание, что в 2017 г. завершается намеченный подготовительный этап инновационного развития мегаполиса, а в последующий период предполагается старт перехода промышленности города к стадии интенсивного развития. Это означает, что к этому времени инновационный сектор должен накопить необходимые ресурсы и потенциал для осуществления инновационного рывка, характеризующегося диверсификацией

¹ Комплексная программа «Наука. Промышленность. Инновации» в Санкт-Петербурге на 2012–2015 гг.: [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_industrial/current_activities/programs_list/kompleksnaya-programma-nauka-promyshlennost-innovacii-v-sankt-peterbur/.

Вызовы инновационного развития Санкт-Петербурга и их преодоление

Вызов	Результат
Низкий спрос на инновационную продукцию на рынке	Спрос на инновации остается низким. Восприимчивость к инновациям, в целом, отсутствует
Слабая инновационная активность предприятий	Динамика инновационной активности положительная, но недостаточная для запуска механизма самостоятельного функционирования инновационной экономики
Неиспользованный инновационный потенциал мегаполиса	Потенциал остается недоиспользованным (в ведущих отраслях промышленности, в высших учебных заведениях, в учреждениях науки)
Проведение инновационной политики не влияет на повышение уровня социально-экономического развития мегаполиса, другие макроэкономические показатели	Внедрение инноваций не влияет на рост промышленного производства, улучшение социально-экономической ситуации в мегаполисе
Разорванность инновационного процесса	Этап поиска оптимальных путей и установления подходов к эффективной интеграции участников инновационного процесса
Государственная политика препятствует внедрению инноваций либо безразлична к ним	Государством предпринимаются значительные усилия по стимулированию инновационной активности. Однако государственная инновационная политика ориентирована на поддержку предложения инновационной продукции, а не на создание условий для спроса на инновации
Спрос со стороны государства (бюджетные субсидии, льготы, госзаказ) превалирует над рыночным спросом	Государство остается основным заказчиком инновационных продуктов
Рыночные институты не активны в развитии инноваций	Участие рыночных институтов в инновационной деятельности незначительно

экономики, в структуре которой ведущая роль должна перейти к отраслям «экономики знаний» и высокотехнологичным отраслям промышленности.

Предполагается, что в 2018–2020 гг. доля высокотехнологичного сектора и «экономики знаний» в ВРП города должна составить не менее 17–20%. При этом вклад инновационных факторов в годовой прирост ВРП должен составить не менее 2–3 процентных пунктов.

Доля промышленных предприятий, осуществляющих технологические инновации, должна возрасти до 40–50%,

инновационной продукции в объеме выпуска — до 25–35%. Ожидается, что основным источником роста эффективности и конкурентоспособности экономики Санкт-Петербурга, вместо наращивания производственных ресурсов, станет создание новых технологий, повышение производительности труда, которая к 2020 г. должна увеличиться в 2,4–2,6 раза (а в ряде ведущих секторов до 3–5 раз), повышение энергоэффективности в 1,6–1,8 раза.

Значительное повышение инновационной активности предприятий города

ождается вследствие освоения новых рынков, обновления ассортимента продукции, применения новых технологий и создания инновационных форм организации предпринимательства. Социальное значение инновационного рывка проявится в повышении качества трудовых ресурсов и эффективности их использования в промышленности. Предполагается, что оно будет характеризоваться опережающим ростом заработной платы квалифицированных работников. Например, среднемесячная заработная плата в промышленном секторе Санкт-Петербурга должна будет повыситься к 2020 г. до 2300–2700 долл. США.

Сравним некоторые современные показатели с прогнозируемыми в 2020 г. Удельный вес инновационной продукции и услуг в их общем объеме в 2011 г. составил 9,0%, в 2008 г. он составлял 2,8%. Для 2020 г. нами взят средний из прогнозируемых показателей — 30%, удельный вес инновационной продукции за 9 лет должен возрасти более чем в 3 раза, т. е. в среднем расти на 2,3% в год. За предыдущий период средний ежегодный прирост доли инновационных товаров и услуг в общем объеме товаров и услуг составлял 2,1%. Это свидетельствует о теоретической сопоставимости прогнозных и текущих показателей.

Доля предприятий, занимавшихся инновационной деятельностью, в общем количестве крупных предприятий Санкт-Петербурга в 2011 г. составила 16,1%, в 2012 г. — 16,6%. В 2020 г. прогнозируется их количество довести до 40–50% (взят средний показатель — 45%), т. е. увеличение должно быть почти в 3 раза.

В области НИОКР предполагается активизация фундаментальных и прикладных исследований и разработок при кардинальном повышении их результативности. При этом затраты на НИОКР должны составлять к 2020 г. до 3,5–4% ВРП. Затраты на исследования и разработки, осуществляемые организациями и предприятиями Санкт-Петербурга, колеблются в пределах 3,5%. Негативным является то обстоятельство, что, несмотря на вполне достижимые умеренные

целевые показатели, инновационной системе Санкт-Петербурга фактически предстоит вернуться к позициям, утраченным именно в годы реализации инновационных программ и стратегий, тогда как теоретически именно в эти годы затраты на НИОКР должны были возрастать. За период 2009–2011 гг. они снижались с 3,6% в 2009 г. до 3,3% в 2011 г.

Желаемый рост заработной платы работников промышленности также показывает значительный рост: с 1000–1060 долл. США в 2009–2012 гг. до 2300–2700 долл. США, т. е. примерно в 2,5 раза, к 2020 г.

Таким образом, к 2020 г. экономика мегаполиса должна совершить определенный скачок в инновационном развитии. Однако для совершения такого подъема инновационной системе Санкт-Петербурга предстоит совершить рывок, а для него необходимо накопить соответствующий потенциал и ресурсы.

С использованием метода регрессионного анализа и аналитического сглаживания нами выполнен прогноз некоторых параметров инновационной деятельности предприятий Санкт-Петербурга на 2014 и 2015 гг. (табл. 2). Коэффициенты детерминации колеблются от 90,1% до 96,5% для каждого конкретного случая, что свидетельствует о приемлемой точности прогноза.

Как свидетельствуют данные табл. 2, по расчетам прогноза на 2015 г. затраты (общие и тем более внутренние) предприятий Санкт-Петербурга на НИОКР с большой долей вероятности не достигнут планируемых показателей в 175 млрд руб., так же как и численность работников, выполняющих исследования и разработки, не будет обеспечена. При этом показатели, связанные с патентованием изобретений и промышленных образцов, вероятно, будут достигнуты. Большая доля вероятности, что за рассматриваемый период вырастет до запланированного показателя количество предприятий, осуществляющих инновации. А количество созданных передовых технологий по прогнозу на 2015 г. (с уровнем точности 90,1%) составит около 380 единиц, т. е. может превысить

**Сравнение планируемых и прогнозных показателей инновационного развития
Санкт-Петербурга в 2015 г.**

Наименование показателя	План Программы 2015 г.*	Прогноз на 2015 г.	Прогнозная тенденция
Затраты на НИОКР	175 000 млн руб.	Внутренние затраты на НИОКР составят 88 082,8 (млн руб.) Затраты на НИОКР в целом составят 128 523,3 (млн руб.)	Снижение
Количество патентных заявок	3150	Около 2900–3000	Равно
Количество выданных патентов	2700	Около 2400	Равно
Количество организаций, осуществляющих технологические инновации	300	Около 300 ед.	Равно
Число созданных передовых производственных технологий	300	380	Превышение
Численность работников, выполняющих НИОКР	82,0 тыс. человек	74 тыс.	Снижение

* — Комплексная программа «Наука. Промышленность. Инновации» в Санкт-Петербурге на 2012–2015 гг.: [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_industrial/current_activities/programs_list/kompleksnaya-programma-nauka-promyshlennost-innovacii-v-sankt-peterbur/

запланированный показатель на 27%. Также можно ожидать рост используемых передовых технологий в 2014 и 2015 гг. (92,48% точности): в 2014 г. — 6524 ед., в 2015 г. — 7153 ед.

Таким образом, прогнозные показатели фиксируют продолжение роста инновационной активности. Следует при этом учитывать, что показатели достижимы при заданных позитивных темпах экономического роста (на 2011–2012 гг.) и благоприятном инвестиционном и инновационном климате. Вместе с тем представляется, что даже при достижении запланированных показателей инновационного развития после 2015 г. экономика Санкт-Петербурга не выйдет на уровень интенсивного инновационного развития, не сумеет преодолеть обозначившиеся вызовы, тогда как именно они являются основными препятствиями эффективно

функционирующего инновационного механизма.

Следует подчеркнуть, что в реализуемой инновационной комплексной программе ставится цель достижения лидерства в отдельных ведущих научно-технических секторах и в области фундаментальных исследований, что требует значительных усилий государства по модернизации сектора НИОКР и фундаментальной науки, концентрации на прорывных научно-технологических направлениях, так как пока инновационное развитие движется по сценарию догоняющего развития и локальной технологической конкурентоспособности, т. е. ориентируется не только на перевооружение экономики на основе импортных технологий, но и на точечное стимулирование отечественных разработок. Это проявляется в заимствовании рядовых для мирового рынка, но передовых по российским стандартам

технологий в качестве мер технологической модернизации.

Для совершения инновационного рывка необходима эффективно действующая инновационная система, вышедшая за пределы субсидирования проектов в рамках государственных программ поддержки. Она должна представлять собой самостоятельно и непрерывно функционирующий механизм спроса и предложения на инновации. Инновационная среда должна обеспечивать востребованность инновационных предприятий рынком, т. е. необходимо осуществить переход от инновационной активности к инновационной экономике.

Можно предположить, что инновационный скачок при благоприятных экономических обстоятельствах может состояться после 2020 г. Следует также отметить, что дискутируемыми остаются острые теоретические проблемы движения к инновационной экономике, например, возможен ли инновационный рывок в отдельно взятом мегаполисе, обгоняющий развитие страны в целом? Возможно ли достижение инновационного рывка теми, ставшими уже традиционными, методами, которые используются повсеместно в настоящее время?

На наш взгляд, Санкт-Петербург имеет потенциал ускоренного движения по пути инновационного развития, имеет возможности для создания инновационных каналов роста экономики и диверсификации ее структуры, расширения инновационных производств с целью достижения уровня, при котором использование инноваций и высокотехнологичных производств станет влиять на социально-экономическое развитие города.

Одна из задач инновационных производств заключается в создании новых хозяйственных связей, институтов нового типа. Достижению этих целей может способствовать дальнейшее развитие кластерного подхода, как новой управленческой технологии, позволяющей повысить конкурентоспособность отдельных отраслей и Санкт-Петербурга в целом. В мегаполисе кластерно-отраслевой принцип продолжает развиваться: например,

в 2012 г. был создан *кластер станкоинструментальной промышленности* — объединение предприятий станкостроительной отрасли, цель которого заключается в возвращении Санкт-Петербургу прежнего статуса центра станкостроения России.

Одним из ожидаемых результатов объединения станкостроительных предприятий в кластер является содействие в импортозамещении компонентов и комплектующих (систем ЧПУ, измерительных систем, гидрооборудования, программно-математического обеспечения). Функционируют *инновационный аэрокосмический кластер*, в который помимо крупнейших авиакосмических предприятий («Ленинец», «Арсенал») входят ведущие вузы Петербурга (ГУАП и Военмех), *инновационно-технологический кластер машиностроения и металлообработки*, *кластер лазерного оборудования и технологий*, *кластер радиоэлектроники, приборостроения, средств связи и инфотелекоммуникаций*. В настоящее время обсуждается создание Арктического территориального инновационного кластера.

В рамках кластерной политики важны разработки для нужд городского хозяйства, так, например, аэрокосмический кластер разработал систему аэрокосмического мониторинга природных и техногенных катастроф с помощью беспилотных летательных аппаратов. Актуальны для жилищно-коммунального хозяйства разработки полимерного кластера — технологии по нанесению покрытий на различных частях жилых домов, разработка светофоров из полимеров, обладающих антивандальными, антикоррозионными свойствами.

Среди социально значимых проектов кластера транспортного машиностроения «метрополитены и железнодорожная техника» — организация эскалаторного производства в Санкт-Петербурге. Кластер радиоэлектроники разработал инновации в области энергоэффективности, ресурсосбережения и комплексной безопасности. Большое число разработок для жилищно-коммунального хозяйства имеет кластер машиностроения и ме-

таллообработки: светодиодные светильники, термокарниз, снегоплавилка, приборы учета тепловой энергии, антиобледенительные покрытия для крыш, новая отопительная техника и техника для переработки мусора, фильтры для воды. IT-кластер разработал систему дистанционного управления объектами не только с помощью голоса, но и с помощью жестов.

Таким образом, развитие кластеров предприятий мегаполиса обладает большим инновационным потенциалом, а стимулирование инновационной деятельности в рамках кластера должно стать важным направлением региональной политики. Необходимым условием эффективной деятельности кластеров в целях инновационного развития является организация устойчивых связей участников кластера для формирования цепочки и сети производства и реализации инновационной продукции, развитие инновационной инфраструктуры. При этом необходимым условием является то, чтобы во всех кластерах Санкт-Петербурга создавались центры компетенций, технологические платформы.

Анализ деятельности петербургских кластеров показывает эффективность взаимодействия крупных промышленных и малых инновационных предприятий, в сотрудничестве с научно-образовательными учреждениями. В кластерах с развитой инновационной инфраструктурой инновационные предприятия легче могут рассчитывать на содействие (научно-исследовательское, производственно-технологическое, финансовое, маркетинговое, кадровое) в осуществлении своей деятельности. Для этого в стимулировании кластерной политики необходимо добиваться реальных и конкретных интеграционных процессов внутри кластеров.

Позитивным показателем для инновационного развития экономики Санкт-Петербурга является рост продукции высокотехнологичных отраслей в промышленности Санкт-Петербурга за последние годы (производство летательных и космических аппаратов, фармацевтической продукции, электронных приборов, опти-

ческого оборудования, вычислительной техники). Например, в 2012 г. рост выпуска высокотехнологичной продукции составил 35,2% по отношению к 2011 г., в общем объеме выпуска промышленной продукции это составило 11,3%, в абсолютных цифрах — 166,7 млрд руб. В первом полугодии наблюдался дальнейший рост выпуска данной продукции — на 9% больше соответствующего периода 2012 г.¹

В среднесрочной перспективе для модернизации и инновационного развития промышленности Санкт-Петербурга необходимо увеличение привлечения инвестиций, создание благоприятного инвестиционного климата. На долгосрочную перспективу — активное содействие развитию науки и инноваций².

Одним из важнейших направлений развития промышленности является решение проблемы импорта. Например, доля отечественной продукции в сфере радиоэлектронного приборостроения в Петербурге составляет всего 17%, тогда как задача заключается в доведении ее до 40%. При этом значительная часть продукции должна использовать новые технологии. Сделать это в рамках уже имеющихся у предприятий техники и технологий при отсутствии собственной отечественной машиностроительной и станкостроительной продукции практически невозможно. Таким образом, импорт необходимого для производства оборудования в значительной мере носит вынужденный характер³.

¹ Развитие высокотехнологичных отраслей промышленности Санкт-Петербурга в 2012–2013 гг.: [Электронный ресурс] / Комитет по промышленной политике и инновациям Санкт-Петербурга. URL: http://gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2013/10/08/Razvitie-VT-otraslej_2013-08.pdf.

² Турчак А. А. Промышленность — это локомотив стратегического развития: интервью с А. А. Турчаком: [Электронный ресурс] // Петербургский дневник. 2013. 28 июня. URL: <http://www.spbdnevnik.ru/>.

³ Губернатор предлагает перейти от слов к делу: [Электронный ресурс] // Новости Петербурга. 2013, 25 июня. URL: <http://ppt.ru/news/119154>.

Несмотря на то, что подавляющая часть отечественных специалистов, теоретиков и практиков признает принципиальное преимущество и необходимость импортозамещения, импорт технологического оборудования продолжает расти. В связи с этим пришло время для многофакторного анализа данной проблемы в рамках стратегии, позволившей бы разработать концепцию сбалансированного соотношения между вынужденным импортом и предпочтительной опорой на самостоятельные разработки. Результатом анализа должна быть разработка программы, которая бы позволяла целенаправленно и поэтапно сократить удельный вес импорта в высокотехнологичных отраслях, постепенно вытесняя его за счет поощрения инновационных разработок отечественных предприятий и доводя импорт оборудования до приемлемой в целях экономической и технологической безопасности доли. При импорте технологий должен осуществляться такой жесткий принцип, как открытие отечественного рынка в обмен на предоставление прав на технологию и при условии отсутствия аналогичных отечественных инновационных технологий и продуктов.

В целях качественной разработки, оформления и реализации стратегии импортозамещения и технологического перевооружения предприятий Санкт-Петербурга можно порекомендовать использование метода дорожных карт. Данный метод, появившийся в технологическом прогнозировании в конце XX века, показал себя как эффективный способ построения долгосрочных стратегий в политике и экономике. В предпринимательском сообществе на основе дорожных карт осуществлялось развитие ряда крупнейших мировых компаний.

Прикладная ценность корпоративной дорожной карты состоит в том, что «по итогам ее разработки закладывается экспертно-аналитическая и информационная база для принятия решений в области инвестиций или инновационного развития компании в целом, но и в том, что в процессе коммуникаций по выбору стратегий эксперты настраиваются

на максимально эффективное движение к намеченным целям (при котором учитываются интересы всех ключевых акторов) и в какой-то мере достигают согласованности действий»¹.

В качестве одного из важных направлений осуществления стратегии импортозамещения должна стать разработка и осуществление государственной политики стимулирования восстановления и развития сектора разработок на промышленных предприятиях, модернизации организации производства, создания центров инновационных технологий, центров коммерциализации технологий. Как показывают исследования, затраты на НИОКР в Российской Федерации и Санкт-Петербурге в основном производятся за счет внутренних ресурсов самих предприятий (например, одна из ведущих петербургских компаний «Силловые машины» не получает поддержки на НИОКР в течение 10 лет), тогда как в ведущих странах (США, ЕС, Япония) значительная часть затрат на исследования и разработки предприятий финансируется государством².

В связи с существующей проблемой импортозамещения следует учитывать и то обстоятельство, что подавляющее большинство создаваемых в Санкт-Петербурге технологий относится к модернизационным, а не инновационным. Это так называемые «улучшающие», или «догоняющие», технологии, т. е. технологии сегодняшнего и даже вчерашнего дня. Их задача, в большинстве случаев, заключается в усилении существующих конкурентных преимуществ или в сокращении технологического отставания. Внедрение данного типа технологий хотя и позволяет выдерживать конкурен-

¹ *Дорожные карты* — инструмент управления инновационным развитием крупных компаний: [Электронный ресурс] // МНО Форсайт-центр ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Официальный сайт. 05.02.2013 г. URL: <http://foresight.hse.ru/news/73248090.html>.

² *Инновационная активность крупного бизнеса*: [Электронный ресурс] // Рейтинговое агентство Эксперт-РА. URL: <http://www.raexpert.ru/researches/Inno-broshura-02.pdf>.

цию на внутреннем российском рынке и рынке стран СНГ, но не позволяет создать новые экспортные рынки или ниши или выйти на передовой мировой уровень. Подобная ситуация относится не только к промышленности Санкт-Петербурга, но в целом к промышленному сектору Российской Федерации, включая и наиболее инновационно-активные и высокотехнологичные предприятия¹.

С другой стороны, следует учитывать мировой опыт технологического развития, в частности таких стран, как Япония (в 1960–70-х гг.), Южная Корея (1970–80-е гг.) и КНР в настоящее время, которые начинали модернизацию с заимствования, копирования, внедрения передовых чужих технологий, а в настоящее время входят в группу мировых лидеров по созданию инновационной продукции.

Дальнейшее развитие инновационной системы в Санкт-Петербурге, по нашему мнению, по-прежнему будет осуществляться при ведущей роли государства, за которым останется общая координация экономических процессов, регулирование и стимулирование развития экономики в соответствии с выбранными ориентирами инновационного развития. Особое внимание будет уделяться реализации долгосрочной экономической стратегии: структурным преобразованиям промышленности, научно-техническому развитию, социальным вопросам (образованию, здравоохранению, энергетическим и экологическим проблемам).

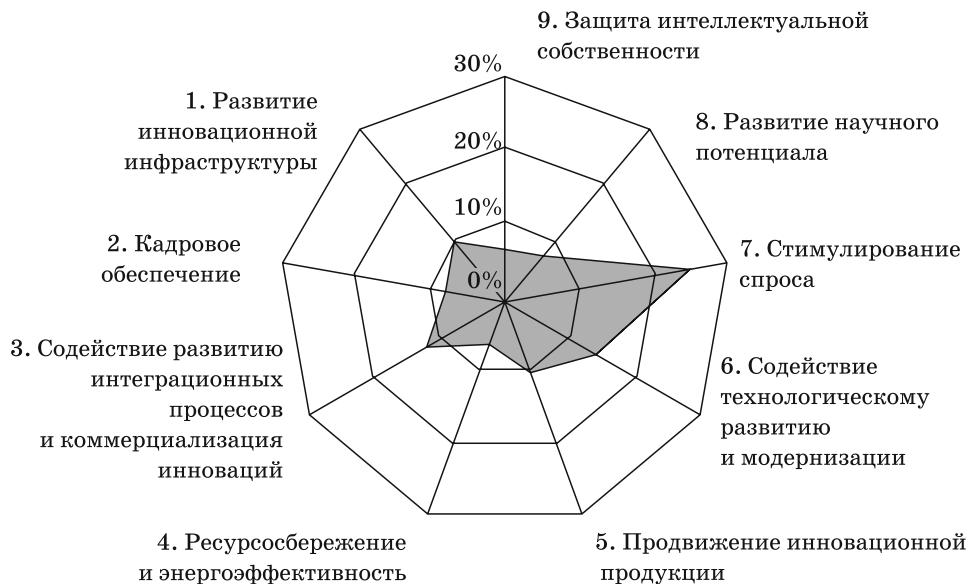
В области развития инновационной среды государство будет заниматься поддержкой конкурентоспособности отдельных секторов, нуждающихся в ресурсном обеспечении, регулированием качественных параметров инновационного развития. За государством сохраняется задача построения разветвленной инновационной инфраструктуры, укрепление законодательной и нормативной базы, связанной с инновациями, развитие кана-

лов для инвестиций, т. е. формирующие, закрепляющие и обеспечивающие функции инновационного развития мегаполиса, интенсификация развития малого и среднего инновационного бизнеса.

Дальнейшее развитие инновационной системы Санкт-Петербурга будет проходить в рамках принимаемых правительством города инновационных программ. В связи с этим представляется необходимым тщательный анализ стратегических направлений государственной поддержки, оказываемой в различных секторах промышленного, научного и инновационного развития. Анализ хода и результатов реализации комплексной программы 2012–2015 гг., а также состояния инновационной системы Санкт-Петербурга в настоящее время приводит к выводу о том, что основные направления инновационного развития мегаполиса приняты верно, однако при разработке дальнейших программ требуется пересмотр приоритетов и акцентов.

Как видно из рисунка, доминирующим направлением инновационной политики должен стать, прежде всего, блок проблем, связанных со стимулированием спроса на инновации и восприимчивости к ним, на содействии интеграционным процессам науки, образовательных учреждений и бизнеса, коммерциализации инноваций, защите интеллектуальной собственности, на продвижении инновационной продукции. Целенаправленное сосредоточение на этих направлениях организационно-экономических мер и ресурсного потенциала позволит преодолеть перекос в инновационном развитии мегаполиса, перейти к развитию внутреннего рынка на инновационный продукт, стимулировать частную заинтересованность и уйти от преимущественного влияния государства, сделать заметный шаг в сторону развития постоянного устойчивого спроса на инновации, обеспечить широкий выход отечественной инновационной продукции на внешний рынок за счет сильной поддержки государства в области патентования, прежде всего патентования за рубежом.

¹ Инновационная активность крупного бизнеса: [Электронный ресурс] // Рейтинговое агентство Эксперт-РА. URL: <http://www.raexpert.ru/researches/Inno-broshura-02.pdf>.

Перспективные направления финансирования инновационной деятельности в Санкт-Петербурге на 2015 и последующие годы

Необходимо также учитывать, что реформирование и модернизация будут продолжаться в период кризисного развития экономики Санкт-Петербурга. По статистическим данным, с конца 2012 г. наблюдается заметное замедление промышленного развития. Снижаются доходность (следовательно, и объем собираемых налогов), инвестиции в основной капитал, практически исчерпаны ресурсы местного рынка труда¹.

Инновационному развитию промышленности Санкт-Петербурга должно

способствовать скорейшее принятие Концепции развития промышленности Петербурга до 2020 г., проект которой разрабатывается с 2010 г. При этом главная задача в доработке Концепции заключается в корректировке промышленной политики таким образом, чтобы движение в направлении использования и создания новых технологий стало обязательным, постоянным и необратимым. На наш взгляд, доработка Концепции в направлении приоритета целенаправленного развития импортозамещения высокотехнологической продукцией петербургского производства была бы наиболее обоснованной в целях стратегического развития Санкт-Петербурга.

¹ *Петростат*: [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/ru/statistics/Sant_Petersburg/grp/.

В. Б. Александров
А. А. Кольцова

V. B. Aleksandrov
A. A. Koltsova

Идея человеческого ранга в философии И. А. Ильина

Idea of the Human Rank in the Philosophy of I. A. Ilyin

Александров Владимир Борисович

Северо-Западный институт управления —
филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой культурологии
и русского языка
Доктор философских наук, профессор
vladboralex@mail.ru

Кольцова Анна Александровна

Тверская государственная сельскохозяйственная
академия
Аспирант кафедры гуманитарных наук
kolsova_anna@mail.ru

Aleksandrov Vladimir Borisovich

North-West Institute of Management — branch
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Head of the Chair of Cultural Science and Russian
Language
Doctor of Science (Philosophy), Professor
vladboralex@mail.ru

Koltsova Anna Aleksandrovna

Tversky State Agricultural Academy
Chair of Humanities
Post-graduate Student
kolsova_anna@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируется развиваемая великим русским мыслителем И. А. Ильиным идея человеческого ранга. Авторы полагают, что идея ранга не является однозначно связанной с религиозным и монархическим мировоззрением, а может быть ассимилирована современным демократическим сознанием.

ABSTRACT

In article the idea of a human rank developed by great Russian thinker I. A. Ilyin is analyzed. Authors believe that the idea of a rank isn't unambiguously connected with religious and monarchic outlook, and can be assimilated by modern democratic consciousness.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ранг, духовность, общество как органическая система

KEY WORDS

rank, spirituality, society as organic system

Одной из центральных тем русской религиозной философии всегда был человек, смыслы и основания его бытия, понимание которых всегда соотносилось с содержанием учений о праве и правосознании, политическими теориями, этическими установками и пр. Можно сказать, что антропологическая проблематика выступала сферой реализации социальных воззрений русских мыслителей и сама в свою очередь определяла основной вектор этих воззрений.

Как известно, главным положением социальной философии русских мыслителей, так или иначе объединявшим их

достаточно разнородные учения, было понимание общества как целостной, органической системы, имеющей в своей основе духовное начало, приобщение к которому достигается на путях развития религиозного опыта.

С таким пониманием общества соотносилась идея неравенства людей, естественным образом следовавшая из представления о том, что целостность общественной системы гарантирована ее иерархической организацией, в которой у каждого человека должно быть свое особое место, которое он занимает в соответствии со своими качественными

ми характеристиками. Наличие различных социальных позиций определяется необходимостью выполнения различных функций, без которых общество как целостная система существовать не может. Подобные идеи можно встретить у Бердяева, Булгакова, Франка и ряда других русских философов. Особое выражение такой способ мышления получил в творчестве И. А. Ильина. Рассмотрению его взглядов по данному вопросу посвящена настоящая статья.

Одной из характерных установок, определяющих рефлексию Ильина в сфере социальной проблематики, является поиск условий и возможностей существования совершенного общества. Ведомый такого рода установкой, Ильин приходит к заключению, что создание образа совершенного общества должно опираться на разработку темы совершенного человека, на установление условий и критериев совершенства применительно к человеку.

Размышления на эту тему выводят мыслителя на понятие ранга, которое в его философии приобретает глубокий культурологический смысл. Известно, что под рангом обычно понимают уровень, занимаемый человеком в той или иной иерархии. В лексике, связанной с организацией служебной и в частности государственной деятельности, идея ранга может выражаться через такие категории, как «чин», «сан», «титул». Эти категории фиксируют внешние характеристики социального бытия человека, имеют формальное содержание и не затрагивают темы совершенства человеческой личности.

Ильин же считает возможным говорить о ранге не только в государственном строительстве, где тема ранга, по его мнению, имеет частный характер, но и в человеческих отношениях вообще [См.: 3, с. 480]. Вообще, по его мнению, можно говорить о существовании особого типа культуры — *культуры ранга*. Важнейшей категорией этой культуры выступает *качество*. «Ранг есть прежде всего вопрос качества, и притом подлинного качества» [Там же, с. 480]. В рамках этой культуры ранг, по мнению

Ильина, выражает степень подлинности человеческого бытия, его соответствия некоторому абсолютному уровню совершенства. Ранг устанавливает качество и ценность человека не в чисто функциональном плане, а в степени выражения им глубинных смыслов, которые определяются божественным заданием, во имя которого существует само общество.

Подобная трансформация темы ранга в творчестве Ильина согласуется с его концепцией человека. И. А. Ильин был сторонником традиционного представления о тройственной природе человека, согласно которой человек есть единство тела, души и духа. При этом философ многократно повторял, что самым главным и самым важным в человеке и для человека является дух. «Человек есть личный дух», — пишет мыслитель [1, с. 32]. Человек духовен потому, что он живет не только и не столько внешним, чувственно-материальным, сколько внутренним опытом. Он умеет отличать нравящееся, приятное, дающее наслаждение от того, что на самом деле хорошо, объективно прекрасно, нравственно, т. е. божественно. «Каждый из нас должен найти и утвердить в себе самое главное, и никто другой заменить его в этом нахождении и утверждении не может» [Там же, с. 33].

Дух, по И. А. Ильину, является результатом связи, единения человека с Богом. Соответственно, человеческую личность он рассматривает как вместилище духовного опыта, основное содержание которого составляет опыт религиозный, имеющий своим смыслом общение с Богом. «Религиозный опыт начинается с верного обретения своей собственной духовности, своей личностно-духовной самосущности в ее предстоянии Богу и в ее достоинстве», — пишет философ [Там же, с. 37]. Именно на этом пути человек ищет путь к совершенству, воспитывая в себе способность к подлинно творческому бытию. Уровень развития религиозного опыта человека и соответственно его духовности является фундаментальным обстоятельством, определяющим его ранг.

Осознание себя как существующего перед лицом Бога является условием измерения самого себя меркой высшего совершенства. Солидаризируясь с Карлелем, Ильин воспроизводит его точку зрения о том, что «высшее качество (Совершенство!) и абсолютный ранг человек научается созерцать и чтить именно в Боге» [3, с. 482]. Каждый человек не просто может, а должен «ставить себя перед лицом Божие и измерять свое несовершенство — *Его* совершенством» [Там же]. Только так человек будет воспитывать и укреплять свой духовный характер и тем самым приближаться к «качественному рангу людей». В этом, по мнению философа, людям должны помочь социальные институты: школа, церковь, армия и восстановление государственного монархического строя.

Ранг, качественное совершенство человека, не связан с какими-либо этническими или социальными характеристиками. Это другое измерение, принципиально отличное от любых социальных разрядов. Оно проходит сквозь сословные, классовые, национальные, конфессиональные перегородки и служит абсолютной основой взаимного признания людьми друг друга как равноценных субъектов, выступает основой взаимного доверия, верности, взаимопомощи и солидарности.

Ранг, по Ильину, имеет как субъективную сторону, так и объективную. Человек осознает свой ранг и, с другой стороны, его ранг есть характеристика, устанавливаемая другими людьми. Субъективная сторона ранга представляет собой особое чувство, связанное с переживанием степени своего приближения к абсолютному совершенству. Чувство ранга входит в самую сущность религиозного акта. Человек, лишенный этого чувства, не может иметь религии. Вместе с угасанием чувства ранга в человеке угасает и его религиозность; и религия угаснет совсем в тот миг, когда последний человек восстанет на идею священного и идею ранга. Напротив: испытав свое «недостойство» и приняв идею ранга, человек встает на путь духовного развития, а значит, и на путь к совершенству [см.: 2, с. 354].

Вместе с тем идея ранга, по мнению И. А. Ильина, предполагает необходимость и естественность поиска качественных отличий одних людей от других при их внешней оценке при установлении того, что, говоря современным языком, составляет социальную значимость индивида. «Признание ранга, — пишет философ, — есть потребность искать и находить *качественное преимущество*, придавать ему полное значение, уступать ему жизненную дорогу и осуществлять это не только в повседневной, но и в государственной жизни» [3, с. 480–481]. Конечно, ранг нельзя понимать, как «условное, искусственное или принудительное преимущество одного человека или одного сословия перед другим» [Там же, с. 480]. Ранг проявляется в степени подлинности бытия личности и устанавливается не какими-то специальными инстанциями, а общественным мнением, отображающим подвижническую жизнь, степень творческого выражения идеи национального бытия, героические деяния и т. п.

Принятие идеи ранга имеет и определенные психологические основания. Согласно Ильину, существует два основных психологических типа, различие которых значимо для понимания того, почему одни люди принимают данную идею, а другие ее отвергают. Первый из них — эгалитаристы, охваченные стремлением к равенству. Для этого типа идея ранга не существует, она заслоняется мифологией человеческого равенства, с которой связано их понимание справедливости. Другой тип, способный принять идею ранга, — индивидуалисты, для которых главной ценностью выступает собственное личностное совершенствование. Естественно, Ильин имеет в виду тот тип индивидуалистов, которые на первый план выводят духовное возвышение, а не пресловутый бытовой мещанско-буржуазный индивидуализм.

Люди равенства, по Ильину, не терпят превосходства и стремятся любым способом опорочить ранговое понимание человека. В конечном счете, их цель заключается в том, чтобы упразднить

общество, основывающееся на идее ранга. Наиболее кардинальный способ — революция, итогом которой является фальсификация ранга в результате выдвижения «бездарных, тупых, криводушных, двусмысленных разлагателей, но покорных» [2, с. 353]. В данном воззрении только подобное и одинаковое в людях считается существенным. Связанные с такой установкой политические верования уповают на всеобщее равное голосование, арифметический подсчет голосов и «народный суверенитет» республиканского типа.

За всем этим, утверждает Ильин, стоит сделанное в XVIII и XIX вв. мнимое открытие, будто идея ранга лишает человека свободы и делает его рабом: «Они поверили в это и постольку погасили свою духовность, заменив ее мнимой „свободой“, т. е. беспринципным умствованием и безранговым, а потому и безрелигиозным созерцанием мира» [1, с. 38]. Это привело к тому, что множество людей полностью утратили духовность и стали неспособными к религиозному опыту.

Люди ранга — индивидуалисты, видящие и ценящие свою неповторимость. Для них важнейшей темой размышления является собственное качественное достоинство. Свобода для них достижима как самоопределение перед лицом абсолюта и во имя сохранения духовных основ общества. При этом они не столько удовлетворяются своим личным особенным качеством, сколько умеют радоваться чужому качеству. В политической сфере они стремятся к отбору лучших людей и монархии. Философ утверждал, что идея ранга в России держится на монархическом правосознании, религиозной духовности и патриотическом чувстве. «Ранг в России держался верою и любовью; и постольку вызывал в душах искреннюю и самоотверженную лояльность» [2, с. 359].

И. А. Ильин отмечал, что ранг духовного превосходства (праведность, гений, талант, познания, храбрость, сила характера, умение-понимание, политическая дальновзоркость) и ранг человеческого полномочия (сан, чин, власть, автори-

тет) могут не соответствовать друг другу. «Ибо, с одной стороны, люди при выделении лучших подслеповаты, беспечны и безответственны, подкупны и коварны; с другой стороны, честолюбцы, властолюбцы и стяжатели энергичны, напористы и часто готовы пользоваться любыми средствами» [Там же, с. 356]. Синтез этих двух видов ранга создает особый феномен, который он определяет как «социальный авторитет». «И когда это соединение удастся, тогда идея ранга справляет свой духовный праздник: перед нами великий император (Петр I), победоносный полководец (А. В. Суворов), праведный Епископ (Феофан Затворник), прозорливый ученый (Д. И. Менделеев), замечательный организатор (С. И. Мамонтов), социальный воспитатель (Н. И. Пирогов), общепризнанный гениальный поэт (А. С. Пушкин), композитор (А. П. Бородин), живописец (И. К. Айвазовский)» [Там же, с. 357].

Идеология ранга полагает, что истоком качественной специфики людей являются их природные задатки. Для Ильина очевидно: люди неравны от природы. Различия, своеобразие, самобытность коренятся в природных свойствах человека. При этом философ убежден, что такое неравенство не «беда, а дар Божий». Мыслитель пишет: «Человек от человека отличается здоровьем, силой, способностями, нравственным качеством, умственной пронципальностью, волевой энергией, духовным созерцанием и очевидностью. Слепо — не видеть этого; нелепо — отрицать это; вредно — пренебрегать этим» [Там же, с. 355]. Значение данного обстоятельства столь значительно, что развитие и совершенствование личности не нивелируют, а подчеркивают индивидуальные различия. Философ убежден — закон природы состоит в том, что все люди от рождения не равны, поэтому революционный «закон всеобщего равенства» является противоестественным и вредным для социального общества.

В непонимании этого И. А. Ильин видит одну из основных причин духовного кризиса, охватившего Россию после революции 1917 г. Люди, по мысли

философа, не просто утратили чувство верного ранга, а попытались уничтожить его совсем, объявили всякий ранг мнимым, произвольным, не заслуживающим ни признания, ни уважения. «В сознательном, вызывающем поспорию всякого ранга, в осмеянии самой идеи ранга состоит сущность революции, а все остальное является неизбежным и естественным последствием утраты в жизни людей категории ранга» [Там же, с. 352]. В результате получается, что «все в жизни условно и относительно; кому что нравится и выгодно, то и хорошо; кто силен, кто умеет импонировать и принуждать, тот и выше; а остальное — человеческие выдумки, с которыми давно пора покончить» [Там же, с. 352]. Именно так, полагает Ильин, стали рассуждать и в политике, и в искусстве, и в науке, и в религии и церкви.

Ранг в данной идеологии если и признавался, то только лишь в формальном плане как ранг, связанный с должностью, званием, определенными полномочиями. При этом ее представители проходят мимо того обстоятельства, что в идее ранга есть две стороны: «во-первых... присущее человеку качество — это его действительный ранг; во-вторых... его полномочия, права и обязанности, которые признаются за ним со стороны общества или государства, — это его социальный ранг» [Там же, с. 356].

Никакая общественная организация невозможна без ранга, понимаемого в его полном и глубоком смысле. «Государство с неудачным ранговым отбором слабо, не устойчиво, может быть прямо обречено. От больного и фальсифицированного ранга гибнет все: семья, школа, академия, церковь, армия, государство, корабль, хозяйственное предприятие» [Там же, с. 357–358].

Завершая наше краткое рассмотрение темы ранга в философии Ильина, считаем необходимым отметить, что внимание к идее человеческих рангов имеет определенное значение и в наши дни. Эта идея может существенно обогатить проблематику современной мировоззренческой рефлексии. Свойственное

Ильину укоренение идеи ранга в монархической форме правления не должно рассматриваться как обстоятельство, делающее эту идею архаической и не интерпретируемой в лексике демократической идеологии. Ее значение заключается, на наш взгляд, в том, что она соотносит образ человеческой личности с принципом целостности общественной системы и тем самым задает некоторый угол зрения, в свете которого может быть осмыслено социально значимое развитие человеческой личности.

Отнесенность человека к целостности общественной системы в идеологии ранга сопряжена с принципом духовного развития личности. Причем направленность духовного развития личности выводится из понимания общества не просто как обособившейся части природы, а как особого типа реальности, имеющего в своем существовании некий высший смысл. Для Ильина, как и для многих русских философов, этот смысл заключается в следовании установленному свыше Божественному заданию. Иными словами, но очень емко эту идею выразил С. Л. Франк, определивший общество как «совместную богочеловеческую жизнь» [Там же, с. 124].

Целостность общества для русских философов не может не означать его иерархического устройства. «Чем богаче и полнее общество, тем оно сложнее, тем длиннее цепь звеньев, связующих высшую инстанцию с низшими. Упрощение этой иерархии равносильно упадку общества, ее уничтожение равносильно разложению общества, превращению его в неорганическую массу» [4, с. 118–119]. Эти слова Франка могут рассматривать как фундаментальную методологическую позицию, на которой зиждется идея человеческого ранга.

Для тех, кого жесткая увязка идеи ранга с религиозным мировоззрением не устраивает, можно данную позицию выразить и так: общество имеет особый космический смысл, суть которого в сохранении и развитии уникального типа реальности, каковой выступает дух.

И ранг человека определяется тем, каким образом он воплощает в своей жизни задачу сохранения этой уникальной реальности.

Идеология ранга вводит в сферу размышления о человеке принцип совершенства, стремление к которому выступает важнейшим индикатором ценности человеческой личности. Причем совершенство понимается в данной идеологии не в плане социальной отнесенности человеческих качеств, их соответствия общественному устройству (в духе известного положения о том, что «человек есть не что иное, как совокупность общественных отношений»), а как вневременной и абсолютный смысл, во имя которого и существует общество.

Идеология, включающая в себя идею человеческого ранга, в определенной степени противостоит духу современной цивилизации, уравнивающей различные формы социального проявления человеческой личности в идеологии мультикультурализма, в постмодернистских конструкциях, согласно которым возможно все, и это все имеет равное право на существование. В противовес такой позиции идея ранга задает вектор размышления, в соответствии с которым необходимо видеть качественную специфику человеческой личности, качественную специфику форм социальной активности, их неравнозначность, определяемую неравнозначностью тех смыслов, которые лежат в их основе.

Литература

1. Ильин И. А. Аксиома религиозного опыта. Пушкино, 2000.
2. Ильин И. А. Идея ранга // Ильин И. А. Наши задачи: В 2 т. Т. 1. М., 1992.
3. Ильин И. А. О монархии и республике // Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М., 1994.
4. Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1994.

References

1. Ilyin I. A. Axiom of religious experience. Pushkino, 2000.
2. Ilyin I. A. The idea of rank // Ilyin I. A. Our tasks: In 2 vol. Vol. 1. M., 1992.
3. Ilyin I. A. About a monarchy and the republic // Ilyin I. A. Collected works: In 10 vol. Vol. 4. M., 1994.
4. Frank S. L. Spiritual bases of the society. Introduction in social philosophy // Frank S. L. Spiritual bases of the society. M., 1994.

Ю. В. Тот

Yu. V. Tot

Реорганизация полиции в проекте Административно-полицейской реформы 1870 г.

Police Reorganization in the “1870 Administrative Police Reform” Project

Тот Юрий Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет
Профессор исторического факультета
Заведующий кафедрой истории для преподавания
на естественных и гуманитарных факультетах
Доктор исторических наук, професор

Tot Yuri Viktorovich

Saint-Petersburg State University
Professor of Faculty of History
Head of the chair of History for the Teaching of
Faculties of Natural Sciences and Humanities
Doctor of Sciences (History), Professor

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается полицейская составляющая проекта Административно-полицейской реформы, подготовленного в Министерстве внутренних дел. Опираясь на архивные источники, автор анализирует направления реорганизации полиции и отношение к проекту глав различных министерств. Это позволило выявить противостояние либерального и консервативного течения в среде высшей бюрократии по вопросу преобразования полиции, ставшее отражением борьбы в правительственных кругах за продолжение курса «великих реформ».

ABSTRACT

The article is devoted to the police component of the “Administrative police reform” project developed by the Interior Ministry. Relying on archive sources, the author analyzes the areas of the police reorganization and the attitude of heads of different departments to the project. It helped to reveal the conflict between liberal and conservative upper bureaucracy in the question of the police reform, which reflected the struggle within the governmental circles for continuation of the “great reforms” policy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

реформы, Министерство внутренних дел, министерства, губернаторы, местное управление, полиция

KEY WORDS

reforms, Interior Ministry, ministries, governors, local administration, police

В пореформенный период специальными комиссиями, совещаниями, комитетами и структурными подразделениями Министерства внутренних дел были подготовлены разнообразные проекты преобразования полиции, касавшиеся различных сторон деятельности этого государственного учреждения. К таковым относится и проект Административно-полицейской реформы, разработанный в МВД в 1870 г. Он отличался от других проектов тем, что в нем, как и во время

подготовки крестьянской реформы, преобразование полиции рассматривалось как часть реорганизации системы местного управления¹.

26 декабря 1869 г. А. Е. Тимашев представил Александру II всеподданнейший доклад о проекте административно-по-

¹ Рассмотрение направлений реорганизации местного управления не является нашей задачей, так как эти сюжеты проанализированы в монографии М. М. Шумилова [1].

лицейской реформы. Министр отмечал, что административное и полицейское законодательство не соответствовало требованиям времени. Завершение судебной и земской реформы должно было стать толчком к проведению реформы административно-полицейских учреждений. А. Е. Тимашев обращал внимание императора на «несостоятельность административно-полицейских учреждений, не преобразованных, а только измененных» и вследствие этого неспособных «удержать за собой власть, им как органам правительственным присущую». Поэтому своевременное проведение административно-полицейской реформы — единственное условие обеспечить «спокойное преуспевание общественное, благоустройство и безопасность государственную»¹. При подготовке проекта А. Е. Тимашев учитывал политические настроения, сформировавшиеся у части высшей бюрократии после покушений на Александра II, полагая, что активизация террористических революционных организаций позволит ему осуществить полицейскую реформу по своему сценарию.

2 января 1870 г., в соответствии с повелением Александра II, проект административно-полицейской реформы с объяснительной запиской был направлен в Комитет министров. На заседании комитета 27 января, исходя из особой важности вопроса, было принято решение о представлении министрами и главноуправляющими отзывов о проекте до 1 марта².

В рамках полицейской реформы А. Е. Тимашев считал необходимым: подчинить полицейские учреждения непосредственно губернатору, предоставить ему право назначать чиновников уездной полиции и налагать на них взыскания, отменить коллегиальное рассмотрение уездным полицейским управлением некоторых категорий дел, упразднить ин-

ститут сословных заседателей, пересмотреть действовавшее административное деление губерний на уезды, а уездов на станы³.

В объяснительной записке министр указывал на «ничтожность» наличных сил уездного полицейского управления. По его мнению, неэффективность деятельности сотских, десятских, волостных и сельских старост как «исполнительных агентов» полиции привела к тому, что единственными представителями власти в уезде и исполнителями распоряжений местной администрации являлись исправник и максимум четыре станowych. Изменить ситуацию к лучшему представлялось возможным только посредством «образования дельных и способных низших исполнительных чинов», т. е. специальной вооруженной полицейской стражи⁴.

Стражники (их численность во всех губерниях должна была составить 17 251 человек) подчинялись исправнику и станowym приставам. Их функции заключались в том, чтобы следить за порядком и «благочинием в уездах». Корпус стражников формировался из отставных и находившихся в бессрочном отпуске нижних чинов армии. По сумме годового денежного вознаграждения (в 120, 150 и 180 руб.), получаемого за службу, стражники подразделялись на три категории. Эти различия устанавливались для того, чтобы «возбудить между стражниками соревнование» и на основе материальных стимулов повысить уровень их исполнительской и служебной дисциплины⁵.

Согласно проекту, коренной реорганизации подвергались низшие институты полиции: упразднялись должности тысяцких, пятисотских, сотских и десятских. Исполнение обязанностей сельской полиции возлагалось на вновь образуемое полицейское подразделение — сельскую стражу. Предполагалось, что она (в количестве 131 968 человек)

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 229. Оп. 1. Д. 290. Л. 3–4 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 6–6 об; Там же. Ф. 1286. Оп. 30. Д. 60. Л. 13.

⁴ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 290; Там же. Ф. 1286. Оп. 30. Д. 60. Л. 13 об.

⁵ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 290. Л. 6 об. 378 об.

заменит свыше 400 000 десятских. Эта численность определялась исходя из протяженности территории, количества населения и сельских дворов. Стражники избирались на сельских сходах или нанимались из числа местных жителей. Их число в каждой волости, срок службы, минимальная сумма вознаграждения за службу — все эти вопросы находились в ведении губернской администрации. Финансировать сельских стражников предполагалось из сумм государственного земского сбора, а покрыть расходы на амуницию и содержание лошадей — из средств губернского земского сбора¹. Сельские стражники непосредственно подчинялись волостным правлениям. По первому требованию чиновников поли-

ции органы крестьянского общественно-го управления должны были направлять их в распоряжение полиции².

Проект А. Е. Тимашева существенно расширял полномочия губернатора, укрепляя тем самым позиции Министерства внутренних дел в системе местного управления. «По точному смыслу предполагаемого преобразования все местное гражданское управление (за исключением суда и контроля) и части законодательной власти, — писал в отзыве о проекте военный министр Д. А. Милютин, — передается во власть губернатора и министра внутренних дел, который, таким образом, возводится на степень первенствующего министра с обширными административными и законодательными атрибутами»³.

Центральное место в отзывах министров занимали вопросы изменения организационных принципов устройства и деятельности уездной полиции, образования вооруженной полицейской стражи и реорганизации института сотских и десятских (формирование сельской стражи).

Резкую критику министров вызвало предложение А. Е. Тимашева наделить губернатора исключительным правом налагать на полицейских чиновников административные взыскания (ст. 26 проекта). Д. А. Милютин отмечал: «Право частных лиц жаловаться непосредственно суду на ущерб и убытки, наносимые им действиями чиновников, а равно право суда подвергать чинов полиции ответственности за упущения по службе, отменяются с целью непосредственно и всецело подчинить тех и других власти губернатора». Военный министр, вопреки утверждению А. Е. Тимашева, считал, что эта мера не «усилит полицию», а, наоборот, приведет к беззаконию и произволу чиновников⁴.

Мнение Д. А. Милютина разделяли министр финансов М. Х. Рейтерн, министр юстиции К. И. Пален и главноуправля-

¹ Там же. Оп. 1. Д. 290. Л. 14 об. В объяснительной записке в поддержку предложенной программы финансирования сельской стражи приводились постановления ряда уездных земств о готовности финансировать «надежную полицейскую силу». Так, порховское уездное земское собрание предложило заменить выборных сотских вольнонаемными служащими с годовым окладом от 100 до 130 руб. Две трети этой суммы (7000 руб.) предполагалось получить из государственного земского сбора, а треть — от земства. Звенигородское земское собрание высказалось за увеличение численности личного состава полиции и привлечение на полицейскую службу наемных служащих. Их содержание должны были оплачивать представители всех сословий, проживавших в уезде. Петербургское уездное земское собрание направило в МВД просьбу разрешить сформировать для охраны шлиссельбургского тракта особую стражу. Средства на ее содержание выделяло земство. Аналогичные обращения, как отмечалось в объяснительной записке, поступили в МВД из Полтавской, Орловской, Смоленской, Тверской, Калужской, Екатеринославской и других губерний (Там же. Ф. 1286. Оп. 30. Д. 60. Л. 15). Общий тон и содержание ходатайств позволили А. Е. Тимашеву утверждать в докладе Александру II проекта административно-полицейской реформы следующее: «Предполагаемый преобразованием новый расход на устройство уездной стражи есть выражение действительной и наименьшей потребности развития полицейских средств, которые при настоящем устройстве полиции в большей части местности и для большинства населения вовсе не существуют». (Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 290. Л. 4).

² Там же. Ф. 1286. Оп. 30. Д. 60. Л. 14 об.

³ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 290. Л. 84.

⁴ Там же.

ющий II отделением С.Н. Урусов. Они отмечали, что реализация предложений А.Е. Тимашева предоставит полицейским чиновникам простор для незаконных действий¹. Разъясняя позицию МВД, А.Е. Тимашев указывал, что истинное назначение статьи — обеспечить приоритет губернатора в определении меры административного взыскания полицейским чиновникам за различные служебные недочеты, выявленные в их деятельности судебными инстанциями. При этом министр внутренних дел выступил против сохранения за судебными инстанциями права выносить административные взыскания (даже в форме предостережений) полицейским чиновникам и служащим². Однако точка зрения А.Е. Тимашева противоречила положениям судебной реформы, декларировавшим равенство всех подданных перед законом.

Не менее энергичные возражения вызвали у руководителей министерств предложения А.Е. Тимашева по реорганизации института сотских и десятских (образование сельской стражи), а также создание новой полицейской структуры — вооруженной полицейской стражи (ст. 28–32). Критические замечания касались двух аспектов: источников их финансирования и принципов формирования личного состава.

Министры рассматривали организацию подразделений сельской и вооруженной стражи как одно направление реформы, имевшее целью заменить существовавшие в уездах полицейские институты. Д.А. Милютин полагал, что для реорганизации полиции недостаточно материальных средств, указанных в проекте, дополнить которые было невозможно без введения новых налогов³. М.Х. Рейтерн высказался против

увеличения подушных сборов, которые А.Е. Тимашев рассматривал как основной источник финансирования полицейской реформы. Проблема, как следует из отзыва министра финансов, заключалась в том, что финансовое положение государства исключало любое увеличение подушных сборов, и без того значительно возросших с 1860 г. М.Х. Рейтерн не оспаривал целесообразности увеличения полицейских сил в отдельных районах страны, но выступал против того, чтобы налоги с крестьянского населения стали единственным источником финансирования реформы полиции. В качестве финансирования локального, а не полного варианта преобразования полиции он допускал введение общего поземельного налога, без увеличения подушного сбора с крестьян⁴.

Позицию М.Х. Рейтерна разделял министр государственного контроля В.А. Татаринов. Он отмечал, что из-за недостатка материальных средств реорганизацию полиции следовало бы осуществлять в течение нескольких лет⁵.

Главы министерств критически оценивали принципы формирования личного состава сельской и полицейской стражи. Д.А. Милютин выступил против привлечения на полицейскую службу нижних и находившихся в бессрочном отпуске чинов армии, настаивая на том, что подразделения, не имевшие непосредственного отношения к армии, должны комплектоваться «наймом вольных людей или другими какими-либо способами». Он выразил сомнение в том, что губернатор сможет эффективно надзирать за дисциплиной и законностью действий «военной полиции» (так он именовал сельскую и полицейскую стражу) вследствие дислокации стражников в различных пунктах губернии, а также изъятия у судебных инстанций права надзора за полицией⁶.

М.Х. Рейтерн, применявший для обозначения сельской и полицейской стражи термин «военная стража», сопоставимый

¹ Там же. Л. 189.

² Там же. Л. 205 об., 213 об. У глав ведомств не было единой трактовки термина «предостережение». Так, министр финансов М.Х. Рейтерн полагал, что «предостережение» не следует относить к форме административного взыскания (Там же. Л. 214).

³ Там же. Л. 89–89 об.

⁴ Там же. Л. 108 об.–109 об.

⁵ Там же. Л. 113.

⁶ Там же. Л. 89–90.

с термином «военная полиция» Д. А. Милютина, как и его коллега, полагал, что будет сложно обеспечить контроль над «военной стражей». Замена сотских и десятских на сельскую стражу, считал он, внесет в крестьянскую среду «чуждый» и даже «враждебный» ей элемент, так как невозможно будет отделить сельскую полицию от волостных и сельских структур¹. Министр финансов, таким образом, выступал против намерения МВД превратить органы крестьянского самоуправления в низшую инстанцию уездной полиции, отстаивая независимость крестьянских органов самоуправления от полиции.

Главнуправляющий II отделением С. Н. Урусов по вопросам организации, подчиненности, финансирования «полицейских сил» в уезде также не поддержал министра внутренних дел, полагая, что «сельская стража» должна подчиняться не волостным правлениям, а земствам. Средства на ее финансирование должны поступать от всех сословий, проживавших в пределах определенной территории, а не только от крестьян².

Тезис С. Н. Урусова о земствах развил министр императорского двора В. Ф. Адлерберг, отмечавший необходимость привлечения органов самоуправления к участию в реорганизации полиции. Он мотивировал это предложение обоюдной заинтересованностью земств и администрации в улучшении деятельности полиции³.

Министр внутренних дел с не меньшей решительностью, чем его оппоненты, отстаивал свою точку зрения о необходимости создания подразделений сельской и вооруженной стражи. Увеличение полицейских сил он связывал с ростом преступлений в пореформенный период. Так, за 1863–1868 гг. число убийств возросло на 22,6%, грабежей — на 90,1%, случаев воровства — на 150,9%⁴. Опираясь на статистическими данными, министр не

только ратовал за «усугубление полицейского надзора», но и пытался отвести упреки оппонентов в стремлении создать «полицейскую армию», организовать полицию «на военную ногу» и установить «военное положение».

А. Е. Тимашев не согласился с критикой Д. А. Милютина и М. Х. Рейтерна в адрес принципов финансирования сельской и полицейской стражи. Он отмечал, что сумма 8–13 млн рублей, которая, по мнению военного и финансового ведомств, потребуется на реорганизацию полицейских учреждений, не обоснована реальными расчетами. А. Е. Тимашев предложил использовать дополнительный источник финансирования проекта — остаток от государственного земского сбора, не имевший целевого направления расходования. В этом случае, отмечал министр внутренних дел, «значительного обременения населения» дополнительными налогами не произойдет⁵.

Аргументы А. Е. Тимашева относительно комплектования и финансирования сельской и вооруженной стражи не уступали в обоснованности доводам его оппонентов. Однако нам представляется, что не только эти положения, включая независимость полицейских чиновников от судебных учреждений и усиление позиций МВД в системе местного управления, стали причиной отклонения проекта.

Большинство министров не разделяли точку зрения своего коллеги о необходимости проведения полицейской реформы в данный момент, принципах ее связи с судебной и земской реформами, целесообразности участия в подготовке реформы не только государственных структур, но и земств, функциях полиции в местном управлении.

Д. А. Милютин полагал, что уездные полицейские учреждения не нуждались в «коренных преобразованиях», но отмечал необходимость приведения служебных обязанностей полиции и ее служащих в соответствие с «духом» осуществленных после 1861 г. реформ. Не убедил военного министра важнейший аргумент,

¹ Там же. Л. 109.

² Там же. Л. 94–94 об.

³ Там же. Л. 135.

⁴ Там же. Л. 210–210 об.

⁵ Там же. Л. 211 об. – 212.

выдвинутый МВД для обоснования необходимости увеличения полицейских сил, — возможность крестьянских выступлений. Он считал, что сельских и полицейских стражников, рассредоточенных по территории уезда, будет недостаточно для умирения крестьян. Д. А. Милютин напомнил А. Е. Тимашеву, что для подавления беспорядков имелись более эффективные меры, например, направление в места волнений воинских подразделений. По мнению военного министра, в крестьянской среде отсутствовали предпосылки для массовых выступлений, а вследствие «благоразумных» действий местной администрации их удалось избежать в период проведения крестьянской реформы. Именно в этом заключалась гарантия от различного рода беспорядков в деревне¹.

Аналогичных взглядов по вопросу о возможности «крестьянских бунтов» придерживался М. Х. Рейтерн. При этом он считал необходимым «пересмотреть и согласовать с новыми условиями (положениями осуществленных реформ. — Ю. Т.) все губернские административные и полицейские учреждения»².

Министр государственных имуществ А. А. Зеленый поддержал положения проекта об образовании подразделений вооруженных стражников, но главную цель проекта МВД он, как и Д. А. Милютин, видел в том, чтобы поставить «администрацию», т. е. губернатора, и полицию в положение «исключительного преобладания» над другими государственными учреждениями³.

Государственный контролер В. А. Татаринов по вопросу о целях и направлениях полицейской реформы занимал более осторожную позицию, чем его коллеги. Признавая наличие серьезных недостатков в деятельности полиции и необходимость ее преобразования, он уклонился от рассмотрения «существа дела». По мнению государственного контролера, главная проблема полицейской

реформы состояла в изыскании средств на ее проведение, но преобразование полиции следовало осуществлять отдельно от реорганизации местного управления⁴.

Большинство глав министерств высказалось против концепции рассматриваемой реформы, выражая обеспокоенность «военизацией» полиции, подчиненной исключительно губернатору, и стремлением МВД превратить чиновников полицейского управления в уездное «начальство». Такой подход к полицейской реформе, по мнению М. Х. Рейтерна, отводил полиции роль основного звена местной администрации, в то время как предназначение полиции было гораздо шире. «Проект упускает из виду то важное соображение, что полиция существует и в интересах общества вообще, и каждого частного человека в особенности, — отмечал министр финансов, — и что учреждается она для оказания им в нужных случаях защиты и исполнения их законных требований»⁵. Однако в принципе не отрицалась необходимость проведения полицейской реформы и даже предлагались ее альтернативные варианты.

Характер отзывов министров о проекте А. Е. Тимашева свидетельствует о существовании в среде высших чиновников государства различных подходов к целям и направлениям полицейской реформы. Один из них представлен в отзывах М. Х. Рейтерна, Д. А. Милютина, А. А. Зеленого, трактовавших проект административно-полицейской реформы как возврат к политике предыдущего царствования. Министр государственных имуществ А. А. Зеленый отмечал в отзыве, что проект А. Е. Тимашева соответствовал не реформам Александра II, а «административно-полицейскому направлению» царствования Николая I⁶. Другой подход предложил главноуправляющий IV отделением принц П. Г. Ольденбургский, поддержавший проект А. Е. Тимаше-

¹ Там же. Л. 89 об. — 90.

² Там же. Л. 101–101 об.

³ Там же. Л. 120, 126 об.

⁴ Там же. Л. 112 об., 114.

⁵ Там же. Л. 108 об., 120.

⁶ Там же. Л. 120 об.

ва. Главноуправляющий утверждал, что расширение полномочий губернатора и направления преобразования полиции соответствовали «настоящему правительственному и общественному строю»¹.

Отдельные положения полицейской части проекта (образование подразделений вооруженных стражников) были одобрены А. А. Зеленым и С. Н. Урусовым. Однако общий характер отзывов этих сановников не позволяет причислить их к сторонникам А. Е. Тимашева.

Проект административно-полицейской реформы А. Е. Тимашева опирался на два основных теоретических положения: во-первых, полиция — исполнительный орган губернской и уездной администрации, институт по поддержанию «общественного благочиния», во-вторых, полиция — карательный орган для восстановления правопорядка. Именно эти положения в течение почти столетия определяли не только деятельность полиции, но и ее роль в системе местного управления. Таким образом, идеология проекта А. Е. Тимашева основывалась на дореформенных теоретических и практических установках, утверждавших безграничную власть губернатора и уездного исправника. Поэтому любые попытки передать часть административных функций от губернатора и исправника представителям других ведомств, а тем более выборным инстанциям, расценивались в МВД как «противоречащие основам государственного строя». Проект административно-полицейской реформы

А. Е. Тимашева можно рассматривать как одну из первых попыток правительственных консервативных кругов выдвинуть политическую альтернативу реформам, как некий прообраз будущего «нового курса» Александра III.

Общая направленность отзывов предопределила итоги обсуждения проекта «Основных положений административно-полицейской реформы» в Комитете министров 7 апреля 1870 г. А. Е. Тимашеву рекомендовалось не затягивать подготовку реформы полиции и поручить Комиссии о губернских и уездных учреждениях разработать соответствующий проект. При его составлении следовало обратить особое внимание на материальные затраты. Финансирование полицейской реформы не могло осуществляться за счет введения новых налогов. В состав комиссии предлагалось ввести представителей министерств (финансов, юстиции, просвещения, государственных имуществ, императорского двора, Собственной Его Императорского Величества канцелярии). Предполагалось, что в таком расширенном составе комиссия преодолееет разногласия между МВД и другими ведомствами, выявившиеся в ходе обсуждения проекта административно-полицейской реформы. 16 апреля 1870 г. Александр II утвердил журнал Комитета министров с резолюцией: «Исполнить с тем, чтобы проект о преобразовании полиции был представлен сколь возможно в скором времени»².

¹ Там же. Л. 98.

² Там же. Л. 225–226.

Литература

1. Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50 — начале 80-х гг. М., 1991. С. 71–75.

References

1. Shumilov M. M. Local management and central power in Russia in 50th — the beginning of the 80th — М., 1991. P. 71–75.

А. И. Лушин**A. I. Lushin**

О некоторых особенностях становления системы ГУЛАГа

(на примере Учреждения ЖХ-385)

On Some Features of Formation of System of GULAG (on the Example of ZhH-385 Institution)

Лушин Александр Иванович

Северо-Западный институт управления —
филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и мировой политики
Доктор исторических наук
lushinai@mail.ru

Lushin Alexander Ivanovich

North-West Institute of Management — branch
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (Saint-
Petersburg)
Professor of the Chair of History and Global Politics
Doctor of Science (History)
lushinai@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена особенностям становления системы ГУЛАГа на примере Учреждения ЖХ-385 и опирается на многочисленные документальные источники и лагерную мемуаристику, в которых отразились многие проблемы советской лагерной системы.

ABSTRACT

The article is devoted to features of formation of system of GULAG on the example of ZhH-385 Institution and leans on numerous documentary sources and camp memoiristics in which many problems of the Soviet camp system were reflected.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ГУЛАГ, Темлаг, Дубравлаг, антисоветская агитация и пропаганда, враг народа, осужденные, спецпоселения

KEY WORDS

GULAG, Temlag, Dubravlag, anti-Soviet propaganda and promotion, the enemy of the people, the condemned, special settlements

Проблемы становления системы Главного управления лагерей НКВД — МВД СССР являются предметом пристального внимания специалистов в области отечественной истории, историков права, обществоведов, привлекают внимание исследователей за рубежом. За последние три десятилетия вышел целый ряд глубоких по содержанию работ, в которых на основе значительного пласта документальных источников, ранее тщательно скрываемых властями, проливается свет на неизвестные ранее факты возникновения, развития и исторического финала этой уникальной системы (см.: [1–8; 12]).

Эволюция ГУЛАГа подчинялась общим закономерностям становления исправительно-трудовой системы страны, в которой решение экономических задач и «прыжка в социализм» осуществлялись не только на основе энтузиазма миллионов советских людей, но и за счет даровой и практически бесплатной рабочей силы. В этой огромной империи печальную известность получит и лагерный комплекс «Темлаг», который был создан на территории только что образованной (1930 г.) Мордовской автономной области.

История комплекса началась 25 мая 1931 г., когда руководством НКВД СССР

было принято решение о создании системы лагерей на территории Зубово-Полянского и Темниковского районов Мордовии, получившей условное название «Темлаг». Очевидно, причинами такого названия были завеса секретности и близкое расположение уездного городка Темников, известного еще с XVI в. Основная задача этаплируемых сюда заключенных заключалась в заготовке деловой древесины и дров для московской организации, обеспечивающей столицу топливом, — «Мосгортоба». В 1931 г. были созданы три участка — Потьминский, Явасский и Барашевский, — тогда же началось и строительство узкоколейной железной дороги, соединявшей южную часть (пос. Потьма) с северной (пос. Барашево). По воспоминаниям ветеранов, это был каторжный труд: строительство дороги велось вручную, при помощи лопат, ломов, без применения техники и свело в могилу не одну тысячу жертв «великого перелома». Первоначальный штат сотрудников лагеря составлял 38 человек и 75 заключенных.

Быстро растущая и развивающаяся столица страны остро нуждалась в хорошей древесине и топливе, при нехватке угля древесина служила его заменителем. Участки прекрасного делового леса вырубались заключенными, как правило, «вчистую». В течение двух лет для «спецконтингента» было создано 10 лагерных отделений, до конца 1930-х гг. — еще пять. Ежедневно на станцию Потьма Куйбышевской железной дороги приходили вагоны с лесом, дровами, которые перегружались на новые составы и затем отправлялись в Москву. Кроме лесозаготовок шло формирование и лагерной производственной инфраструктуры: создано производство по переработке древесины, производству мебели, фанеры, выпуску поделок, пошиву спецодежды и т.д. В конце 1930-х во всех лагерных пунктах насчитывалось более 23 000 заключенных, ежегодно выдававших «на гора» продукцию на десятки миллионов рублей.

Количество заключенных в стране, как известно, варьировалось в значи-

тельной степени от политической линии партии большевиков, растущего количества «строек коммунизма» и т.д. Значительному увеличению количества молодых людей в местах лишения свободы способствовало, например, постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 г.¹ Этот «документ» снизил возраст уголовной ответственности с 14 до 12 лет «за кражи, применение насилия, нанесение телесных повреждений, убийств или попытки убийства». В 1940 г. в стране с 12 лет (чего не знала мировая правоприменительная практика) стали привлекать к уголовной ответственности за совершение действий, могущих повлечь за собой крушение поездов (подкалывание на рельсы различных предметов, развинчивание рельсов и т.д.)². Кстати, эти драконовские законы были отменены специальным постановлением ВС СССР только 25 декабря 1958 г.

Целый ряд корректив внесла в развитие лагерной системы, в том числе и Темлага, Великая Отечественная война. В 1941 г. был издан Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»³. Теперь эти действия квалифицировались советским законодательством как дезертирство и влекли за собой наказание тюремным заключением сроком от 5 до 8 лет. Пункт 3 этого документа гласил, что «дела такого рода лиц должны рассматриваться военным трибуналом». Все эти документы способствовали значительному росту количества осужденных.

¹ *Собрание законов СССР*. 1935. № 30. Ст. 234.

² *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1940. № 52.

³ *Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий*: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1941. № 52.

В Темлаг, в эти лесные, заповедные и святые места, где когда-то жил Серафим Саровский, на протяжении всех предвоенных лет будут этапироваться как осужденные за совершение уголовных преступлений, так и по печально известной ст. 58 УК РСФСР «за антисоветскую агитацию и пропаганду». Причем отбывали сроки здесь не только осужденные «за политику», а нередко и их жены, другие близкие родственники. Народная артистка СССР, режиссер, лауреат Ленинской премии, с чьим именем связано становление первого в мире детского музыкального театра, жена И. Вейцера, наркома внутренней торговли, репрессированного в 1937 г., Наталия Сац вспоминала о мордовских лагерях в своих мемуарах: «Но вот я и на новом месте. Лагерь абсолютно закрытый — для „жен самых ответственных врагов народа“. Он не похож на обычный лагерь, где жизнь была пестрой, шумливой, скорее — на женский монастырь: чистота, порядок в бараке, на немногих аккуратных клумбах растут... цветы, тишина — могильная. Кроме конвоя и начальника, никаких мужчин. Знакомых полным-полно: жена председателя госбанка Нонна Марьясина (прежде в Москве видеть ее без шлейфа поклонников было невозможно); жена Сени Урицкого, такая же трудолюбивая и скромная; жена председателя ЦК РАБИС (работников искусств) Славинского — Зинаида Светлановна — примадонна московской оперетты и тут держится, зная себе цену. Помню ее чудный голос. Спрашиваю: „Поете ли вы здесь?“. Она презрительно кривит губы: „Птица в клетке не поет“... Но работают здесь все. Организовали швейную мастерскую, бригаду садовниц...» [см.: 13, 14]. (Н. Сац, кстати, будет участвовать в создании лагерного театра Темлага, а затем в лагере Рыбинска.)

Следует особо подчеркнуть, что Темлаг, как и вся система ГУЛАГа, находился в условиях перманентной перестройки как внутренней структуры, так и управления: одни лагерные отделения создавались, другие расформировывались, объединялись и т. д. В комплекс Темлага

будут включены не только лагпункты, расположенные вдоль построенной железной дороги, но и Саровский особый карантинный лагерь ОГПУ, организованный 17 ноября 1931 г. В этом документе отмечалось: «Организовать в декадный срок для предварительной изоляции нарушителей границы». Численность его на декабрь 1932 г. составляла 400 человек, основное производство — лесозаготовки. Он просуществовал до 14 января 1934 г., а в августе 1934 г. был включен в Саровский ИТЛ, просуществовавший до 30 декабря 1935 г.¹

В начале Великой Отечественной войны здесь, в Темлаге, будет создан спецлагерь № 58 для военнопленных, который был подчинен Наркомату обороны и НКВД страны. После ее окончания «раскаявшихся» пленных иностранцев в основном отправляли на родину, не раскаявшихся — на Урал и в Сибирь. Кроме того, в пос. Потьма функционировал лагерь по репатриации военнопленных иностранцев. Через них пройдут тысячи немцев, итальянцев, румын и т. д. На некоторое время часть лагерных отделений перепрофилируют в «оздоровительные» для тех военнопленных, чье здоровье вызывало серьезное опасение у администрации лагерей. Тем не менее, по воспоминаниям старожилов, нередко «трупы пленных вывозили на кладбище возами».

Период Великой Отечественной войны ознаменовался ужесточением режима содержания заключенных, ответом были восстания в лагерях, которые периодически вспыхивали в различных лагерях и колониях ГУЛАГа. После окончания войны пройдет очередная волна реорганизации лагерной системы. Первый ее этап проводился в мае — октябре 1948 г., второй в марте — апреле 1950 г. Основная цель этой реорганизации — отделить «политических» от уголовников, причем уже отбывшие срок заключения выслались на спецпоселения в отда-

¹ Приказ 671 / 362 от 17 ноября 1931 г.; Приказ 001011 ОГПУ от 14 января 1934 г.; ГА РФ. Ф. 9214. Оп. 1. Д. 95. Л. 145 об.; Там же. Д. 96. Л. 126.

ленные места (Алтай, Красноярский край и др.). Насколько серьезно относилось руководство ГУЛАГа к этой реорганизации, можно судить по тому, что, например, в Инту (Коми АССР) предварительно была введена 50-я дивизия конвойных войск МВД СССР. Здесь на 25 000 заключенных стало приходиться 5000 охранников, т.е. один «человек с ружьем» на пять узников, один из которых был к тому же женщиной, а два других — инвалидами [11, с. 14].

В период реорганизации на базе Темлага будет создан комплекс «Дубравный», или «Дубравлаг», в названии которого имели место очевидно и географическое расположение комплекса и, наверное, некоторая доля поэтичности, ибо говорилось в нем и о некотором благозвучии местности, предназначенной для заключения. 28 февраля 1948 г. министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов подписал приказ № 00219 «Об организации лагерей МВД со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников»¹. На территории Темниковского района Мордовской АССР было решено создать особый лагерь МВД № 3 с размещением его в зданиях Темлага МВД и Темниковской детской колонии общим числом на 20 000 заключенных. По этому приказу были установлены и сроки создания лагеря: первая очередь на 5000 осужденных должна была быть введена уже к 1 мая 1948 г., вторая — на 7500 — к 1 июня, третья — на такое же количество — к 1 августа². Сроки, безусловно, практически невыполнимые. 10 мая того же года приказом министра лагерю было присвоено условное наименование «Дубравный лагерь МВД» и установлены почтовый и телеграфный адреса: пос. Явас Зубово-Полянского района Мордовской АССР, для телеграмм — Явас Мордовской Дубрава. Как это ни выглядит парадоксальным сегодня, но сроки создания лагеря были выдержаны и 11 октября этого

года был подписан Акт о ликвидации Темлага.

Дубравный был создан как лагерь для содержания «осужденных к лишению свободы шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп, и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности»³. Теперь сюда со всей страны будут этапированы осужденные за подлинные и мнимые преступления со всего огромного континента под названием «ГУЛАГ», исключение составили лишь инвалиды и хронически больные с неизлечимыми заболеваниями. Весь этот процесс проходил под строгим контролем Министерства госбезопасности. Режим содержания заключенных запрещал любые послабления, амнистию и т.д. Все трудоспособные, за исключением больных и инвалидов, были обязаны заниматься тяжелым физическим трудом. В октябре 1950 г. Совет министров СССР разрешил МВД СССР увеличить количество заключенных особых лагерей, в том числе и Дубравлага. Ему был установлен лимит наполнения осужденными в 23 000 человек, в том числе 12 000 — инвалидов [9, с. 370–371]. К концу 1950-х гг. и до июля 1972 г. Дубравный станет фактически единственным лагерем в стране (за исключением Владимирской и Чистопольской тюрем), где будут отбывать сроки наказания все лица, осужденные за «государственные преступления».

1960–1970-е гг. были отмечены увеличением количества как колоний, так и осужденных. В эти годы Дубравлаг получит и еще одно официальное название — «Учреждение ЖХ-385», которое существует и сегодня. К началу 1980-х гг. здесь дислоцировалось 16 исправительно-трудовых колоний и три лечебно-трудовых профилактория. Одна колония (ИТК-3) располагалась в пос. Барашево Теньгушевского района, еще две (ИТК-9, ИТК-12) —

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 8. Л. 98–101.

² Там же.

³ Там же. Л. 98.

в г. Саранске, одна колония (ИТК-15) — в пос. Торбеево. Остальные 12 подразделений и три лечебно-трудовых профилактория расположены были на территории Zubovo-Полянского района. Все подразделения, за исключением ИТК-9, 12, 15 и ЛТП-1, 2, 3, имели свою собственную производственную базу¹.

По видам режима колонии Дубравного ИТУ характеризовались следующим образом:

ИТК — 2, 6, 12, 14 и 15 — общего режима;

ИТК — 5, 9, 11, 18 и 19 — усиленного режима;

ИТК — 1, 3, 4, 7 и 17 — строгого режима;

ИТК — 10 — особого режима.

В ИТК-2, 6, 14 содержались женщины. «Женские участки» имелись в ИТК-3 и 5. На участке ИТК-3 содержались осужденные за особо опасные государственные преступления (в 1983 г. их насчитывалось 94 человека). На участке ИТК-5 содержались осужденные мужчины — иностранцы и лица без гражданства в количестве 129 человек. На территории ИТК-3 располагалась центральная больница для лечения осужденных, состоявшая из двух зон.

Охрану осужденных в жилых зонах и производственных помещениях осуществляла 53-я ордена Красной Звезды конвойная бригада МВД СССР.

Теперь территорию Дубравного ИТУ с севера на юг пересекала не только железная дорога протяженностью 52 км, но и автомобильная дорога с твердым покрытием протяженностью 53 км².

Со второй половины 1960-х гг. Дубравный получит печальную известность не только в стране, но и далеко за ее пределами, особенно после того как здесь в 1966 г. окажутся в заключении московские литераторы Ю. Даниэль и А. Синявский. В 1970–1980-х гг. Дубравный станет местом, где будут от-

бывать сроки заключения многие известные диссиденты, представители национальных движений, сектанты и т. д. Длительное время судьба подавляющего числа отбывавших здесь представителей альтернативных групп и движений была крайне слабо известна общественности. Одним из первых «обет молчания» о судьбе осужденных по политическим мотивам «нарушили» Анатолий Марченко, издавший в самиздате свою книгу «Мои показания», затем Валентин Мороз. Историк, бывший преподаватель Луцкого, а затем Ивано-Франковского пединститута, осужденный «за антисоветскую агитацию и пропаганду» по ст. 62 УК УССР на 4 года лишения свободы, он провел их в лагерях Дубравного (Учреждение ЖХ-385 — 17). В 1968 г. из лагеря он передаст на волю ставшее позднее известным далеко за пределами СССР эссе «Репортаж из заповедника имени Берия» (по аналогии с находившимся в двух десятках километров заповедником имени П. Г. Смидовича). Сначала эта работа была опубликована в США, затем — в Израиле: «Неширокой полосой, — пишет он, — вытянулась с запада на восток зеленая Мордовия. Зеленая на карте, зеленая в действительности. Посреди славянского моря — островок звучных мордовских названий: Виндрой (на самом деле Виндрей), Явась (на самом деле Явас), Потьма, Лямбир (на самом деле Лямбиров, один из районных центров Мордовии, причем за 200 км от колонии). В северо-западном углу Мордовии — Мордовский государственный заповедник. Здесь царит закон, охота строго запрещена. Но есть еще одна охота, не обозначенная ни на одних картах, где охотиться можно круглый год. На людей.

Если бы составить точную карту Мордовии, северо-западный угол ее пришлось бы разделить на квадраты, разгороженные колючей проволокой и усеянные сторожевыми вышками. Это мордовские политические лагеря — край колючей проволоки, овчарок и охоты на людей. Здесь среди колючей проволоки вырастают дети. Их родители после службы косят сено и копают картофель. «Папа,

¹ Текущий архив Политотдела Учреждения ЖХ-385: Доклад начальника Политотдела на собрании партийного актива Учреждения 28 октября 1983 г. С. 1.

² Там же.

был шпион? А что ты нашел?» Затем они подрастут и усвоят первую житейскую мудрость этих краев: «Лагерь — это хлеб». За пойманного беглеца выдают пуд муки. В алдановских лагерях было проще: якут приносил голову и получал порох, соль, водку. Как у даяков острова Борнео. Только голову приносили не вождю, обвешанному монистами из человеческих зубов, а майору или капитану, который учился заочно в университете и читал лекции о законности. В Мордовии от такой

традиции пришлось отказаться: слишком близко Москва. Попадет чего доброго в руки иностранных корреспондентов — попробуй доказать, что это не фальшивка, выдуманная желтой прессой...» [10, с. 6].

Это небольшое эссе возымеет эффект разорвавшейся бомбы и станет одной из ярких страниц советской лагерной мемуаристики, где отразились многие проблемы советской лагерной системы, длительное время остававшейся наследницей худших традиций ГУЛАГа.

Литература

1. Бахмистеров А. С. Дубравлаг — черное пятно на карте Мордовии. Саранск: Мордовское книж. изд-во, 2001.
2. Бородин Л. И., Грегори П., Хлевнюк О. В. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2005.
3. Вольтер Г. А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее: Свидетельства очевидцев. 2-е изд., доп. и испр. М.: ЛА «Варяг», 1998.
4. Гулаг: Главное управление лагерей (1918–1958). М.: Материк, 2002.
5. Дюков А. Р. Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). М.: Алексей Яковлев, 2007.
6. Заключенные на стройках ГУЛАГа и объектах энергетики в СССР. М.: РОССПЭН, 2008.
7. Иванова Г. М. История ГУЛАГа в 1918–1958. М.: Наука, 2006.
8. История сталинского Гулага: конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 370–371.
9. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. М.: РОССПЭН, 2004–2005.
10. Мороз В. Репортаж из заповедника имени Берия. Тель-Авив, 1970. С. 6.
11. Печальная пристань / Сост. И. Л. Кузнецов. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1991. С. 14.
12. Рор А. Холодные звезды ГУЛАГа. М., 2006.
13. Сац Н. И. Новеллы моей жизни. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
14. Сац Н. И. Жизнь — явление полосатое. М.: Новости, 1991.

References

1. Bakhmisterov A. S. Dubravlag — a black spot on the map of Mordovia. Saransk: Mordovia publishing house, 2001.
2. Borodkin L. I. Gregory P., Hlevnyuk O. V. GULAG: Economy of forced labor. M.: ROSSPEN, 2005.
3. Walter G. A. Zone of absolute rest: The Russian Germans in the years of war and after it: Eyewitnesses accounts. 2nd edition. M.: LA "Varangian", 1998.
4. GULAG: Head department of camps (1918–1958). M.: Continent, 2002.
5. Dukov A. R. The myth about genocide: Repressions of the Soviet authorities in Estonia (1940–1953). M.: Alexey Yakovlev, 2007.
6. Prisoners on buildings of GULAG and objects of power in the USSR. M.: ROSSPEN, 2008.
7. Ivanova G. M. The History of GULAG in 1918–1958. M.: Science, 2006.
8. History of Stalin GULAG: the end of the 1920th — the first half of the 1950th years: Collection of documents in 7 vol. Vol. 2: Retaliatory system: structure and shots. M.: ROSSPEN, 2004. P. 370–371.
9. History of Stalin GULAG: the end of the 1920th — the first half of the 1950th years: Collection of documents in 7 vol. Vol. 2: Retaliatory system: structure and shots. M.: ROSSPEN, 2004–2005.
10. Moroz V. The reporting from the reserve named by Beria. Tel Aviv, 1970. P. 6.
11. Sad pier / I. L. Kuznetsov. Syktyvkar: Komi book publishing house, 1991. P. 14.
12. Ror A. Cold stars of GULAG. M., 2006.
13. Sats N. I. Sketches of my life. M.: EKSMO-Press, 2001.
14. Sats N. I. Life — the striped phenomenon. M.: News, 1991.

Е. С. Стецкевич

E. S. Stetskevich

Коронации российских императоров XVIII в. и их отражение в изобразительном искусстве

Crownings of the Russian Emperors of the XVIII Century and their Reflection in the Fine Arts

Стецкевич Елена Сергеевна

Северо-Западный институт управления —
филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры истории и мировой политики
Кандидат исторических наук, доцент
esstetskevich@yandex.ru

Stetskevich Elena Sergeevna

North-West Institute of Management — branch
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Associate Professor of the Chair of History and World
Policy
PhD in History, Associate Professor
esstetskevich@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются особенности отражения коронационных торжеств российских императоров XVIII в. в произведениях изобразительного искусства. Анализируется вклад Академии наук в создание коронационных альбомов Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и коронационных рисунков других императоров.

ABSTRACT

The article deals with the different aspects of the reflection of the Russian coronation ceremonies of the XVIII century in fine arts. The author analyses the process of creation of coronation albums of empresses Anne and Elisabeth, other emperors, and the role of Academy of Science in the formation of albums and coronation drawings.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

российские императоры, XVIII в., коронации, коронационные альбомы, гравюры, рисунки, Академия наук

KEY WORDS

the Russian emperors, the XVIII century, the coronations, the coronation albums, the engravings, the drawings, the Academy of Sciences

Из восьми императоров, занимавших российский престол в XVIII в., коронованы были шестеро — Екатерина I как супруга Петра Великого, Петр II, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина II и Павел I. Церемонии их коронаций в той или иной степени отражены в произведениях изобразительного искусства — рисунках, гравюрах, живописных полотнах и специальных коронационных альбомах. Материалы, раскрывающие различные аспекты подготовки коронационных рисунков, пока еще мало введены в научный оборот, поэтому даже в

новейших публикациях встречаются неточности и ошибки. Прежде всего они обусловлены недостаточной информированностью о процессе создания в стенах Академии наук коронационных альбомов Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны и рисунков коронаций других монархов.

После коронации Екатерины I в России было издано первое описание состоявшейся церемонии — «Описание коронации Ее Величества Императрицы Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в Царствующем граде Москве 7 Майя 1724 году» (СПб., 1724 г.;

М., 1725 г.). Книга содержала только текстовое описание и не сопровождалась иллюстрациями. Тем не менее известны две гравюры, созданные по случаю данного события. Во-первых, это конклюдия И. Ф. Зубова (1677 — после 1744), выполненная по заказу ректора Славяно-греко-латинской академии Г. Вишневого и поднесенная императрице в день ее коронации в Грановитой палате. Гравюра создавалась до коронационных торжеств и, конечно, не могла отражать реалии состоявшейся в Успенском соборе церемонии, хотя ее главные участники — Петр I и Екатерина I — на гравюре представлены. Она служила напоминанием не только о самом акте коронации, но также о диспуте, состоявшемся в Славяно-греко-латинской академии по случаю коронации [15, стб. 760; 24, с. 102–103]. Вторая гравюра была создана А. Ф. Зубовым (1682 — после 1749) по заказу Святейшего Синода в 1725 г. и представляла собой изображение царицы в рост, в короне, с державой и скипетром в окружении 59 портретов предшествующих монархов от Рюрика до Петра I [Там же, стб. 753–754].

Еще меньшее отражение в графике получила коронация Петра II, состоявшаяся 25 февраля 1728 г. Единственная гравюра, косвенно связанная с коронацией, была выполнена И. Ф. Зубовым в Москве и преподнесена Петру II в день его тезоименитства библиотекарем В. Киприяновым 19 июня 1728 г., т.е. спустя 4 месяца после события. Над изображенным на гравюре поясным портретом императора, в мантии и орденой цепи, ангелы держат корону. Под портретом расположена подпись: по случаю «благополучнейшего Вашего Величества коронации в Москве сего 1728 года февраля 25 дня» [16, стб. 1753]. Однако попытки зафиксировать визуальными средствами вторую императорскую коронацию все же были предприняты.

Известная петербургская исследовательница русской графики XVIII в. М. А. Алексеева указала на существование рисунков, отражающих ключевые

моменты коронации Петра II: въезд императора в Москву, коронационную процессию в Кремле и церемонию коронации в Успенском соборе. Они были выполнены архитектором и художником польского происхождения Хр. Марселиусом (1656 — после 1730) [3, с. 233].

Деятельность Марселиуса в России в документальных источниках отражена крайне скудно. Он прибыл в Санкт-Петербург в 1724 г. и с 1725 г. работал в стенах Академии наук [9, с. 66, 95–96; 18, с. 33–34]. Своим современникам и потомкам Марселиус известен как создатель девяти перспективных видов Петербурга, на основе которых гравером О. Эллигером (1703 (?)—1735) были выполнены гравюры [14]. Очевидно, в 1728 г. Марселиус был командирован в Москву, во всяком случае документы и свидетельство историографа Академии наук Г. Ф. Миллера подтверждают, что он находился в этом городе в 1729–1730 гг. [9, с. 441; 13, с. 548, 636]. Вследствие того что рисунки Марселиуса выполнялись в Москве, в Академии наук они оказались недостаточно известны. Можно предположить, что впоследствии рисунки должны были быть награвированы и войти составной частью в описание коронации Петра II. Однако этим планам в силу непродолжительности правления императора не суждено было осуществиться — ни описания, ни гравюр, отражающих коронацию Петра II, издано не было.

Первый коронационный альбом, включавший в себя как полное описание коронационной церемонии, так и иллюстрации, в России смогли издать только в начале 1730-х гг., после воцарения Анны Иоанновны. Непосредственное участие в его создании приняли служащие Академии наук. «Описание коронации Ея Величества Императрицы и Самодержицы всероссийской, Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 году» было издано на двух языках. Русское издание датировано 1730 г., имеет 14 листов иллюстраций, местом издания указана Москва. Немецкое издание было отпечатано

в Петербурге в 1731 г. и имеет 15 листов иллюстраций [3, с. 235].

О своем участии в работе над коронационным альбомом Академия наук была оповещена в октябре 1730 г. В.Н. Татищевым, который получил устный указ от самой императрицы и в письме, адресованном в Академию, ссылаясь на соответствующее решение Сената [9, с. 642–644]. Во время коронации Татищев был обер-церемониймейстером, поэтому мог проконтролировать работу по созданию коронационного альбома. Предполагалось, что описание коронации Анны Иоанновны будет издано на трех языках — русском, французском и немецком — с целью раздачи послам и отправки к иностранным дворам [Там же, с. 659, 664]. Тираж издания на русском языке был весьма значительным — 1200 экз., в том числе 50 экз. предполагались для подношения самой императрице [Там же, с. 663; 10, с. 135]. Книгу печатали в Москве, но все гравюры должны были выполнить в Академии наук, отпечатать в Петербурге, часть здесь же иллюминировать (раскрасить акварельными красками. — *Е. С.*), затем переправить в Москву для переплетения [Там же, с. 645–646].

Небольшими порциями Татищев присылал рисунки в академию, комментируя их недочеты: процессия коронования «за поспешностью рисующего в лицах и телах весьма неискусна», лента ордена Андрея Первозванного нехорошо оттенена, «сосуд (для хранения мира. — *Е. С.*) в краткости отделать не успели» [Там же, с. 642, 647–648, 666]. В необходимых местах давались словесные описания, что следует сделать, вплоть до указания, где расположены бриллианты на кресте ордена Александра Невского и сколько в них карат [Там же, с. 643]. В Академию были доставлены портрет императрицы, рисунки коронационных регалий, основных сцен коронования, мест, где она происходила, фейерверка, иллюминации и пр. [Там же, с. 647–648, 659, 660–662, 666, 677–678]. Консилиум самых сильных работавших на тот момент в Академии мастеров — гравёров Х.А. Вортмана (1692–1760), Эллигера и художника

Г. Гзелля (1673–1740) — обсудил рисунки и единодушно признал, что они несовершенны и их надлежит заново сделать, «ежели от той работы честь иметь» [Там же, с. 642, 656].

Авторы рисунков, по которым выполнялись гравюры, определены только в нескольких случаях. Портрет императрицы был нарисован придворным живописцем Л. Каравакком (1684–1754) [Там же, с. 663]. Автора изображения коронационной процессии указала М.А. Алексеева, опубликовавшая сведения о существовании соответствующего рисунка Марселиуса. В процессе работы над гравюрой он был изменен Эллигером. Эллигер также стал автором рисунка и исполнителем гравюры с изображением фейерверка [3, с. 233–234].

Над гравированием работали Вортман, Эллигер и ученики Гравировальной палаты — И.А. Соколов (1717–1757), Г.А. Качалов (1711/1712–1759), Ф.А. Бернц (1709–1760), Ф.Е. Маттарнови (1714–1742), которые таким образом осваивали мастерство гравёра [17, стб. 59–60, 323–324, 432–433, 945; 1, с. 73–74]. Создание больших гравюр потребовало нескольких месяцев работы. Татищев постоянно торопил, предостерегал, «чтоб умедление не навело на академию гнева», ссылаясь на то, что императрица часто «изволит спрашивать» [9, с. 680, 682–683].

Иллюминировка пяти экземпляров для императорской семьи и некоторых гравюр к немецкому изданию была выполнена в Академии наук, остальные должны были иллюминировать в Москве [10, с. 135]. До сих пор сведений о конкретных исполнителях этих работ не обнаружено, но напомним, что ученики Гравировальной палаты и воспитанники художников Гзеллей прекрасно владели техникой акварели и вполне могли участвовать в иллюминировании гравюр [19, с. 49–50].

Переплетные работы были завершены в сентябре 1732 г., таким образом, на создание первого иллюстрированного коронационного альбома понадобилось полных 2 года. Фактически это была первая столь ответственная работа для двора, где Академия наук могла се-

бя проявить. Причем академии в лице И. Д. Шумахера приходилось проявлять чудеса изворотливости, поскольку денег на покупку бумаги и типографской краски Сенат не выделял. Шумахер покупал или доставал необходимое в долг, а счета затем отправлял в Сенат [9, с. 665, 680].

Спустя 10 лет после завершения работ над коронационным альбомом Анны Иоанновны в Академию наук в ноябре 1742 г. поступил не менее ответственный заказ на создание коронационного альбома императрицы Елизаветы Петровны. На этот раз все работы по созданию альбома выполнялись в одном месте — в Петербурге. Как и в первый раз, в академию были доставлены из Москвы рисунки, выполненные во время коронации в Москве «командой» архитектора И. Ф. Мичурина (1700–1763), и образец листа, определивший размер будущей книги¹. Весь процесс подготовки коронационного альбома курировал генерал-прокурор Сената Н. Ю. Трубецкой, бывший во время этой коронации верховным маршалом [21, с. 142].

Предполагалось, что 49 таблиц иллюстраций альбома отразят практически все моменты коронационных торжеств, включая въезд императрицы в Москву, а также дадут представление о коронационных императорских регалиях, количество которых на этот раз было увеличено — в их число вошли государственные знамя, меч и печать. Описание коронации планировали издать на четырех языках — русском, немецком, французском и латинском. К переводу описания и редактуре текста были привлечены академические профессора [20, с. 435].

Первыми приступили к работе академические граверы, поскольку изначально предполагалось, что все гравюры будут выполнены точно в тех же размерах и виде, в каком оригинальные рисунки были сделаны в Москве². Грави-

рование вновь продвигалось медленно. Во-первых, не все рисунки, присланные из Москвы, были выполнены достаточно хорошо, во-вторых, сама академия находилась на грани финансового краха, не получая финансирования.

В конце 1743 г. вновь был составлен совет из академических мастеров — художника И. Э. Гриммеля (1703–1758), архитектора И. Я. Шумахера (1701–1767) и профессора Я. Штелина (1709–1785). Они обсуждали, какие исправления необходимо внести в рисунки, вследствие чего многие из них были перекомпонованы и перерисованы. Каждое решение консилиума подлежало одобрению Трубецкого, настаивавшего на максимальной точности создаваемых иллюстраций [11, с. 986–987, 994–1001; 12, с. 36–42]. Гриммелю было поручено сделать новые композиции «вшествия» императрицы в Москву, шествий в Успенскую соборную церковь, в Грановитую палату, из Кремлевского дворца в Аннингофский зимний дом [18, с. 110]. Другие иллюстрации в коронационном альбоме были выполнены по рисункам И. Ф. Мичурина, И. Я. Шумахера, Б. Б. Растрелли, Л. Каравакка [6, с. 75; 8, с. 19].

Одновременно с доработкой рисунков в Академии наук создавали гравюры. В этих работах приняли участие мастера Гравировальной палаты И. Штенглин (1710/1715–1776), Х. А. Вортман; подмастерья И. А. Соколов и Г. А. Качалов; ученик И. Келлер (?–1750), а также гравер М. Нехорошевский [1, с. 78]. Иллюминировка гравюр проводилась в соответствии с «образцовым» коронационным альбомом, раскрашенные гравюры которого уже были представлены на суд Елизаветы Петровны. Этот альбом был передан в Академию наук осенью 1744 г.³ [20, с. 445]. В иллюминировании гравюр приняли участие архитектор Шумахер, художники Гриммель и И. В. Люрсениус (1704–1771), подмастерье Анд. А. Греков (1711–1791), гравер И. Штенглин (1710/1715 — после 1776) и др. [18, с. 111].

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. II. Оп. 1. Ед. хр. 230; Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 8.

² Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 8.

³ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 204–207.

Полностью — «в переплет» — книга была готова к январю 1745 г.¹ Тираж «Обстоятельного описания торжественных порядков... коронования... императрицы Елисавет Петровны... 25 апреля 1742 года» (СПб., 1744 г.) на русском языке с иллюстрациями составил 650 экземпляров, на немецком языке с иллюстрациями — 325 экз. Подготовка коронационной книги к изданию, учитывая перевод ее текста на иностранные языки, была оценена в колоссальную для XVIII в. сумму — 15 368 руб. [12, с. 754–756].

Коронация Екатерины II состоялась 22 сентября 1762 г. в том же порядке, в каком прошла предшествующая церемония Елизаветы Петровны. Даже верховным маршалом коронации по-прежнему был назначен Н. Ю. Трубецкой. В Москву для фиксации коронационных торжеств была отправлена группа художников под руководством подполковника А. И. Свечина (?–1796). Коронационные рисунки, выполненные «командой» Свечина, пока не обнаружены в архивах [4, с. 186]. Тем не менее коронация Екатерины II зафиксирована в рисунках французского мастера Ж. Л. де Велли (Девельи) (ок. 1730 — после 1780), работавшего в Академии художеств, основанной И. И. Шуваловым [7, с. 79]. По распоряжению императрицы де Велли присутствовал в Успенском соборе, находясь «в способном месте». После коронации сама Екатерина II составила контракт с художником, назначив ему высокое жалование и поручив составление коронационных рисунков [4, с. 187]. В помощь де Велли был придан признанный мастер видовых и архитектурных рисунков М. И. Махаев (1717–1770), служивший в Академии наук. Де Велли рисовал жанровые сцены и явился автором композиции рисунков. Махаев работал над изображениями интерьеров и видов зданий [6, с. 25].

Шестнадцать коронационных рисунков де Велли — Махаева ныне хранятся в Государственном Эрмитаже. Здесь важно отметить, что в этих рисунках отражены

те моменты церемонии коронации, которые не изображались в предшествующих коронационных альбомах. Это — чтение Символа веры в Успенском соборе, благодарственная молитва после коронации, миропомазание Екатерины II, ее причащение в алтаре Успенского собора, прием поздравлений после коронования, парадный обед в Грановитой палате [4, с. 191]. Следует особо подчеркнуть, что рисунки к более ранним коронационным альбомам создавались в России самостоятельно, без подражания каким-либо европейским образцам. Де Велли же в качестве образца использовал иллюстрации коронационного альбома Людовика XV, изданного в 1722 г. [5, с. 25].

Штелин свидетельствовал о том, что по рисункам де Велли должны были «вырезать гравюры для описания коронации... императрицы» [7, с. 79]. Однако рисунки долгие годы хранились в Зимнем дворце в покоях Екатерины II. В конце жизни она отдала распоряжение о создании гравюр на их основе, однако эти работы в XVIII в. не были полностью завершены. Описание коронации Екатерины II было издано лишь в XIX в., тогда же были сделаны отпечатки с гравюр XVIII в. и сделаны копии самих гравюр [15, стб. 863; 4, с. 193–195]. В современной историографии высказываются различные мнения о том, почему коронационный альбом Екатерины II не был издан в годы ее правления. По мнению Р. С. Уортмана, это случилось вследствие дороговизны возможного издания [21, с. 158]. М. А. Алексеева предположила, что причиной стало противоречие между архаичным текстом описания и абсолютно новыми по композиции рисунками [4, с. 239].

Нам представляется, что императрица имела более масштабный замысел — желание отразить свою коронацию не в графике, а в живописных полотнах. На коронации Екатерины II в Москве присутствовал итальянский художник С. Торелли (1712–1780) для создания портрета царицы в коронационном одеянии [2, с. 28]. На портрете, оконченном в 1765 г., императрица изображена в коронационном

¹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 350.

платье, в короне, с державой и скипетром [7, с. 87]. Ныне портрет хранится в Государственном Русском музее. В 1777 г. Торелли закончил полотно «Коронавание Екатерины II», основой для которого послужил рисунок де Велли «Чтение благодарственной молитвы после коронавания Екатерины II» [Там же, с. 89; 2, с. 31]. Эта картина сейчас находится в Государственной Третьяковской галерее.

Коронация Павла I, состоявшаяся 5 апреля 1797 г., также была отражена в живописном произведении, но официального описания и этих коронационных торжеств в XVIII в. напечатано не было. Полотно моравского художника М. Ф. Квадаля (1736–1808) «Коронация Павла I и Марии Федоровны» в настоящий момент хранится в Саратовском государственном художественном музее имени А. Н. Радищева. Предполагают, что Квадаль, имевший широкую известность в Европе, приехал в Россию в 1797 г. по приглашению Павла I специально для того, чтобы отразить момент коронации императора. Сюжетом для картины стала сцена коронавания Марии Федоровны Павлом I¹.

¹ Пашкова Л. В. Эти прошлые лица на отцветшем большом полотне... Малоизвестная картина М. Ф. Квадаля «Коронация Павла I

Подводя итоги, следует отметить, что в XVIII в. в России была заложена традиция создания коронационных альбомов, отражающих эту важную для императоров церемонию в текстовом описании и изображениях. Были опубликованы описания коронаций Екатерины I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Два последних описания сопровождалась гравированными иллюстрациями. Коронации Петра II, Екатерины II и Павла I зафиксированы в произведениях изобразительного искусства, но, к сожалению, коронационных альбомов этих монархов в XVIII в. издано не было. Академия наук, являвшаяся крупным художественным центром в первой половине XVIII в., принимала активное участие в подготовке коронационных альбомов. Во второй половине столетия коронационные торжества находят свое отражение не только в графических, но и в живописных произведениях.

и Марии Федоровны» // Материалы II Боголюбовских чтений: [Электронный ресурс]. URL: <http://ogis.sgu.ru/ogis/bogo/mat2/mat2-4.html> (дата обращения: 11.03.2013).

Литература

1. Алексеева М. А. Гравировальная палата Академии наук // Русское искусство XVIII века: Материалы и исследования. М., 1968.
2. Алексеева М. А. Жан Луи Девельи, его помощник Михайло Махаев и Стефано Торелли: «Коронация Екатерины II в Успенском соборе» // Страницы истории отечественного искусства. X–XX век. Вып. III. СПб.: ГРМ, 1997.
3. Алексеева М. А. Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII в., изданные и неизданные альбомы // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXVI. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.
4. Алексеева М. А. Михайло Махаев — мастер видового рисунка XVIII века. СПб.: Журнал «Нева», 2003.
5. Алексеева М. А. Художник Жан Луи Девельи (1730–1804) // Вопросы теории и истории русского искусства второй половины XVIII века. СПб., 1997.
6. Гравировальная палата Академии наук XVIII века: Сб. док-тов / Сост.: М. А. Алексеева, Ю. А. Виноградов, Ю. А. Пятницкий. Л.: Наука, 1985.
7. Записки Я. Штелины об изящных искусствах в России: В 2 т. / Сост., пер. с нем., вступ. ст., предисл. к разделам и примеч. К. В. Малиновского. М.: Искусство, 1990. Т. 1.
8. Маркова Н. Об истории создания коронационного альбома императрицы Елизаветы Петровны // Третьяковская галерея. 2011. № 1 (30). С. 5–21.
9. Материалы для истории императорской Академии наук: В 10 т. СПб., 1885–1900. Т. 1.
10. Материалы для истории императорской Академии наук: В 10 т. СПб., 1885–1900. Т. 2.

11. *Материалы для истории императорской Академии наук*: В 10 т. СПб., 1885–1900. Т. 5.
12. *Материалы для истории императорской Академии наук*: В 10 т. СПб., 1885–1900. Т. 7.
13. Миллер Г. Ф. Избранные труды / Сост., ст. и примеч. С. С. Илизарова. М.: Янус-К; Московские учебники и картолитография, 2006.
14. Михайлов А. Архитектор и художник Христофор Марселиус // *Искусство*. 1980. № 7. С. 62–67.
15. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов: В 4 т. СПб.: Типогр. Императорской академии наук, 1886–1888. Т. 2.
16. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов: В 4 т. СПб.: Типогр. Императорской академии наук, 1886–1888. Т. 3.
17. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб., 1895.
18. Стецкевич Е. С. Рисовальная палата Петербургской академии наук (1724–1766). СПб.: Наука, 2011.
19. Стецкевич Е. С. Художественные палаты Петербургской академии наук и создание рисунков-экспонатов Кунсткамеры // «Нарисованный музей» Петербургской академии наук. 1725–1760: В 2 т. СПб.: Европейский дом, 2003. Т. 1.
20. Тункина И. В. Уникальный памятник русской истории — Коронационный альбом императрицы Елизаветы Петровны // *Вестник истории, литературы, искусства*. Т. 1. М., 2005.
21. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002.

References

1. Alekseeva M. A. Engraving chamber of Academy of Sciences // *Russian art of the XVIII century: Materials and researches*. M., 1968.
2. Alekseeva M. A. Jean Louis Develii, his assistant Mikhaylo Makhayev and Stephano Torelli: "Catherine II crowning in Assumption Cathedral" // *Pages of history of domestic art. X–XX century*. Vol. III. SPb.: GRM, 1997.
3. Alekseeva M. A. Images of coronation and funeral ceremonies of the XVIII century. The published and unpublished albums // *Auxiliary historical disciplines*. Vol. XXVI. SPb.: Dmitry Bulanin, 1998.
4. Alekseeva M. A. Mikhaylo Makhayev — the master of specific drawing of the XVIII century. SPb.: Journal Neva, 2003.
5. Alekseeva M. A. Artist Jean Louis Develii (1730–1804) // *Questions of the theory and history of the Russian art of the second half of the XVIII century*. SPb., 1997.
6. *Engraving chamber of Academy of Sciences of the XVIII century*. Collection of documents / Originators: Alekseeva M. A., Vinogradov Yu. A., Pyatnitsky Yu. A. L.: Science, 1985.
7. Ya. Shtelin's notes about fine arts in Russia: In 2 vol. / *Drawing up, the translation from German, introductory article, prefaces to sections and notes* K. V. Malinovskiy. M.: Art, 1990. Vol. 1.
8. Markova N. On the stories of creation of a coronation album of the empress Elizabeth Petrovna // *Tretyakov gallery*. 2011. N 1 (30). P. 5–21.
9. *Materials for history of Imperial Academy of Sciences*: In 10 vol. SPb., 1885–1900. Vol. 1.
10. *Materials for history of Imperial Academy of Sciences*: In 10 vol. SPb., 1885–1900. Vol. 2.
11. *Materials for history of Imperial Academy of Sciences*: In 10 vol. SPb., 1885–1900. Vol. 5.
12. *Materials for history of Imperial Academy of Sciences*: In 10 vol. SPb., 1885–1900. Vol. 7.
13. Miller G. F. Chosen works / *Drawing up, article and S. S. Ilizarov's notes*. M.: Janus-to; Moscow textbooks and kartolitografiya, 2006.
14. Mikhaylov A. Arkchitektor and artist Hristofor Marselius // *Art*. 1980. N 7. P. 62–67.
15. Rovinskiy D. A. Detailed dictionary of the Russian engraved portraits: In 4 vol. SPb.: Printing house of Imperial Academy of Sciences, 1886–1888. Vol. 2.
16. Rovinskiy D. A. Detailed dictionary of the Russian engraved portraits: In 4 vol. SPb.: Printing house of Imperial Academy of Sciences, 1886–1888. Vol. 3.
17. Rovinskiy D. A. Detailed dictionary of the Russian engravers of the XVI–XIX centuries of SPb. 1895.
18. Stetskevich E. S. Art chambers of the Petersburg Academy of Sciences and creation of drawings of exhibits of Cabinet of curiosities // "The drawn museum" Petersburg Academy of Sciences. 1725–1760: In 2 vol. SPb.: The European house, 2003. Vol. 1.
19. Stetskevich E. S. Drawing chamber of the Petersburg Academy of Sciences (1724–1766). SPb.: Science, 2011.
20. Tunkina I. V. Unique monument of the Russian history — the Coronation album of the empress Elizabeth Petrovna // *The Messenger of history, literature, art*. Vol. 1. M., 2005.
21. Uortman R. S. Power scenarios. Myths and ceremonies of the Russian monarchy. Vol. 1: From Peter the Great to Nikolay's I death. M.: OGI, 2002.

В. А. Калиновский**V. A. Kalinovskiy**

Управление бизнес-процессами как особыми ресурсами организации

Business Processes Management as Special Resources of the Organization

Калиновский Вячеслав Анатольевич

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации (Москва)
Аспирант
slava.jet@mail.ru

Kalinovskiy Vyacheslav Anatolyevich

Financial University under the Government
of the Russian Federation (Moscow)
Graduate student
slava.jet@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью данной работы является анализ управления бизнес-процессами в организации. В ходе работы применяется концепция процессного управления организацией. В результате анализа управления бизнес-процессами организации выявлено, что использование процессного подхода целесообразно и актуально на всех стадиях развития компании начиная от малых организаций и заканчивая сетевыми структурами. При этом как построение новых бизнес-процессов, так и оптимизация существующих требует ряда специальных подходов, а также качественного анализа текущей ситуации в совокупности с учетом стратегических и тактических целей и задач организации.

ABSTRACT

The purpose of the work is the analysis of management of business processes in the organization. During work the concept of process management is applied by the organization. As a result of the analysis of management by business processes of the organization it is revealed that use of process approach expediently and actually at all stages of development of the company beginning from the small organizations and finishing network structures. Thus, both creation of new business processes, and optimization of the existing demands a number of special approaches, and also the qualitative analysis of the current situation in total taking into account strategic and tactical targets and organization tasks.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

управление эффективностью деятельности, бизнес-процессы, процессное управление организацией, BPM, CPM, EPM, Business Process Management, Business performance management

KEY WORDS

management of efficiency of activity, business processes, process management of the organization, BPM, CPM, EPM, Business Process Management, Business performance management

Управление эффективностью деятельности включает в себя планирование, организацию выполнения, контроль и анализ, которые позволяют компании определить стратегические цели и затем оценивать и управлять деятельностью по их достижению при оптимальном использовании

имеющихся ресурсов. Это система управления, построенная на принципах управления стоимостью бизнеса.

Управление эффективностью деятельности охватывает весь спектр задач в области стратегического, финансового, маркетингового и операционного управ-

ления организацией и включает в себя применение таких управленческих технологий, как моделирование стратегии, карты сбалансированных показателей, процессно-ориентированное планирование и функционально-стоимостной анализ, бюджетирование и бизнес-моделирование, консолидированная управленческая отчетность и анализ, мониторинг ключевых показателей деятельности, связанных со стратегией.

Управление эффективностью деятельности включает три основных вида деятельности: постановка целей, анализ значений показателей, характеризующих достижение организацией поставленных целей, управляющие воздействия менеджеров по результатам анализа, направленные на улучшение будущей деятельности организации по достижению поставленных целей¹.

Начиная с 1992 г. на управление эффективностью деятельности очень сильно повлияло развитие концепции сбалансированной системы показателей (balanced scorecard). Обычно менеджеры используют сбалансированную систему показателей для того, чтобы цели организации сделать понятными для сотрудников, чтобы определить, как отслеживать достижение целей, и чтобы внедрить механизм, сигнализирующий о необходимости внесения в деятельность организации корректирующих действий. Эти шаги те же, что мы можем видеть в концепции CPM, и, как результат, сбалансированная система показателей наиболее часто используется как фундамент системы управления эффективностью в организации [1].

Используя методы управления эффективностью, руководители стремятся донести стратегию до всех уровней организации, трансформировать стратегию в действия и метрики, измеряющие эти действия, и использовать анализ для

поиска причинно-следственных связей, которые, будучи осмысленными, помогают в принятии обоснованных решений.

В литературе можно встретить несколько англоязычных терминов, означающих одно и то же:

- CPM (Corporate Performance Management),
- BPM (Business Performance Management),
- EPM (Enterprise Performance Management)².

Впервые понятие BPM было предложено международной аналитической компанией IDC. Ее поддержала исследовательская фирма META Group. В свою очередь GartnerGroup предложила альтернативную аббревиатуру — CPM (Corporate Performance Management, управление эффективностью корпорации). Распространение получил также акроним EPM (Enterprise Performance Management, управление эффективностью предприятия)³.

Бизнес-процессы должны быть построены таким образом, чтобы создавать стоимость и ценность для потребителей и исключать любые необязательные или вовсе лишние активности. На выходе правильно построенных бизнес-процессов увеличиваются ценность для потребителя и рентабельность (меньшая себестоимость производства товара или услуги)⁴.

BPM — концепция процессного управления организацией, рассматривающая бизнес-процессы как особые ресурсы компании, непрерывно адаптируемые к постоянным изменениям,

² Новый подход к управлению бизнес-процессами, Howard Smith, Peteringar: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.management-magazine.ru/process/pr-ndecbproc-01.html> (дата обращения: 12.09.2013).

³ Гордеев М., Борисов А., Коршак Н. Оптимизация бизнес-процессов: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intalev.ru/index.php?id=8612> (дата обращения: 18.09.2013).

⁴ What is business process management (BPM) — Definition from Whatis.com: [Электронный ресурс]. URL: <http://searchcio.techtarget.com/definition/business-process-management> (дата обращения: 11.09.2013).

¹ Википедия. Управление эффективностью организации (Businessperformancemanagement): [Электронный ресурс]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Business_performance_management (дата обращения: 17.09.2013).

и полагающаяся на такие принципы, как:

- понятность и видимость бизнес-процессов в организации за счет их моделирования с использованием формальных нотаций, использования программного обеспечения моделирования, симуляции, мониторинга и анализа бизнес-процессов,
- возможность динамического перестроения моделей бизнес-процессов силами участников и средствами программных систем [5].

Основной задачей управления бизнес-процессами является адекватное и быстрое перестроение взаимосвязанных процессов в зависимости от изменяющихся параметров внешней и внутренней среды, будь то поставки, расчеты с контрагентами или расширение рынка.

Необходимость применения процессного управления организацией обуславливается тем, что в мире, где все постоянно меняется, конкурентоспособность организации в значительной мере определяется ее возможностью быстро и эффективно реагировать на происходящие перемены. Поэтому управление бизнес-процессами на основе данного подхода — один из ключевых принципов любой организации, стремящейся не просто выжить, а успешно осуществлять свою деятельность в долгосрочной перспективе [2].

Деятельность современной организации базируется на сложной системе взаимосвязей проектов и процессов. Тот или иной проект, реализуемый в организации, встраивается в структуру имеющихся бизнес-процессов и использует их для достижения конечных целей. В связи с этим важное значение приобретают упорядочивание и оптимизация существующих бизнес-процессов с учетом требований реализуемых проектов и влияний внешней и внутренней среды. Также важным фактором, влияющим на данный аспект, является этап развития организации. Выделим возможные цели и задачи, стоящие перед менеджментом на каждой стадии развития.

Этап 1. Становление организации и освоение рынка (количество сотрудников — 15–40 человек; до трех уровней менеджмента).

Основные задачи при организации управления:

- разработка четко сформулированной стратегии развития организации с указанием конкретных целей и мотивов развития;
- определение обязанностей и области ответственности как отдельных работников, так и отделов и рабочих групп;
- формирование алгоритма обучения и передачи навыков, знаний и умений новым сотрудникам на различных уровнях сложности выполняемой работы;
- анализ ситуации участия в дальнейшем развитии организации новых специалистов со стороны, которые обладают специфическими знаниями.

Основной целью на данном этапе развития организации является создание упорядоченной и формализованной системы управления, которая должна быть прозрачна, понятна и закреплена в нормативных документах. Четкое описание основных бизнес-процессов и стратегии организации позволяет сфокусировать внимание руководства на результатах деятельности организации. Рассматривая бизнес-процесс как совокупность действий для решения поставленной задачи, а деятельность организации как совокупность бизнес-процессов, можно будет повысить эффективность управления компанией, учитывая при этом цели, которые ставит перед собой руководство организации.

Этап 2. Рост компании (количество сотрудников более 50 человек, выделение функциональных подразделений).

В организациях, где работает более 50 человек, обычно формируется функционально-иерархическая система управления. Соответственно при росте компании эффективность управления снижается, что обусловлено спецификой принятия решений, которая для выработки лучших вариантов требует участия всех руководителей подразделений и в итоге даже для решения задач средней

Рис. 1. Этапы проектирования системы управления

важности предполагает вовлечение высшего руководства.

Основные задачи при организации управления:

- организация делегирования полномочий руководителя;
- сохранение пропорций между ростом численности персонала и ростом выручки;
- поиск резервов снижения себестоимости из-за повышения конкуренции;
- координация действий функциональных подразделений на среднем уровне менеджмента.

Зачастую решение данных задач зависит от того, насколько быстро организация сможет преобразовать существующую функциональную систему в систему управления, базирующуюся на процессном подходе. Данный подход весьма актуален в периоды внешней нестабильности, когда одним из важных и определяющих критериев эффективности системы управления становится скорость принятия решений [3].

Особенностью процессного подхода является то, что он учитывает результаты деятельности организации и эта информация используется в управлении бизнес-процессами, т.е. основной акцент направлен на достижение наибольшей эффективности работы организации. На основании того, что около 80–85% операций бизнес-процессов являются типично повторяющимися, для них составляется подробный регламент действий. Таким образом, процесс основной деятельности может быть настроен мак-

симально эффективно, при этом руководитель включается в процесс только при возникновении каких-либо нестандартных ситуаций или проблем [4].

Исходя из этого, можно говорить о систематизации деятельности компании, что проявляется в возникновении двух основных эффектов:

- 1) в связи с тем что структура управления опирается на структуру существующих в организации бизнес-процессов, уменьшается количество уровней управления и подчинения;
- 2) возрастает эффективность управления за счет увеличения норм управляемости (в среднем в 2–3 раза), так как управляющее воздействие в данном случае направлено на координацию персонала и включается в процесс только при каких-либо нарушениях и отклонениях от обычной деятельности.

Для организации системы управления, которая базируется на процессном подходе, следует пройти ряд этапов (рис. 1) [7].

Исходя из вышесказанного, представляется целесообразной следующая схема процессного управления (рис. 2).

Этап 3. Развитие сетевой структуры, открытие новых представительств, филиалов.

При принятии решений об открытии новых филиалов следует учитывать готовность главной компании к такому преобразованию. Анализ готовности производится по четырем уровням: управленческому, финансовому, маркетинговому и процессному.

Рис. 2. Схема процессного управления

Основные задачи при организации управления:

- разработка формализованной технологии открытия новых подразделений;
- организация контроля всех аспектов деятельности филиалов.

Основной акцент в решении этих задач состоит в том, что для построения сетевой структуры необходим переход к процессному управлению (если это не было сделано до этого), поскольку функционально-иерархический принцип не сможет организовать деятельность наиболее эффективным и наименее затратным способом.

Наиболее рациональное решение состоит в переносе уже формализованных бизнес-процессов, регламентация которых была произведена на втором этапе.

Это позволит решить большую часть организационных вопросов, а также эффективно организовать управление подразделениями благодаря высокой степени самостоятельности при принятии типовых решений по адаптации к существующей внешней среде.

При этом зачастую в комплексе используются три инструмента:

- модель управления подразделениями, основанная на процессном подходе и определяющая меру самостоятельности филиалов;
- адаптивная и отвечающая требованиям внешней среды оптимальная структура;
- разработанные в центре нормативные документы и инструкции, регулирующие работу подразделений сети [6].

Необходимо решить, как обеспечить высокий уровень стандартизации отдельных процессов и при этом оставить возможность филиалам гибко реагировать на различные изменения.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что использование процессного подхода целесообразно и актуально на всех стадиях развития ком-

пании начиная от малых организаций и заканчивая сетевыми структурами. При этом как построение новых бизнес-процессов, так и оптимизация существующих требует ряда специальных подходов, а также качественного анализа текущей ситуации в совокупности с учетом стратегических и тактических целей и задач организации.

Литература

1. Аксенов Е., Альтшулер И. Аутсорсинг: 10 заповедей и 21 инструмент. СПб.: Питер, 2009. 64 с. (Теория менеджмента).
2. Джестон Дж., Нелис Й. Управление бизнес-процессами: Практич. руководство по успешной реализации проектов. СПб.; М.: Символ-Плюс, 2008.
3. Клейнер Г. Б. От теории предприятия к теории стратегического управления // Российский журнал менеджмента. 2003. № 1. С. 31–56.
4. Лопатин В. А. Система управления бизнес-процессами // Управление в кредитной организации. 2008. № 6.
5. Ойнер О. К. Оценка результативности маркетинга с позиций системы управления бизнесом // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6, № 2. С. 27–46.
6. Рыбаков М. Как навести порядок в своем бизнесе. Как построить надежную систему из ненадежных элементов: Практикум. М.: ИКАР, 2011. 380 с.
7. Шаститко А. Е., Радченко Т. А. Структурные альтернативы оценки качества корпоративного управления // Российский журнал менеджмента. 2010. Т. 8, № 2. С. 3–20.

References

1. Aksenov E., Altshuler I. Outsourcing: 10 precepts and 21 tools. SPb.: Piter, 2009. 464 p. (Management Theory).
2. Jeston J., Nelis J. Management of business processes: Practical guidance on successful implementation of projects. SPb.; M.: Simvol-Plus, 2008.
3. Kleyner G. B. From the enterprise theory to the theory of strategic management // Russian journal of management. 2003. N 1. P. 31–56.
4. Lopatin V. A. Control system of business processes // Management in the Credit Organization. 2008. N 6.
5. Oyner O. K. Assessment of productivity of marketing from positions of a control system of business // Russian journal of management. 2008. Vol. 6, N 2. P. 27–46.
6. Rybakov M. How to bring an order in the business. How to construct reliable system of unreliable elements: Practical work. M.: IKAR publishing house, 2011. 380 p.
7. Shastitko A. E., Radchenko T. A. Structural alternatives of an assessment of quality of corporate governance // Russian journal of management. 2010. Vol. 8, N 2. P. 3–20.

С. А. Даниленко

S. A. Danilenko

Создание модели государственно-частного партнерства в развитии цифрового вещания Украины как необходимое условие информационной открытости органов государственной власти и местного самоуправления

**Creation of Model of State-private Partnership in Development
of a Digital Broadcasting of Ukraine as a Necessary Condition
of Information Openness of Public Authorities
and Local Government**

Даниленко Сергей Анатольевич

Одесский региональный институт государственного
управления Национальной академии
государственного управления при Президенте
Украины
Аспирант кафедры государственного управления
и местного самоуправления
dsa_1970@mail.ru

Danilenko Sergey Anatolyevich

Odessa Regional Institute of Public Administration
of the National Academy of Public Administration
attached to the Office of the President of Ukraine
Graduate student of the Chair of Public Administration
and Local Government
dsa_1970@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются возможности создания модели частно-государственного партнерства по предоставлению услуг цифрового вещания населению Украины как необходимое условие информационной открытости власти. Обосновывается необходимость конструктивного взаимодействия органов публичной власти и коммерческих структур в развитии телекоммуникаций.

ABSTRACT

The article discusses the possibility of creating a model of public-private partnership to provide digital broadcasting services to the population of Ukraine, as a necessary condition for government transparency. The need to apply the algorithm of functioning of constructive interaction of public authorities and private organizations in the development of telecommunications.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

модель частно-государственного партнерства, органы публичной власти, коммерческие структуры, цифровое вещание, алгоритм функционирования

KEY WORDS

model of public-private partnerships, public authorities, businesses, digital broadcasting, the algorithm performance

В условиях становления гражданского общества в Украине информационная открытость и доступность органов пу-

бличной власти являются неотъемлемой частью демократических реформ. Практическая реализация этих принципов

требует активного сотрудничества государства не только с гражданским, но и с частным сектором.

Сегодня в большинстве отраслей национальной экономики Украины происходят процессы структурных изменений и развития новых хозяйственных субъектов. При этом все больший вес в экономическом развитии начинают набирать организации, которые функционируют на основе частно-государственного партнерства. В целом, частно-государственное партнерство является системой сотрудничества, которое предполагает договоренность между государственными и коммерческими структурами о совместной реализации общественно важных проектов наиболее эффективным способом, при более низкой стоимости, нежели государство сможет их осуществлять самостоятельно¹.

Проблематика теоретического осмысления научных основ частно-государственного партнерства является широко востребованной среди ученых как в Украине, так и в Российской Федерации. Особое внимание данной предметной области в своих исследованиях уделили: В. Варнавский, А. Гальчинский, В. Геец, И. Запатрина, Г. Знаменский, В. Кабашкин, Ю. Кузнецова, О. Маслюковская, Н. Мушинская, К. Павлюк, А. Печенова, Н. Полякова, В. Пильтай, А. Фирсова и др.

По мнению В. Г. Варнавского, партнерство государства и частного сектора является институциональным и организационным альянсом между властью и бизнесом, который заключается в реализации общественно значимых проектов в широком спектре деятельности: от развития стратегически важных отраслей промышленности и научно-исследовательских работ до общественных услуг [2].

В свою очередь, А. М. Полякова считает, что в основе частно-государст-

венного партнерства лежит осознанная необходимость, как со стороны государства, так и бизнеса, в тесном и плодотворном сотрудничестве в общественно значимых сферах [5, с. 319].

В данном контексте также заслуживает внимания позиция К. В. Павлюка, который рассматривает государственно-частное партнерство как конструктивное сотрудничество государства, субъектов предпринимательской деятельности и гражданских институтов в экономической, политической, социальной, гуманитарной и других сферах общественной деятельности для реализации общественно значимых проектов на принципах приоритетности интересов государства [4, с. 48].

С нашей точки зрения, частно-государственное партнерство является юридически оформленной системой отношений между государственным партнером или органами местного самоуправления и частными партнерами, при реализации которых ресурсы обоих партнеров объединяются, с соответствующим распределением рисков, ответственности и вознаграждений между ними, для взаимовыгодного сотрудничества в реализации общественно важных проектов на долгосрочной основе. Основной отличительной чертой частно-государственного партнерства можно считать долгосрочное сотрудничество между общественным и частным сектором, когда частный сектор осуществляет проектное финансирование создания и модернизации инфраструктурных объектов, которые традиционно управлялись и находились в собственности государства.

Частно-государственное партнерство требует четкого распределения и правового закрепления обязательств и ответственности сторон. Обычно в мировой практике оно реализуется в различных формах в зависимости от способа участия, собственности объекта инфраструктуры, распределения рисков, продолжительности сотрудничества. Принятая во многих странах стратегия частно-государственного партнерства может осуществляться в разных формах: концессии, совместные предприятия, контрактная си-

¹Про державно-приватне партнерство. Закон України від 01.06. 2010 р. № 2404-VI: [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2404-17> (дата обращения: 28.04.2013).

Рис. 1. Предпосылки создания модели частно-государственного партнерства по внедрению цифрового вещания в Украине

стема, соглашения о разделе продукции и др.

Как свидетельствует опыт стран Центральной и Восточной Европы, механизм частно-государственного партнерства призван обеспечить активное сотрудничество государства с коммерческим сектором. В базе данных частно-государственного партнерства Всемирного банка содержится информация о 217 проектах, реализованных в странах Евросоюза. При этом 71 из них осуществляется в секторе телекоммуникаций, в частности развития цифрового вещания [8].

Международная практика создания модели частно-государственного партнерства в виде национального оператора цифрового телевидения предусматривает активное участие государства и коммерческих структур, которые имеют опыт в предоставлении коммуникационных и телевизионных услуг. В Украине создание инфраструктуры цифрового телевидения является проектом общенационального масштаба, который способствует открытости и прозрачности органов государственной власти и местного самоуправления. Для его реализации приглашаются инвесторы, которым предлагают привлекательные условия (рис. 1).

Им предоставляется право размещения использования частот на инфраструктуре, которая сегодня находится в государственной собственности. В свою очередь, бизнес должен организовать на этих частотах сервис платного цифрового телевидения и за свой счет создавать инфраструктуру, необходимую для бес-

платного распространения каналов из «социального пакета». Решение вопроса обеспечения социально незащищенных слоев населения преобразователями цифрового телевизионного сигнала предлагается за счет местных бюджетов.

Необходимо отметить, что реализация проекта цифрового вещания на государственном уровне должна учитывать фактор доступности высококачественных телевизионных услуг для всех граждан. Для этого в первую очередь необходим процесс технической модернизации телевидения в тех регионах страны, где существуют проблемы доступа телевизионного сигнала. Главная роль в его организации отводится органам государственной власти и местного самоуправления, в свою очередь, на телекоммуникационных операторов возлагается задача предоставления высококачественных сервисных услуг по обслуживанию абонентского оборудования [3, с. 185].

С целью внедрения цифрового вещания в Украине изначально планировалось полное бюджетное финансирование этого масштабного проекта за счет бюджетных средств, но, учитывая свои финансовые возможности, государство решило найти себе партнера — инвестора. Такое сотрудничество позволяет населению Украины получить телевидение принципиально нового качества. Для реализации проекта строительства сети цифрового телевидения в Украине необходимо решить проблемы: недостаточного количества земельных участков, отсутствия дополнительных частот для одновременного аналогового и циф-

Рис. 2. Алгоритм функционирования частно-государственного партнерства в развитии цифрового вещания

рового вещания, а также защиты радиочастот в приграничных районах. Необходим паритет между вещанием государственных и общественных телевизионных каналов, с одной стороны, и коммерческих — с другой. По европейским стандартам доля некоммерческого общественного телерадиовещания должна составлять 30–50% от общего количества телерадиоорганизаций.

На наш взгляд, конструктивного взаимодействия общества, государства и коммерческих структур при введении цифрового вещания в Украине возможно достичь при условии выполнения алгоритма функционирования частно-государственного партнерства (рис. 2).

Для полноценной реализации механизма частно-государственного партнерства

в развитии цифрового вещания в Украине необходимо создание трехсторонней комиссии из представителей органов государственной власти, бизнес-структур и общественных организаций гражданского общества. В основу ее работы должны быть положены следующие принципы: компетентности, которая обеспечивается обязательным представительством профильных и заинтересованных структур общества, государства и бизнеса; добровольного участия в деятельности комиссии представителей общественных некоммерческих организаций и объединений работодателей (коммерческих структур); полномочий представителей сторон; самостоятельности и независимости каждого из субъектов взаимодействия при определении персонального

состава своих представителей в составе комиссии.

Важное значение имеет также соблюдение основных принципов социального партнерства, среди которых: равенство сторон на переговорах, учет их интересов; доверие в отношениях; уважение прав и обязанностей партнеров; ответственность за принятые совместные обязательства; отчетность, гласность и доступность по всем принятым решениям.

На первом этапе представители власти, исходя из главной цели, конкретизируют ее, т. е. выделяют подцели по отдельным проблемным аспектам информационного развития. При этом целесообразно выявленные проблемы ранжировать с точки зрения срочности их разрешения. На втором этапе необходимо выявить и уточнить перечень всех структур малого, среднего и крупного бизнеса, которые осуществляют свою деятельность на указанной территории.

Предлагается распределить все коммерческие структуры на три группы. К первой группе можно отнести те фирмы, которые сами обращаются за помощью в соответствующие органы власти для становления своей деятельности. Во вторую группу могут войти структуры бизнеса, которые находятся на первом уровне развития частно-государственного партнерства, т. е. на стадии выполнения своих социальных обязательств. Третья группа может быть представлена самыми мощными и высокоразвитыми коммерческими структурами.

На этом же этапе необходимо провести оценку степени социальной ответственности всех привлекаемых для реализации социальных проектов субъектов взаимодействия, прежде всего, бизнес-структур и некоммерческих организаций. Целесообразно попытаться провести анализ использования в деятельности организаций ряда принципов социальной ответственности. Среди таких принципов следует выделить: подотчетность, прозрачность, этичность, уважение интересов заинтересованных сторон и соблюдение верховенства закона [6].

Важную роль в рассматриваемом алгоритме взаимодействия участников частно-государственного партнерства играет третий этап, на котором уточняются и конкретизируются методы взаимодействия двух субъектов между собой, а также те способы и те средства, которые могут быть использованы для воздействия на проблемные ситуации с разными сроками их разрешения.

Наиболее широко используемыми методами воздействия являются организации социальных проектов с проведением «круглых столов» или общественных публичных дискуссий по наиболее острым социальным проблемам. Для стимулирования коммерческих структур органы публичной власти должны использовать возможности предоставления налоговых льгот, социального заказа, введения единого налога на прибыль, а также предоставления региональных преференций (землеотвод, разрешение на застройку и т. д.) [7].

Инструментом согласования интересов бизнеса, власти и общества по развитию цифрового вещания (новых медиа) в регионах Украины могут быть совместные соглашения. Однако в их формировании и реализации следует усилить роль представителей общественных, некоммерческих организаций, представляющих интересы жителей конкретной территории. При заключении совместных соглашений следует обеспечить возможность их широкого обсуждения и общественной экспертизы, а на стадии реализации — прозрачность и целевое использование финансовых ресурсов, выделяемых коммерческими структурами и местными органами власти на реализацию тех или иных информационно-телекоммуникационных проектов.

При осуществлении согласованных действий по решению тех или иных проблемных ситуаций (четвертый этап) важным является уточнение финансовых и организационных возможностей коммерческих структур относительно их участия в конкретных проектах, по формам реализации частно-государственного партнерства (внутренняя, внешняя

и комбинированная). При этом необходима конкретизация механизмов органов государственной власти и местного самоуправления, которые они готовы использовать для стимулирования социально ответственного поведения частных фирм [1].

На пятом этапе предложенного нами алгоритма осуществляется контроль соответствия фактических результатов взаимосвязанных действий всех субъектов тем целевым установкам, которые были сформированы на начальном этапе. В случае отклонения фактических результатов от сформулированных на первом этапе целевых установок трехсторонняя комиссия, после анализа ситуации, осуществляет корректировку целевых установок или принимает решение об обращении в вышестоящие органы управления с просьбой о выделении необходимых финансовых ресурсов для их достижения.

В предложенном нами алгоритме частно-государственного партнерства процесс взаимодействия коммерческих структур, органов власти и представителей общества должен быть нацелен на достижение поставленной цели. Следовательно, для эффективного функционирования такого механизма необходимо обеспечить соблюдение ряда требований.

Прежде всего, необходимо, чтобы цели и задачи, стоящие перед социально-экономической системой в целом, формулировались с предельной точностью и детализацией и доводились до каждого ее составного элемента, в данном случае каждому из субъектов взаимодействия. Более того, целевые установки всех субъектов взаимодействия должны исходить из главной общесистемной цели, способствовать выработке у руководителей бизнес-структур, а также общественных, некоммерческих организаций чувства ответственности за до-

стижение тех целей, которые стоят перед системой в целом.

В связи с динамичностью развития новых медиа, а также общественно-политических и социально-экономических процессов, которые происходят в Украине и в мире в целом, важным требованием частно-государственного партнерства является необходимость систематического изучения и анализа ситуации в информационной сфере с целью обеспечения своевременности, адресности предоставления информационного продукта его потребителям.

На наш взгляд, создание модели частно-государственного партнерства по предоставлению услуг цифрового вещания населению Украины позволит комплексно и результативно переориентировать субъекты взаимодействия по решению текущих задач в информационной сфере. В конечном итоге привлечение региональных и муниципальных сообществ, а также общественных некоммерческих организаций в процесс модернизации стратегии социального развития соответствующего административно-территориального образования позволит реализовать стратегию социального партнерства, которая в свою очередь будет способствовать информационной открытости власти.

Безусловно, специфика социально-экономического развития регионов Украины будет влиять на содержание, структуру и функционирование данного механизма. Однако в любом случае его эффективное функционирование позволит усилить роль организаций гражданского общества в решении вопросов, связанных с доступом общественности к информации, а также повысить уровень социальной ответственности как бизнес-структур, так и органов публичной власти.

Литература

1. Бакуменко В.Д. Теоретичні та організаційні засади державного управління. К., 2003. 256 с.
2. Варнавський В.Г. Концептуальні економічні і правові основи концесійної діяльності. К., 2008. 576 с.

3. Кирпач Л. А., Срібна І. М., Строчак К. П. Телекомунікаційні мережі та їх оптимізація // Вісник Українського будинку економічних та науково-технічних знань. К., 2012. С. 83–86.
4. Павлюк К. В. Сутність і роль державно-приватного партнерства в соціально-економічному розвитку держави // Наукові праці КНТУ. Економічні науки. 2010. С. 47–52.
5. Полякова О. М. Державно-приватне партнерство в Україні: проблеми становлення // Комунальне господарство міста : наук.-техн. зб. Вик. 87. К., 2009. С. 317–322.
6. Уайт Едвард Р., Дзілець Б., Маслюківська О., Шевчук Ю. Публічно-приватне партнерство. К., 2009. 80 с.
7. Соснін О. В. Проблеми державного управління системою національних інформаційних ресурсів з наукового потенціалу України // Інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України. К., 2003. 572 с.
8. Bult-Spiering M., Dewulf G. Strategic Issues in Public-Private Partnerships: Fan International Perspective. London. Wiley. Blackwell, 2009. 280 p.

References

1. Bakumenko V. D. Theoretical and organizational bases of public administration. K., 2003. 256 p.
2. Varnavsky V. G. Conceptual economic and legal bases of concession activity. K., 2008. 576 p.
3. Kirpatch L. A., Serebryanaya I. M., Strochak K. P. Telecommunication networks and their optimization // Messenger of the Ukrainian House of economic and scientific and technical knowledge. K., 2012. P. 83–86.
4. Pavlyuk K. V. Essence and role of state-private partnership in social and economic development of the state // Scientific works of KNTU. Economic sciences. 2010. P. 47–52.
5. Polyakova O. M. State-private partnership in Ukraine: formation problems // Municipal services of the cities: scientific-technical collection. V. 87. K., 2009. P. 317–322.
6. Edward White G., Dzilets B., Maslyukovskaya O., Shevchyuk Yu. Public and private partnership. K., 2009. 80 p.
7. Sosnin A. V. Problems of public administration by system of a national information resource of scientific capacity of Ukraine // State and right institute of V. M. Koretsky NAS of Ukraine. K., 2003. 572 p.
8. Bult-Spiering M., Dewulf G. Strategic Issues in Public-Private Partnerships: Fan International Perspective. London. Wiley. Blackwell, 2009. 280 p.

С. Д. Вовченко

S. D. Vovchenko

Организационно-правовой механизм защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в Украине

The Organization-Law Mechanism to Protect of Population and Territories from Extraordinary Situations in Ukraine

Вовченко Сергей Дмитриевич

Одесский региональный институт государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины
Соискатель кафедры права и законодательного процесса
Начальник управления гражданской защиты Винницкой областной государственной администрации
a200371@mail.ru

Vovchenko Sergei Dmitrievich

The Odessa Regional Institute of Public Administration National Academy of Public Administration, the Office of the President of Ukraine
Candidate for a degree of the Chair of Law and Law-Making Process
Head of Civil Protection Regional State Administration of Vinnytsa
a200371@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье развиты положения о том, что в Украине организационно-правовой механизм государственного управления защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций представляется как сложное взаимодействие трех государственных подсистем. Определены теоретические и методологические проблемы организационно-правового обеспечения системы защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, указаны пути их решения.

ABSTRACT

Position is developed in the article, that in Ukraine state administration defence of population and territories from extraordinary situations in an organizational aspect appears as difficult co-operation of three state Subsystems. Certainly theoretical and methodological problems of the organizational and legal providing of the system of defence of population and territories. The ways of solutions to the problems of organizational and legal support for the system of protection of population and territories from Emergency Situations.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

чрезвычайная ситуация, защита населения и территорий, гражданская оборона, единая государственная система предотвращения и реагирования на чрезвычайные ситуации, единая государственная система гражданской защиты

KEY WORDS

an extraordinary situation, defense of population and territories, civil defensive, the unique state systems of prevention and reacting on emergencies, the unique state system of civil defense

Сегодня в Украине наблюдается крайнее несовершенство организационно-правового механизма государственного управления системой предотвращения и реагирования на чрезвычайные ситуации как в плане порядка и соотношения иерархий,

так и в плане субъект-объектных связей внутри самого механизма. Все это ведет к главному источнику проблематики его функционирования, а именно — к неэффективности и низкой результативности воздействий на систему в целом, а также

к ослаблению роли самой системы в среде прямого функционального влияния, делая ее неэффективной в сегменте позиции общегосударственного управленческого механизма. При этом теряется не только политическая, но и социальная эффективность системы, что особо опасно с диалектико-исторической точки зрения.

При явно декларативном убеждении о существовании единой консолидированной государственной системы (это убеждение содержится в законодательстве Украины) можно с уверенностью утверждать, что на практике фактически все сводится к одновременному функционированию в государстве трех подсистем противодействия чрезвычайным ситуациям. Это ведет к тому, что они значительным образом дублируют друг друга, что в свою очередь затрудняет (а иногда и делает невозможной) реализацию центральными и местными органами исполнительной власти выполнение возложенных на них задач.

Итак, основной характеристикой сущности функционирования организационно-правового механизма современной системы государственного управления гражданской защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций (ЧС) техногенного и природного характера в Украине есть сложное взаимозависимое сосуществование трех подсистем:

- гражданской обороны Украины (ГО);
- единой государственной системы органов исполнительной власти по вопросам предотвращения и реагирования на чрезвычайные ситуации техногенного и природного характера (ЕДС НС);
- единой государственной системы гражданской защиты (ЕДС ЦЗ).

Каждая из названных подсистем в свою очередь выступает как фактически самостоятельный организационно-правовой механизм государственного управления с присущей ему структурой институций и нормативной базы. Каждый из них представляет собой перечень совокупности субъектов (государственных органов, организаций, должностных лиц, различных

гражданских формирований), объединенных собственными целями и задачами по защите населения и территорий от последствий чрезвычайных ситуаций техногенного, природного, экономического, социально-политического и даже военного характера.

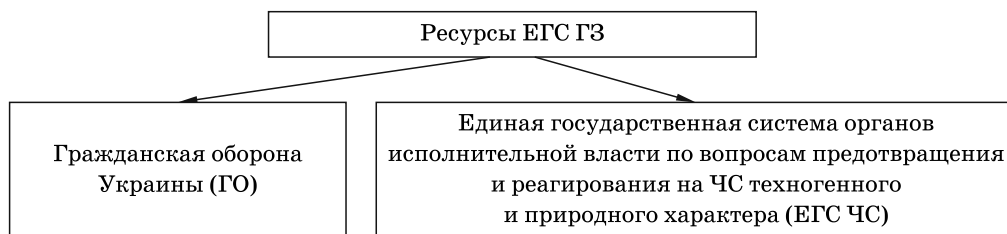
Кроме того, каждая из приведенных трех подсистем имеет собственные территориальные и функциональные подсистемы низшего порядка, при этом выступая частью иной, иерархически отдельной общей системы обеспечения национальной безопасности.

Именно поэтому проблемам разработки и внедрения в практику новых идей и подходов по повышению эффективности процесса функционирования организационно-правового механизма гражданской защиты в Украине следует уделить значительное внимание со стороны не только научных работников, но и представителей государственно-управленческой деятельности в этой сфере.

Анализ современных исследований и публикаций свидетельствует о довольно широком круге рассматриваемых вопросов, связанных с организацией государственного управления системой защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. В частности, это прослеживается в трудах украинских ученых и специалистов, таких как В. М. Антоненц, В. А. Доманский, Л. А. Жукова, Н. Г. Клименко, С. И. Осипенко, М. И. Стеблюк, А. С. Филипенко и др.

Исследуемым вопросам также уделяют внимание ряд российских ученых. Среди них можно назвать В. П. Акимову, А. Т. Алтунина, Э. Я. Богатырева, С. С. Васильева, Е. К. Гейкина, Л. В. Королюка, И. В. Курличенка, Ю. Д. Макиева, В. П. Малышева, В. Д. Новикова, Ю. П. Потапенка, В. А. Пучкова, А. Т. Смирнова и др.

Однако, несмотря на достаточно мощную научную базу, в Украине до настоящего времени пока не удалось создать отвечающую всем современным требованиям систему управления гражданской защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций; большинство ее управленческих механизмов до сих

Действующая структура распределения ресурсов в структуре государственных подсистем защиты населения и территорий

пор характеризуется низкой степенью эффективности воздействий и влияний.

При этом практика показывает, что этап перехода от полученной в наследство от времен „холодной войны“ системы гражданской обороны к системе гражданской защиты недопустимо затянулся во времени, так и не получив четкого научного и теоретико-методологического обоснования. По моему глубокому убеждению, существующие научные рекомендации и практические шаги не в полной мере учитывают современные тенденции в распределении компетенций и сфер ответственности в части сосуществования функциональных и территориальных подсистем единой государственной системы гражданской защиты. В значительной мере это следствие как противоречивости действующего законодательства, так и принятия инерционных управленческих решений на местах, основанных на нежелании менять привычную, но существенно устаревшую точку зрения как на общую роль фискальных и силовых структур, так и на саму систему гражданской защиты в частности.

Исходя из этого, следует констатировать, что главное направление совершенствования системы лежит на пути качественных изменений как организационного, так и правового механизмов. При этом в трудах наиболее маститых украинских ученых в отрасли науки государственного управления принято объединять рассматриваемые два типа механизмов, исследовать их как комплексное явление, носящее название «механизм организационно-правового регулирова-

ния» (или более упрощенно — организационно-правовой механизм), а базовые понятия правового и организационного механизмов понимать как его отдельные компоненты [3, с. 55–57].

Таким образом, цель статьи состоит в анализе проблематики функционирования организационно-правового механизма при условии сосуществования трех подсистем государственного управления в сфере гражданской защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, а также в развитии научных подходов к их нормативно-правовому регулированию.

В контексте изложенного ранее, структура государственных органов, организаций, штатов, персонала, расходуемых материальных и информационных ресурсов, выделяемых обществом на формирование и реализацию государственного управления системой защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, также представлена составом трех определенных национальным законодательством государственных подсистем, но господствующей в этом аспекте (главным распорядителем средств государственного и местных бюджетов) все-таки определена ЕГС ГЗ (рисунок).

Обращение к истории ее формирования свидетельствует, что в 60–70-е гг. XX века государственная система обеспечения защиты граждан в условиях возможной ядерной войны, которая воплощалась в механизмах гражданской обороны, достигла апогея своего развития. Но с конца XX века, после исчезновения геополитической проблематики «двухполюсного мира», динамичное развитие рыночной экономики и связанное

с ним внедрение в производство новых опасных технологий привели к значительному росту рисков возникновения масштабных чрезвычайных ситуаций техногенного характера. Это и привело к созданию объективных предпосылок для трансформации механизмов гражданской обороны в механизмы управления системы защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

В свою очередь, украинская единая государственная система органов исполнительной власти по вопросам предотвращения и реагирования на чрезвычайные ситуации техногенного и природного характера ЕДС ЧС создавалась с целью обеспечения реализации государственной политики в этой сфере. Следует признать, что на протяжении многих прошедших лет она показывала способность адекватно влиять на соответствующие угрозы техногенного и природного характера, также она достаточно эффективно действовала в экстремальных условиях, в частности в условиях масштабных чрезвычайных ситуаций. Так, в результате катастрофических наводнений в 2008 году, когда территория нескольких областей Украины была объявлена зоной чрезвычайной экологической ситуации, образовалась специальная Правительственная комиссия, а функционирование ЕГС ЧС было переведено в режим чрезвычайной ситуации¹. На деле наблюдалась действительно оперативная мобилизация необходимых человеческих, материальных и финансовых ресурсов. В максимально сжатые сроки был принят комплекс мероприятий по восстановлению жилья, возобновлению работы объектов жизнеобеспечения, инфраструктуры автодорог, мостов, дренажных сооружений и т. п.

¹Об оглашении отдельных районов и городов Винницкой, Кировоградской, Николаевской, Одесской, Хмельницкой и Черкасской областей зоной чрезвычайной экологической ситуации. Указ Президента Украины от 11.12.2000 г. № 1324/2000: [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon.rada.gov.ua>.

В ноябре 2000 года, с возникновением чрезвычайной ситуации вследствие обледенения, территории шести пострадавших областей Украины были объявлены зонами чрезвычайной экологической ситуации, и работа ЕДС НС была переведена в соответствующий режим. Тогда Правительственной комиссией также была обеспечена эффективная координация действий органов исполнительной власти, местного самоуправления, предприятий и организаций. Например, только в Винницкой области, где без энергоснабжения остались 97% населенных пунктов, в течение первых 36 часов после объявления ЧС были восстановлены более 85 тыс. опор линий электропередач различных категорий напряжения (т. е. практически 80% физического объема объектов) [1, с. 2]. Тогда с целью оперативной организации и ведения восстановительных работ, а также для их всестороннего обеспечения был создан и развернут штаб по ликвидации последствий стихийного бедствия во главе с председателем областной государственной администрации. Его решением был введен «План действий органов управления и сил гражданской обороны по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций». Он реализовался во всех районах и городах области, там тоже образовались аналогичные штабы. Благодаря именно такому процессу, в Винницкой области удалось за две недели полностью восстановить работу объектов жизнеобеспечения, а через 22 дня после того, как прекратились разрушительные проявления стихии, подать питание почти 70% обесточенных населенных пунктов [2, с. 37].

В то же время можно привести примеры ситуаций, когда попытки осуществить слаженную систему мероприятий гражданской защиты не получили логического завершения. Более того, организационные прорехи отрицательно повлияли на результативность применения объединенного ресурса органов управления и сил гражданской защиты, а работа по управлению, особенно на региональном уровне, усложнилась, став

причиной снижения эффективности функционирования системы в целом.

Так, в ходе ликвидации последствий подтопления населенных пунктов в той же Винницкой области в июле 2008 года в сроки, установленные Указом Президента Украины, в области был полностью решен вопрос по обеспечению жильем жителей разрушенных домов; сами жилые дома, разрушения которых были отнесены ко 2-й и 3-й категориям, восстановлены; своевременно заработали учреждения образования, здравоохранения, культуры [2, с. 38]. Да, на первый взгляд система сработала четко. Но значительным недостатком и тормозящим фактором тогда была неоправданно жесткая централизация процесса ликвидации, наблюдалась высокая степень давления на территориальные органы управления со стороны центральных органов государственной исполнительной власти, что усложняло выполнение задачи и отвлекало значительную часть ограниченного временного ресурса на «нецелевые» работы. Так, областной государственной администрацией оперативная информация предоставлялась ежедневно на 21 адресата по 16 различным формам. На этом фоне реальные потребности работы по ликвидации ЧС были мало заметными, ведь областные чиновники были вынуждены работать непосредственно с Секретариатом Президента Украины, Секретариатом национальной безопасности и обороны Украины, Кабинетом министров Украины и т. д., и т. п. — естественно, что бюрократические процессы поглотили тогда реальную живую работу.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в ходе реагирования на вспышку эпидемии гриппа осенью 2009 года, на снежные заносы зимой 2010, 2012, 2013 годов и на весенние наводнения 2010 года. Так, во время сильных зимних снегопадов и гололеда 2010 и 2012–2013 годов на автомобильных дорогах государственного и местного значения Украины сложилась критическая ситуация. В пострадавших областях в режим чрезвычайной ситуации были немедленно переведены все территориальные подсистемы ЕГС ЦЗ.

Благодаря принятым мерам, ситуацию с большим трудом удалось держать под контролем. Но тогда стало особенно очевидным, что техническая база аварийно-спасательных служб, основной состав которой формировался еще в конце 80-х годов XX века, безнадежно устарела и не имеет достаточного количества сил и средств для ликвидации таких масштабных ЧС. Таким образом, центральная система стала особенно нуждаться в привлечении соответствующих ресурсов территориальных подсистем.

Итак, ретроспективный анализ функционирования государственной системы защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций свидетельствует, что в современных условиях эффективный управленческий механизм решения задач по предупреждению и реагированию на чрезвычайные ситуации техногенного и природного характера более эффективно строится путем его построения по трехуровневому пространственному принципу (центр плюс регионы плюс их территории), или по так называемому принципу единства. И, несмотря на масштабы ЧС и значительные их последствия, обстановка во всех описанных случаях была управляемой, органы государственной власти действовали оперативно. Ведь для преодоления последствий ЧС были задействованы все резервы материально-технических и финансовых ресурсов вертикали, от государственных администраций и органов местного самоуправления до ведомственных подразделений центрального подчинения.

Далее следует высказать предварительный тезис о том, что на данном этапе развития функций организационно-правового механизма системы защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера весьма актуальным становится вопрос преодоления разногласий в организационных и нормативно-правовых актах, регламентирующих государственное управление в этой сфере. Ведь сегодня ее регулируют около двадцати законов Украины, и это не считая множества подзаконных актов. Противоре-

чия и разногласия, существующие в правовом компоненте данного механизма, не позволяя однозначно и конкретно рассматривать отдельные нормы. Это также приводит к снижению эффективности выполнения задач по защите населения и территорий от их последствий. Осознание данного факта находит свое отражение в стремлении каким-то образом изменить ситуацию со стороны, в первую очередь, ведомственных структурных подразделений. Но пока эти попытки, к сожалению, безрезультатны.

Наиболее удачным шагом в данном вопросе является принятие 24 марта 1999 года дополнений в Закон Украины «О гражданской обороне», которым в свое время в целом достаточно полно определялись направления государственной политики в сфере обеспечения безопасности населения Украины¹. Этот законодательный акт открыл путь к совершенствованию устаревшей нормативной базы по регулированию общественных отношений в этой конкретной сфере общественной деятельности, и, таким образом, им заложены принципы отработки унифицированного подхода к правовому обеспечению отдельных элементов как превентивной безопасности, так и защиты в целом².

Еще один шаг в этом направлении был сделан с принятием 8 июня 2000 года Закона Украины «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера»³. Но при этом неизменными оставались как подход к построению подсистемы, так и она сама. Были внесены лишь не-

значительные корректировки по содержанию отдельных положений, а также введены дополнительные статьи касательно информирования и оповещения, наблюдения, укрытия в защитных сооружениях и эвакуационных мероприятий. Несколько расширилось видение функционирования ЕГС ЧС, ее сил, средств и полномочий должностных лиц в определенной сфере. Вместе с тем, данным законом не предусматривалось руководство и привлечение войск гражданской обороны в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций, более того, они не были даже включены в состав сил и средств защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Таким образом, можно сделать вывод, что с принятием данного нормативного акта в самом рассматриваемом нами механизме кардинальных изменений не произошло. Более того, существовавшая многие годы неразбериха в теоретико-методологических основах его функционирования усилилась. Так, до сих пор в большинстве документов организационного характера наряду с термином «гражданская защита» в скобках ставится ремарка «гражданская оборона», или наоборот. И этому есть причина — в Украине сегодня одновременно существуют три закона — «О Гражданской обороне Украины», «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера» и «О правовых основах гражданской защиты», каждый из которых вмещает свои терминологию и понятийный аппарат⁴.

В качестве выводов также обозначу

¹ *О Гражданской обороне Украины*. Закон Украины от 3.02.1993 г. № 2974-XII: С изменениями от 24.03.1999 г. № 555-XIV. Відомості Верховної Ради України (ВВР). 1999. № 19. Ст. 171: [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon.rada.gov.ua> — с титула экрана.

² *О правовых основах гражданской защиты*. Закон Украины от 24.06.2004 г. № 1859-IV: [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon.rada.gov.ua> — с титула экрана.

³ *О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера*. Закон Украины от 8.06.2000 г. № 1809-III: [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon.rada.gov.ua>.

⁴ *О правовых основах гражданской защиты*. Закон Украины от 24.06.2004 г. № 1859-IV: [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon.rada.gov.ua> — с титула экрана; *О Гражданской обороне Украины*. Закон Украины от 3.02.1993 г. № 2974-XII: С изменениями от 24.03.1999 г. № 555-XIV. Відомості Верховної Ради України (ВВР). 1999. № 19. Ст. 171: [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon.rada.gov.ua> — с титула экрана; *О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера*. Закон Украины от 8.06.2000 г. № 1809-III: [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon.rada.gov.ua>.

следующие моменты. В Украине организационно-правовой механизм государственного управления системой защиты населения и территорий от ЧС в его организационном компоненте представляется как сложное дублирующее взаимодействие трех государственных систем — гражданской обороны, единой государственной системы предотвращения и реагирования на чрезвычайные ситуации техногенного и природного характера и единой государственной системы гражданской защиты.

Это является основным источником несовершенства, несогласованности и противоречивости правового компонента данного механизма, который с процедурной точки зрения требует оптимизации в первую очередь. Дублирование содержания законов Украины «О Гражданской обороне Украины», «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера», «О правовых основах гражданской защиты» привело к различному толкованию каждого из них. Имеет также место разбалансированность в развитии понятий превентивной безопасности и гражданской защиты различных отраслей эконо-

мики, а наибольшей группой характеристик действующих законов и подзаконных актов в этой сфере является то, что каждый из них в значительной степени изменяет или дополняет отдельные положения двух других.

В основе поиска путей преодоления проблематики организационно-правового механизма лежит, прежде всего, необходимость унификации концептуальных основ с введением межотраслевого законодательного акта, который регулирует отношения, связанные с защитой населения, территорий и имущества от чрезвычайных ситуаций. Он должен четко описывать процесс и порядок реагирования, признавать и регламентировать деятельность единой государственной системы, а также определять полномочия органов государственной власти, местного самоуправления и местных государственных администраций. Его ключевые нормы должны базироваться на положениях о правах и обязанностях граждан Украины, предприятий, учреждений и организаций в сфере защиты и ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера.

Литература

1. *Березнева* повінь: причини, наслідки, відбудова // Новини Закарпаття. 2001. № 41. С. 1–2.
2. *Вовченко С.Д.* Дії органів управління та сил цивільного захисту Вінниччини під час ліквідації наслідків стихійного лиха, що сталося 23–27 липня 2008 року // Надзвичайна ситуація: журнал. 2008. № 12. С. 36–39.
3. *Державне управління: основи теорії, історія і практика*: Навч. пос. / В.Д. Бакуменко, П.І. Надолішній, М.М. Іжа, Г.І. Арабажи / За заг. ред. П.І. Надолішнього, В.Д. Бакуменко. Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2009. 394 с.

References

1. *March flood: reasons, consequences, renewal* // News of Zakarpatye. 2001. N 41. P. 1–2.
2. *Vovchenko S. D.* Actions of organs of management and forces of civil defense of Vinnytsia Region during liquidation of consequences of natural calamity, that happened on July, 23–27, 2008 // Emergency: journal. 2008. N 12. P. 36–39.
3. *Public administration: theory bases, history and practice: Tutorial* / V.D. Bakumenko, P.I. Nadolishny, M.M. Izha, G.I. Arabazhi / Under a general edition P.I. Nadolishny, V.D. Bakumenko. Odesa: ORIGU NAGU, 2009. 394 p.

В. И. Шандрик**V. I. Shandrik**

Европейская практика функционирования механизмов публично-частного партнерства

The European Practice of Mechanisms Public-private Partnership

Шандрик Вячеслав Иванович

Одесский региональный институт
государственного управления
Национальной академии
государственного управления
при Президенте Украины
Соискатель кафедры европейской интеграции
dfcz547@mail.ru

Shandrik Vyacheslav Ivanovich

The Odessa Regional Institute of Public Administration
National Academy
of Public Administration, the Office of the President
of Ukraine
Candidate for a degree of the Chair of European
Integration
dfcz547@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена разработке и обоснованию организационных положений и практических рекомендаций по развитию механизмов государственно-частного партнерства на государственном и местном уровнях. Исследование базируется на изучении соответствующего опыта стран — членов Европейского союза. Изложены теоретические основы, дано определение понятию публично-частное партнерство. Проанализированы европейская нормативно-правовая база регулирования механизмов публично-частного партнерства, определены основные признаки и принципы его создания. Исследованы возможности и направления использования европейского опыта внедрения концепции публично-частного партнерства. Определены модели механизмов публично-частного партнерства, преимущества и риски каждого из них.

ABSTRACT

Position is developed in the article defense to the development and justification of scientific and institutional arrangements and practices for the development of Mechanisms Public-private Partnerships at the on State and Local levels. The article is based on the study of experience of countries of the European Union. Studied the theoretical basis and provides a definition of the concept of public-private partnerships at the State and Local levels. Analyzed the European legal and regulatory framework to ensure Public-private Partnership, the basic features and principles of its creation. Possibilities and use of foreign experience implementation at the State and Local levels, the concept of Public-private Partnership. The basic European form of the creation of Public-private Partnerships, their benefits and risks.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственно-частное партнерство, публично-частное партнерство, органы власти, публичный и частный секторы, государственный уровень, местный уровень

KEY WORDS

the Mechanisms Public-private Partnership, the Mechanisms of Government, local authorities, public and private sectors, the State level, the Local level.

Современные задачи, стоящие перед Украиной в сфере повышения эффективности использования объектов коммунальной сферы и местной инфраструк-

туры, заключаются в изменении к лучшему качества услуг, предоставляемых населению. Решение этих задач связано, в первую очередь, с организацией стро-

ительства и результативной эксплуатацией инфраструктурных объектов, осуществляемых через привлечение необходимых для этого средств и ресурсов. В свою очередь, этот процесс подразумевает существование управленческих механизмов, действие которых направлено на выполнение органами местной власти обязательств социально-экономического характера.

Современные мировые тенденции создания и эксплуатации объектов местной инфраструктуры говорят о все более возрастающей роли специфического механизма, подразумевающего экономическое партнерство государства и частного бизнеса. А сам механизм государственно-частного партнерства выступает как эффективный и перспективный инструмент экономического и социального развития на государственном, региональном и местном уровне. В этом аспекте он также является средством привлечения ресурсов в проекты, где государственные и местные органы власти пытаются сохранить контроль и наладить сотрудничество с инвесторами.

Известно, что во время такого партнерства между органами власти и частными субъектами хозяйствования достигаются лучшие по сравнению с иными, более традиционными, формами сотрудничества технико-экономические показатели¹.

Учитывая нынешний процесс интенсификации процессов формирования эффективной системы государственного управления в Украине, проведение исследования различных форм партнерского сотрудничества органов местной власти, как представителей государства на уровне регионов и их отдельных территорий, сегодня составляет значительный научный интерес. Проблемам становления

и развития института партнерства, анализа теории и практики отношений государственного и частного секторов посвящены исследования современных украинских ученых и практиков: В. Бакуменка, А. Берданова, В. Вакуленка, А. Васильевой, Ю. Вдовенка, П. Амана, С. Грищенко, И. Драгана, И. Запатриной, Н. Ильченко, Ю. Лебединского, М. Лендьел, П. Надолышного, К. Павлюк, Н. Пироженко, А. Поляковой, В. Удовиченко, Л. Федуловой, Ю. Шарова и т. п.

Исследованию теоретических основ партнерства, особенностей практической реализации инфраструктурных проектов посвящены ряд трудов представителей мирового научного сообщества. Важный вклад в решение этих вопросов внесли зарубежные, в том числе и российские, ученые: В. Агроскин, М. Афанасьев, С. Глазьев, В. Варнавский, М. Вилисов, Г. Горланова, М. Джеррард, Л. Ефимов, Е. Кабашкин, В. Кнаус, В. Манжиков, К. Макконел, В. Михеев, В. Мочальников, М. Нойманн, Д. Розенков, Е. Коровин, Л. О'Тула, В. Ребок, В. Якунин и др.

Следует сказать, что основное внимание авторов в этом массиве научной литературы уделяется исследованию институциональных аспектов отношений между государством и частным сектором, развитию новых форм партнерства с привлечением третьей стороны — общественности, оценке риска и эффективности реализации соответствующих проектов, условиям сохранения ответственности за качество предоставляемых органами власти услуг, а также эффективности использования коммунального имущества в соответствии с интересами местных территориальных общин.

Однако прямое, неадаптированное к социально-экономическим реалиям применение научных разработок, безответственное использование зарубежного опыта партнерства власти и бизнеса недопустимы в условиях сегодняшней украинской действительности. Решение вопросов общественного развития, функционирования социальной и гуманитарной

¹ Шандрик В. И. Государственно-частное партнерство как форма предоставления общественных услуг со стороны государства // Актуальні проблеми державного управління : сб. научн. трудов. Одесса: ОРІДУ НАДУ: [Електронний ресурс]. URL: http://www.nbu.gov.ua/e-journals/tppd/2011_8/zmist/R_2/19Shandruk.pdf. — с титула екрана.

сфер требует значительных методологических уточнений, согласований и адаптаций. Нельзя забывать также о необходимости учета действующей в Украине нормативно-правовой базы, нормы которой во многом не совпадают с одноименными положениями законодательства зарубежных стран, в том числе и Европы.

Поэтому применительно к Украине следует констатировать, что исследования механизмов государственно-частного партнерства нуждаются в значительной научной доработке и находятся лишь на начальном этапе своего развития. Хотелось бы начать с того, что в России для обозначения партнерства государства и бизнеса, действительно, наиболее часто применяется термин «государственно-частное партнерство». В Украине же сегодня более применима аббревиатура ПЧП (публично-частное партнерство), которая является прямым переводом с английского *Public-private Partnership*. В общей смысловой транскрипции это институциональный и организационный альянс органов исполнительной власти и местного самоуправления с частными компаниями, цель которого состоит в реализации общественно значимых проектов и программ широкого спектра в инфраструктуре коммунальной сферы, направленных на повышение качества услуг.

Что касается сегодняшней ситуации Европейского союза, то потребность привлечения в его экономику значительных инвестиций для повышения ее конкурентоспособности на мировом рынке, в частности капиталовложений в развитие различных инфраструктурных объектов, — очевидны. Все это происходит на фоне зарождающегося недовольства гражданского европейского общества уровнем публичных услуг, предоставляемых населению органами власти¹. Возросшая потребность повышения их качества и эффективности привели к пониманию необходимости привлечения значительно большего объема ресурсов частного сек-

тора с целью совместного финансирования и управления инфраструктурными проектами.

Что касается причин, которые заставляют власти европейских стран обращаться к механизмам партнерства, то они довольно разные. В частности, ими могут быть: бюджетные ограничения, введенные сегодня в большинстве стран еврозоны (Греция, Португалия, Испания и др.); внедрение управленческих подходов «Нового публичного менеджмента» (Великобритания, Ирландия); потребность абсорбировать финансовую помощь Евросоюза в государствах Центральной Европы (Германия, Франция, Италия).

Действующее европейское законодательство прямо не регулирует возможности создания механизмов непосредственно государственно-частного партнерства. Однако общие принципы, установленные «Соглашением о европейском сообществе», в частности, его положения о свободе создания юридических лиц и предоставления ими услуг, а также нормативно-правовые акты о публичных тендерах и концессиях косвенно указывают на существование правовых основ для формирования *Public-private Partnership*². Так, соглашение определяет, что «все контракты, включая партнерские контракты между государственной организацией и частной компанией, должны соответствовать принципам прозрачности, беспристрастности, пропорциональности и взаимного признания»³. На практике это означает, что создание партнерств не должно отрицательно влиять на функционирование свободного рынка услуг, а также должно быть основано на принципах честного отбора частного партнера государством или органом местного самоуправления.

Эти нормативные положения о публично-частных партнерствах были обобщены в Зеленой книге, также ссылки на пар-

¹ Официальный сайт Европейского союза: [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/index_bg.htm — с титула экрана.

² Официальный портал Европейской комиссии: [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/> — с титула экрана.

³ Там же; Официальный сайт Европейского союза: [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/index_bg.htm — с титула экрана.

тнерство имеются в *GreenPaper on Public — Private Partnerships* и *Community Law on Public Contracts and Concessions*, оглашенных Европейской комиссией весной 2004 г.¹. Причиной повышенного внимания в среде институтов Европейского союза к механизму публично-частного партнерства стали также возросшая в конце XX века потребность в поиске новых моделей внедрения Европейской инициативы роста (*European Initiative for Growth*) и поиск ресурсов для сооружения, содержания, управления системой трансевропейских транспортных сетей (*TEN*). Соответственно, в Зеленой книге Европейского союза определено два типа ПЧП:

- партнерство, которое имеет исключительно договорной характер и согласно которому лицу частной формы собственности за выполненную работу или предоставленные услуги гарантированно причитается вознаграждение со стороны публичной организации или со стороны непосредственных пользователей. Поэтому данный вид партнерства кроме всего регулируется директивами Евросоюза о проведении публичных тендеров;
- партнерство институционального характера, в пределах которого возможно формирование нового юридического лица, соучредителями которого выступают две стороны — публичный и частный партнер. Также предусматривается изменение статуса существовавшего ранее юридического лица, основанного публичной организацией, с учетом в новом статусе факта соучредительства частной организацией².

В 2004 г. европейским законодательством о публичных тендерах введена новая процедура соревновательного диалога (*Competitive Dialogue*)³. Она стала

основой изменений нормативной базы с целью дальнейшего использования концепции ПЧП в масштабных и сложных проектах, для выполнения которых на орган власти государством возложен поиск исполнителя. Он должен предложить оптимальное решение проекта не только с точки зрения экономической оценки, но и с точек зрения технической и социальной результативности. В рамках такой тендерной процедуры с целью поиска решений, которые отвечают потребностям публичного сектора, органам власти предоставляется право осуществить обсуждение представленных проектов с компаниями-соискателями.

Кроме прочего, механизм ПЧП может реализоваться в рамках европейского законодательства о концессиях. Согласно нормативно-правовой базе Евросоюза, любой заключенный в письменной форме контракт между государственным органом власти и исполнителем, целью которого является реализация определенных работ или оказание определенных услуг, считается «контрактом на проведение публичных работ или предоставление публичных услуг». Концессии же, по своей сути, отличаются от публичных контрактов, подписанных в результате тендерной процедуры, тем, что предусматривают полную или частичную компенсацию уровня прибыльности исполнителя проекта. Такая компенсация осуществляется за счет платного управления инфраструктурным объектом либо же за счет предоставления на базе объекта платных услуг. Из этого следует, что на территории Евросоюза концессии (в случае частично или полностью концессионного проведения работ или оказания услуг) не подпадают под действие законодательства о публичных тендерах.

Именно из-за такой схемы регулирования процедур тендеров и концессий в различных отраслях европейского права возникла важная, одновременно и управленческая, и юридическая, проблема. Она обусловлена отсутствием правовой ясности норм Европейского союза касательно единого подхода к механизмам

¹ Официальный портал Европейской комиссии: [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/> — с титула экрана.

² Там же.

³ Официальный сайт Европейского союза: [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/index_bg.htm — с титула экрана.

ПЧП. Соответственно, целью упомянутой выше Зеленой книги было профессиональное обсуждение заинтересованными сторонами такого спектра вопросов: определение юридической процедуры отбора органом власти частного партнера; определение процедур инициирования ПЧП со стороны субъекта частной формы собственности; обоснование характера контрактов о публично-частном партнерстве, а также определение процедур внесения изменений в них; возможность наличия и регулирование субконтрактных отношений; обеспечение состязательности между заинтересованными субъектами частной формы собственности в процессе институционализации ПЧП.

Специалисты Европейского союза считают, что в случае инициирования проекта ПЧП органы власти должны быть готовы к решению основной проблемы управления, т. е. к созданию соответствующих стимулов для частной компании с целью выработки желаемого для органа власти продукта, работы или услуги надлежащего качества в требуемые сроки. Эта точка зрения признает тот факт, что заключение партнерского договора между публичной и частной организациями есть результат компромисса между целесообразностью прибыли (наличие которой является основой принятия решений в бизнесе) и социальными приоритетами (основными для органов власти).

В таком важном политическом документе, как «Положение по стратегическому развитию Сообщества» (*Community Strategic Guidelines for Cohesion*, 2007–2013), одобренном 6 октября 2006 г., именно механизм публично-частного партнерства рассматривается как весомый фактор реализации политики сплочения территорий Европейского союза¹. На основе этого документа следует определить основные преимущества использования механизмов ПЧП:

- высокое качество управления проектами и деятельностью в их рамках;

- доступ публичных организаций к управленческим и технологическим навыкам частного сектора, по мнению европейцев, это безоговорочно способствует повышению эффективности услуг, предоставляемых населению;
- частные партнеры разделяют часть рисков, связанных с выполнением проекта. Следует добавить, что в случае проведения традиционной процедуры тендера эти риски возлагались только в сфере ответственности органов власти;
- поскольку лишь частный партнер несет «пакетную» ответственность за проектирование, строительство (модернизацию или реконструкцию), управление и финансирование объекта инфраструктуры (*DBFO*-схема), то тут можно говорить о значительной вероятности повышения общего качества и эффективности услуг.

Особенно важно то, что положения упомянутого выше документа прямо и косвенно содержат предпосылки создания эффективных механизмов партнерства, как-то:

- необходимость создания надлежащего правового поля для управления партнерскими проектами. Причем создание такого поля предусматривается еще до момента заключения контрактов между органами власти и частной компанией;
- обязательность существования реальной политической воли национальных правительств по привлечению в реализацию публичных проектов ресурса частного сектора;
- выработка четких и специфических рамок реализации ПЧП в различных сферах. Прежде всего, должен учитываться фактор срока, необходимого для возмещения затрат проекта через аккумуляцию потребительских оплат;
- приоритет учета социальных задач проекта.

Учитывая проведенное в 2004–2007 гг. расширение ЕС, его руководящими институтами были одобрены рекомендации по значительной финансовой поддержке проектов ПЧП, которые отвечают опре-

¹ Официальный сайт Европейского союза: [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/index_bg.htm — с титула экрана.

деленным критериям, через посредничество Структурных фондов и Фонда сплочения, а также через вовлечение ресурсов Европейского инвестиционного банка и Европейского инвестиционного фонда. При этом сегодня эксперты Евросоюза рекомендуют публичным органам власти применять некий алгоритм выбора между традиционной процедурой тендера и формированием механизмов публично-частного партнерства¹.

По их мнению, построение механизма ПЧП является обоснованным, если: орган власти способен четко определить уровень и критерии качества, которых частный партнер должен придерживаться при реализации контракта; орган власти имеет возможность осуществить как предварительную, так и нормативную (*ex ante* и *ex post*) оценки проекта, реализуемого частным партнером, и сравнить их итоги с предварительно определенными индикаторами. Из этого следует, что обе стороны должны работать в среде системы сбалансированных показателей, что для государственного сектора выражается в применении технологий программно-целевого управления, подразумевающего использование массива индикативных показателей выполнения бюджетных программ.

Именно поэтому механизм ПЧП в Европе не принято применять в отраслях, для которых присущи быстрые или/и резкие изменения индикативной среды (например в секторе информатизации и программирования). Вместе с тем, этот механизм наилучшим образом показал себя в области строительства, реконструкции, модернизации стационарных материальных объектов, где технологические характеристики однозначны, а следовательно, уровень выполнения плановых показателей проекта частным партнером можно оценить с помощью предварительно определенных индикаторов.

Еще одним важным шагом на пути внедрения механизмов ПЧП в Европе стало

обобщение в 2003 г. Европейской комиссией их возможных типов (или моделей)². Следует сказать, что данное изложение было довольно пространным, размытым и неоднозначным. В рамках статьи хотелось бы подытожить и конкретизировать содержание этой позиции:

Модель 1. Контракты на предоставление услуг. Частный партнер организует субподрядные тендеры, предоставляет услуги и содержит объект в течение довольно короткого периода времени. В этот период орган власти несет финансовую, управленческую ответственность и риски. Бесспорно, такая модель подразумевает значительное количество мер контроля со стороны публичного партнера.

Модель 2. Контракт на предоставление услуг и содержание объекта. Частный партнер предоставляет услуги и содержит объект, который находится в государственной (в условиях Украины — в коммунальной) собственности. Он сам формирует свою доходность. При этом орган власти, как и в предыдущей модели, несет финансово-инвестиционные обязательства и риски. Но, по сравнению с предыдущей моделью, здесь компонент контроля усиливается.

Модель 3. Лизинг. Довольно стандартная для Украины модель: частный партнер берет в лизинг объект от органа власти, осуществляет его реконструкцию, модернизацию и/или расширяет сферу его функционирования. Взаимоотношения партнеров — обычные для такого рода правоотношений.

Модель 4. Строительство—эксплуатация—передача. Частный партнер проектирует, строит объект, предоставляет услуги и передает его органу власти после окончания срока действия контракта или в другое, определенное в договорном порядке, время. После такого «трансферта» частный партнер может получить право на дальнейший лизинг объекта. Замечу, что во всех приведенных моделях право собственности объекта не

¹ Официальный сайт Европейского союза: [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/index_bg.htm — с титула экрана.

² Официальный портал Европейской комиссии: [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/> — с титула экрана.

переходит к частному партнеру ни при каких условиях.

Модель 5. Проектирование — строительство — финансирование — эксплуатация. Частный партнер проектирует, строит объект. Характерной особенностью этой модели есть то, что иногда он же является владельцем объекта, предоставляет услуги и управляет им, и он не обязан передавать его в собственность органа власти. Роль публичного партнера состоит в выполнении разрешительных процедур и в беспрепятственном выделении участков под строительство. Как правило, эта модель применяется относительно социально значимых, необходимых для экономического развития объектов. Орган власти и население в этом случае должны быть заинтересованы в функционировании этого объекта на их территории.

Модель 6. Концессия. Наиболее распространенной формой реализации ПЧП в Европе остается модель концессии, при которой частный инвестор проектирует, финансирует, осуществляет строительство объекта, предоставляет услуги. В обмен он приобретает право единолично получать доход от объекта в течение четко определенного периода времени. Как правило, в европейских проектах он составляет 25–30 лет. В то же время объект остается в собственности публичного партнера. Концессии являются наиболее подходящими для строительства дорог, водопроводов, предприятий по сбору и переработке отходов и т. д. Ведь в качестве дохода здесь можно использовать механизм сбора платы с пользователей соответствующими услугами — при этом уровень доходности фактически регулируется самим частным партнером.

Модель 7. При выборе такой формы партнерства, как *Privat Edivestiture* («лишение прав»), объект частично или полностью продается частному партнеру, а орган власти оставляет за собой лишь регуляторную роль (или долю в собственности). Также путем всевозможных ограничений он защищает потребителей услуг от возможной монополизации

цен. В этой модели публичный партнер также может участвовать в формировании уставного капитала, приобретая тем самым права на часть прибыли от реализации этих услуг.

Таким образом, гибкость европейского законодательства по механизмам ПЧП позволяет странам — членам Евросоюза достаточно свободно выбирать наиболее целесообразные, относительно специфики потребностей, модели. Но при этом, как отмечает Европейская комиссия, с целью внедрения механизма ПЧП в различных сферах социально-экономической жизни все страны Сообщества обязаны внести соответствующие изменения на уровне их национального законодательства¹. Изученный материал по этому вопросу позволяет утверждать, что обычно при подписании странами договоров об ассоциации с Евросоюзом правовые нормы требуют пересмотра, если:

- общее законодательство запрещает привлечение к публичным работам или предоставление публичных услуг частным сектором, в частности иностранными компаниями;
- законодательная база не предусматривает механизма возмещения расходов частных компаний или частных предпринимателей;
- национальная экономика обладает низкой способностью предоставления гарантий;
- не урегулированы вопросы собственности на землю и объекты инфраструктуры;
- не урегулирован вопрос денационализации (национализации) земли;
- несовершенна разрешительная система, а также методики планирования и развития территорий;
- лицензионная деятельность не носит цивилизованного характера.

В части координации систем управления ПЧП особенно существенными препятствиями могут стать: возможные внутринациональные правовые коллизии с

¹Официальный портал Европейской комиссии: [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/> — с титула экрана.

директивами Евросоюза; неприемлемые для частного бизнеса формы государственной финансовой поддержки; неоправданно жесткое конкурентно-антимонопольное законодательство; низкий уровень занятости и социального обеспечения наемных работников; ограничения на заимствования публичным сектором. Нельзя не упомянуть и о возможных препятствиях в части адекватности процедур тендера и конкурсного отбора партнеров. К ним отнесены несовершенства таких норм, как: законодательство о собственности; об интеллектуальной собственности; о передаче ноу-хау и технологий; регулирование сделок по реализации проектов.

Могут заметить, что в сегодняшней Украине ряд вышеприведенных позиций решен с оптимальной степенью полноты. Это и возможность предоставления публичных услуг частным сектором, и лицензирование, и возмещение расходов частному сектору; в финальной степени решения находятся проблемы упрощения разрешительных процедур и др. Вместе с тем существует ряд традиционно болезненных вопросов: низкая занятость, мораторий на продажу земли, прогнозная ограниченность в экономике и, как следствие, отсутствие действенных методик планирования развития территорий и т. д.

Таким образом, опыт создания и функционирования механизмов ПЧП в национальных европейских экономиках, уровень их распространения и институционализации в странах Европейского союза — различны. В условиях отсутствия систематизированной правовой базы для регулирования ПЧП общеевропейским законодательством Украине необходимо опираться на лучшие практики, апробированные в отдельных государствах, и таким образом стремиться создавать свою собственную, приемлемую для национальной экономики, модель. Нужно также учесть то, что для распространения лучшего опыта Европейская комиссия предоставляет множество грантов, и их широкое использование позволит Украине существенно уменьшить расходы на формирование право-

вого и институционального механизма такого партнерства.

Итак, обобщение результатов исследования европейской практики внедрения механизмов публично-частного партнерства позволяет предложить следующие рекомендации:

1. При отсутствии длительной и успешной отечественной практики реализации механизмов ПЧП есть смысл опираться на удачные практики, апробированные в наиболее успешных странах Европы.
2. В соответствии с действующим законодательством Украины, соглашение о создании ПЧП должно базироваться исключительно на контрактной базе, согласно которой частному партнеру гарантируется вознаграждение со стороны публичной стороны либо же достаточный уровень доходности в качестве платы пользователей за предоставляемые услуги.
3. Наиболее перспективной для сферы коммунальной инфраструктуры Украины базовой моделью являются контракты на предоставление услуг и содержание объекта: частный партнер предоставляет услуги и содержит объект, который при этом остается в коммунальной собственности; доходы частного партнера зависят исключительно от результативности его предпринимательской деятельности. Местный орган власти несет ответственность за выполнение обязательств, распределенные риски и качество публичных услуг.
4. В обоснование соглашений о создании проекта ПЧП обязательно должны входить предварительно определенные индикаторы, определяющие уровень качества услуг и/или тарифы. Частный партнер должен их неукоснительно придерживаться.

В целом, использование европейского опыта эффективного публично-частного экономического взаимодействия может способствовать удачному применению механизмов, идеологии и принципов ПЧП в Украине — как на общегосударственном, так и на местном уровнях.

Публикации журнала «Управленческое консультирование» в 2013 г.

ВНЕ РАЗДЕЛА

- Квинт В. Л.* Идея ноосферы Вернадского и закономерности, предопределяющие формирование глобального ноосферного миропорядка XXI в. № 5, с. 13
- Фелпс Э.* Меньше инноваций, больше неравенства № 5, с. 9
- Фелпс Э.* Нашел работу по душе? Скажи спасибо своей стране! № 9, с. 7
- Шамахов В. А.* В фокусе евразийских инноваций № 10, с. 7

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- Васецкий А. А., Кудakov А. С.* Борьба с коррупцией в России: попытка концептуального подхода № 1, с. 8
- Голянич В. М., Кудрявцева Е. И.* Инновационные технологии в кадровом менеджменте № 2, с. 5
- Каранатова Л. Г., Македошина Н. А.* Развитие системы ответственности в сфере публичного управления № 1, с. 14
- Ковальчук В. Г.* Современные механизмы государственного регулирования в Украине № 12, с. 21
- Кудрявцева Е. И.* Индивидуальная управленческая концепция: феноменология и методика оценки управленческого усилия № 12, с. 8
- Кудрявцева Е. И.* Менеджмент компетенций в системе государственной гражданской службы № 6, с. 22
- Кудрявцева Е. И.* Психология управленческой эффективности в условиях распределенного управления № 9, с. 22
- Кудрявцева Е. И.* Экспертная оценка управленческой компетентности: проблемы ассессмента № 11, с. 14
- Куклина Е. А.* Государственная поддержка инноваций в контексте модели национального менеджмента № 9, с. 11
- Кучерявый М. М.* Роль России в международно-правовом обеспечении международной информационной безопасности № 3, с. 5
- Лабудин А. В., Василенко В. А.* К вопросу о совершенствовании системы подготовки и переподготовки кадров для государственной и муниципальной службы № 8, с. 7
- Макаров И. И.* Принципы проведения правовых экспериментов в организации местной власти: взгляды советских юристов № 1, с. 22

<i>Остапенко О. Н., Левкин И. М.</i> Особенности организации инновационной деятельности в Министерстве обороны Российской Федерации	№ 11, с. 7
<i>Подкорытова И. В., Еников К. К., Голянич В. М.</i> Организация аттестации персонала в фармацевтической компании	№ 7, с. 17
<i>Шамахов В. А., Суслов А. Ю., Суслов Ю. Е.</i> Предпринимательство в контексте устойчивого развития в государственном управлении и научно-образовательной сфере	№ 7, с. 7
<i>Шаповал В. А., Голянич В. М.</i> Инновационная технология психодинамической оценки компетенций персонала	№ 5, с. 20
<i>Шаповал В. А., Голянич В. М.</i> Обоснование инновационной технологии оценки персонала	№ 4, с. 13
<i>Шаповал В. А., Голянич В. М.</i> Инновационная технология психодинамической оценки компетенций персонала	№ 6, с. 7

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

<i>Акопов S. V.</i> The Symbols of Sochi 2014: the Skyline of New Russian Political Identity	№ 4, с. 52
<i>Акопов С. В.</i> Между национальным и универсальным: Америка и Россия в политической мысли М. Н. Эпштейна	№ 2, с. 24
<i>Акопов С. В.</i> Национальная идентичность и инновационная символическая политика Сочи–2014	№ 4, с. 57
<i>Акопов С. В.</i> Россия и Европа в политической философии М. К. Мармашвили	№ 1, с. 38
<i>Акопов С. В.</i> Сетевая философия и трансформация идентичности личности	№ 12, с. 42
<i>Алехина И. С.</i> Правовой статус членов избирательных комиссий, комиссий референдума, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях	№ 7, с. 39
<i>Астахова Ю. А.</i> Парламентаризм и политическая модернизация в России: между историческим традиционализмом и демократическим транзитом	№ 1, с. 61
<i>Атнашев В. Р.</i> Автономизация как средство урегулирования современных этнополитических конфликтов	№ 12, с. 35
<i>Атнашев В. Р., Овчинников В. А.</i> Индийский национализм и экстремизм: опыт для России (политико-правовые аспекты)	№ 2, с. 17
<i>Атнашев В. Р., Ворд К.</i> Терроризм в Индонезии: международно-правовые и политические аспекты	№ 5, с. 42
<i>Барабанов А. А.</i> О перспективах развития профсоюзного движения в современной России	№ 2, с. 33
<i>Бахарева Н. В., Плотников В. А.</i> Перспективы политической интеграции в Евразийском регионе в контексте региональных международных процессов	№ 3, с. 18

<i>Волков В. А., Иванов Д. Ю.</i> Независимая политическая аналитика и экспертиза в современной России: идеологическое измерение	№ 3, с. 12
<i>Гнатюк Т. О.</i> Проблемы интеграции беженцев в украинское общество	№ 1, с. 68
<i>Егорова М. А.</i> Принципы построения группы лиц в антимонопольном законодательстве	№ 9, с. 33
<i>Игнатьев А. С.</i> Виды (формы) усмотрения в отечественной правовой теории и проблемы его классификации при осуществлении судопроизводства в Конституционном суде Российской Федерации	№ 4, с. 62
<i>Каширская А. В.</i> Проблема миграции в приграничном сотрудничестве России и Китая	№ 4, с. 69
<i>Кириленко В. П., Фирсов В. В.</i> Международно-правовое противодействие коррупции на современном этапе	№ 6, с. 32
<i>Коростелев С. В.</i> Об эпифеноменальном характере международного права	№ 12, с. 29
<i>Краснолуцкий Г. Н.</i> Горизонты российской демократии	№ 5, с. 50
<i>Крыжова М. И.</i> Глобализация как результат и стимул институционализации	№ 11, с. 33
<i>Куклина Е. А., Федорков А. И., Чжу Сяоцин, Сунь Юйсю, Се Тяньчэн.</i> Налоговая политика стимулирования инновационной деятельности организаций в России и Китае: этапы разработки и проблемы реализации	№ 6, с. 48
<i>Куклина Е. А., Чжу Сяоцин, Сунь Юйсю, Се Тяньчэн.</i> Налоговая политика стимулирования инновационной деятельности организаций в России и Китае: вектор решения проблем и перспективы развития	№ 7, с. 26
<i>Кучерявый М. М.</i> Проблемы международной безопасности в контексте современной политической науки	№ 11, с. 23
<i>Левкин И. М., Шацкая В. И.</i> Применение метода фреймовых сценариев при прогнозировании внешнеполитической обстановки на примере размещения элементов ПРО США в Европе	№ 1, с. 29
<i>Овчинников В. А.</i> Влияние дробления принципа суверенитета на основополагающие принципы отраслей права	№ 6, с. 40
<i>Овчинников В. А.</i> Декларация о государственном суверенитете РСФСР и ее правовая оценка	№ 5, с. 37
<i>Овчинников В. А.</i> Суверенитет как государственно-правовое явление	№ 4, с. 28
<i>Овчинников В. А., Демидов Д. Г.</i> Актуальные проблемы законодательного регулирования содержания автомобильных дорог общего пользования регионального значения	№ 3, с. 25
<i>Орлова И. А.</i> Правовое регулирование досудебного порядка разрешения споров, связанных с торговым мореплаванием	№ 11, с. 42
<i>Пешперова И. Ю.</i> Современные аспекты международно-правового регулирования иностранного усыновления	№ 8, с. 16
<i>Пешперова И. Ю.</i> Юридические последствия решений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации	№ 9, с. 48

<i>Попов С.А.</i> Обоснование подхода к управлению государственно-управленческими нововведениями	№ 4, с. 46
<i>Пундык Н.В.</i> Принципы институционализации регионального самоуправления в Украине	№ 9, с. 40
<i>Сагалова А.Л.</i> Лига Наций во внешней политике Великобритании (1929–1931 гг.)	№ 1, с. 54
<i>Сагалова А.Л.</i> Международные организации во внешней политике России: опыт «опоздавшей» великой державы	№ 9, с. 55
<i>Соснило А.И., Майорова Е.Ю.</i> Роль государства в обеспечении информационной безопасности РФ и формировании культурных ценностей и ориентиров в молодежной среде и сохранении традиционных ценностей старшего поколения	№ 1, с. 48.
<i>Цинченко Г.М.</i> Политика в отношении детей, оставшихся без попечения родителей	№ 9, с. 62
<i>Ширяев Б.А., Богуславская Ю.К.</i> НАТО во внешнеполитической стратегии США: перспективы превращения Организации Североатлантического договора в политический форум	№ 4, с. 37

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Исаев А.П., Гуркина Н.К.</i> К вопросу о культурно-исторических основах Таможенного союза	№ 12, с. 52
<i>Шамахов В.А.</i> Развитие образования как значимая геополитическая проблема	№ 12, с. 47

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

<i>Аксенова О.А., Иванова Д.В.</i> Моделирование социально-экономического развития районов Республики Саха (Якутия) методом главных компонент	№12, с. 61
<i>Блинов А.О., Яновский В.В.</i> Российский экономический кризис: нравственный аспект	№ 3, с. 43
<i>Вахмистров А.И., Родионов А.П.</i> Развитие городской среды Санкт-Петербурга в современных экономических условиях	№ 11, с. 65
<i>Вахмистров А.И., Родионов А.П.</i> Системный подход к развитию малого и среднего предпринимательства	№ 3, с. 59
<i>Волкова А.А.</i> Организационно-экономические особенности предприятий сферы сервиса	№ 3, с. 64
<i>Волкогон В.А., Кострикова Н.А., Яфасов А.Я.</i> Возвращение России в Мировой океан и проблемы рыболовства	№ 3, с. 36
<i>Волкогон В.А., Кострикова Н.А., Яфасов А.Я.</i> Морские предпринимательские университеты для новой экономики России	№ 4, с. 87
<i>Жиряева Е.В.</i> Финансовая поддержка экспорта в Российской Федерации	№ 2, с. 50

<i>Жиряева Е. В., Дариева Ю. Ц., Банзаров Д. Ц.</i> Анализ особенностей внешней торговли приграничных субъектов России	№ 7, с. 66
<i>Ильин А. С., Махнев Д. В., Яновский В. В.</i> Благоприятный инновационный климат региона — проектный подход	№ 8, с. 31
<i>Казаков К. В., Носачевская Е. А.</i> Роль информационно-коммуникационных технологий в решении актуальных вопросов научного обеспечения экономики региона	№ 9, с. 91
<i>Карлик А. Е., Комаров А. Г.</i> Промышленная политика, кризис и посткризисное развитие промышленности Санкт-Петербурга	№ 1, с. 77
<i>Кимельман С. А., Куклина Е. А.</i> Система платного недропользования в России: современное состояние и перспективы развития	№ 4, с. 95
<i>Косов Ю. В., Халин В. Г.</i> Об определении нормативных затрат на оказание образовательных государственных услуг в системообразующих вузах России	№ 5, с. 67
<i>Кузнецов С. В., Межевич Н. М.</i> Европейская и постсоветская экономическая интеграция: тенденции развития к 2013 г.	№ 5, с. 58
<i>Куклина Е. А., Бритько А. С.</i> К проблеме оценки и выбора оптимального проекта инновационного развития организации	№ 8, с. 47
<i>Куклина Е. А., Федорков А. И.</i> Система инновационно направленных налоговых льгот как элемент экономической политики государства	№ 2, с. 39
<i>Курбанов А. Х., Кузнецов Е. А., Тришункин В. В.</i> Проблемы внедрения концепции логистизации в системах материально-технического обеспечения и пути их решения	№ 6, с. 72
<i>Курзенов В. А., Лычагина Е. Б.</i> Стохастическое моделирование динамики экономической системы	№ 5, с. 78
<i>Лабудин А. В., Галстян Г. С.</i> Актуальные проблемы реформирования бюджетных организаций в РФ	№ 9, с. 77
<i>Лабудин А. В., Галстян Г. С.</i> Формирование автономных учреждений как направление реформирования системы бюджетных организаций в Российской Федерации	№ 8, с. 38
<i>Луцет М. О.</i> Синергетический подход к моделированию инвестиционного процесса	№ 9, с. 70
<i>Мамонов С. А.</i> Стоимостной подход к планированию целевых показателей развития ресурсного потенциала государственного здравоохранения	№ 9, с. 97
<i>Мартынов С. Д.</i> Модернизация и социальный капитал России	№ 1, с. 85
<i>Миропольский Д. Ю., Пшеничникова С. Н.</i> Управление экономикой: дилемма регуляторов и стимулов	№ 11, с. 50
<i>Мишальченко Ю. В., Торопыгин А. В., Белоусов С. Н.</i> О сотрудничестве государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства с Европейским союзом	№ 5, с. 84
<i>Муравьева К. Н.</i> Инвестиции в человеческий капитал	№ 1, с. 93

<i>Назарова В. В., Михалев С. В.</i> Потенциальные возможности зернового рынка России	№ 11, с. 71
<i>Плотников В. А.</i> Социальная поддержка в образовании в контексте управления человеческим капиталом	№ 8, с. 23
<i>Плотников В. А., Медведь А. А.</i> Привлечение иностранного капитала в Россию: институциональные проблемы и экономическая безопасность	№ 3, с. 51
<i>Рассказова А. Н.</i> Эволюция развития российского банковского менеджмента	№ 7, с. 58
<i>Савченко Л. С., Куюков А. В.</i> Содержание и характеристики ключевых факторов стратегического управления предпринимательскими структурами	№ 7, с. 47
<i>Трещевский Ю. И., Литвинов А. А.</i> Предпринимательская деятельность в регионах России — состояние и тенденции в посткризисный период	№ 6, с. 61
<i>Тургаев С. А.</i> Оценка влияния инноваций на увеличение стоимости организации	№ 2, с. 57
<i>Филатова О. Г., Чугунов А. В.</i> Электронное взаимодействие между обществом и властью: формирование концепции и практика реализации в России	№ 8, с. 57
<i>Шумилов М. М.</i> Новые задачи евразийской интеграции в условиях глобального экономического кризиса	№ 5, с. 89
<i>Шумилов М. М., Исаев А. П., Гуркин А. Б.</i> Проблема расширения Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС	№ 4, с. 75
<i>Яхнюк А. С.</i> Экономическая безопасность регионов России в контексте присоединения к Всемирной торговой организации	№ 3, с. 72

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

<i>Акопов С. В.</i> Цивилизация и империя как способ воображения культурно-политического сообщества в концепциях В. Л. Цымбурского и В. К. Кантора	№ 8, с. 73
<i>Александров В. Б.</i> Катастрофизация общественного сознания: современная ситуация и отечественная культурная традиция	№ 3, с. 77
<i>Арташкина Т. А.</i> Проблема чистоты педагогического эксперимента в условиях модернизации российского образования	№ 12, с. 75
<i>Бахарева Н. В., Плотников В. А.</i> Феномены доверия и недоверия в международных отношениях	№ 5, с. 121
<i>Безлепкин Н. И.</i> Дискурс управления	№ 4, с. 109
<i>Белов В. Г., Парфенов Ю. А.</i> Здоровье подростка как системное личностное качество	№ 6, с. 109

<i>Бирюкова Г. М.</i> Психолого-акмеологические аспекты становления профессионально-коммуникативной компетентности преподавателя	№ 6, с. 104
<i>Васильев Л. И.</i> Развивающийся образовательный процесс в вузе как проявление активного взаимодействия внутренней и внешней сред	№ 6, с. 122
<i>Вилижинский В. Н.</i> Украинский патернализм как идейно-сущностная основа национального управления	№ 7, с. 99
<i>Виноградова О. А.</i> Из истории становления института разрешения индивидуальных трудовых споров в России	№ 3, с. 95
<i>Габуев А. Р.</i> К вопросу о статусе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав	№ 9, с. 152
<i>Гагонин С. Г.</i> Психические напряжения и перенапряжения в личностно-профессиональной акме-деятельности человека	№ 8, с. 68
<i>Гагонин С. Г.</i> Самовоспитание в процессе психофизической подготовки управленца	№ 12, с. 70
<i>Гагонин С. Г.</i> Уровни управления в организме и поведении человека (управленца)	№ 4, с. 117
<i>Гареева В. Г.</i> Связи с общественностью в формировании культуры межнациональной коммуникации современной молодежи	№ 2, с. 89
<i>Голянич В. М., Бондарук А. Ф., Глазырин А. А.</i> Ценностные противоречия как психодиагностические критерии интенциональной компетентности	№ 11, с. 92
<i>Гришина И. В.</i> Обзор международного и российского опыта разработки критериев и показателей эффективности деятельности образовательных учреждений	№ 3, с. 87
<i>Десятниченко О. Ю.</i> Моделирование принятия инвестиционно-инновационных решений	№ 7, с. 93
<i>Дюметц Ж., Сосновская А. М.</i> Кросс-культурная коммуникация	№ 8, с. 83
<i>Евдонин Г. А., Мамедова С. С.</i> Модель управления качеством образования	№ 9, с. 116
<i>Евдонин Г. А., Попова Е. Н., Тагильцева Е. И.</i> Моделирование систем массового обслуживания с взаимопомощью каналов	№ 1, с. 109
<i>Заиченко Н. А.</i> Институциональные предпосылки образовательных политик	№ 5, с. 113
<i>Иваненков С. П., Кусжанова А. Ж.</i> Отношение студентов Санкт-Петербурга к общественной жизни	№ 9, с. 106
<i>Иваненков С. П., Кусжанова А. Ж.</i> Мотивация и условия профессионального выбора у студентов Санкт-Петербурга	№ 6, с. 80
<i>Измайлов А. Ф.</i> О защите интересов журналистов (из практики работы профсоюзных журналистских организаций Норвегии и Хорватии)	№ 4, с. 126
<i>Исаев А. П., Гуркина Н. К.</i> Российская историография: проблемы сохранения культурного наследия	№ 11, с. 83

<i>Карастелев Б. Я., Шалаев М. И.</i> Социально ориентированный механизм предоставления земельных участков под жилищное строительство (на примере Приморского края)	№ 9, с. 135
<i>Кашина М. А.</i> Гендерный подход к государственному управлению: российское измерение	№ 9, с. 126
<i>Кашина М. А.</i> Использование гендерного ресурса развития как социальная инновация в государственном управлении	№ 12, с. 84
<i>Клюев А. В., Кузнецов П. К.</i> Тенденции и барьеры управления массовым спортом в современной России (на материалах экспертного опроса)	№ 2, с. 68
<i>Колесников В. Н.</i> Сетевые структуры политической активности в современном российском обществе	№ 1, с. 99.
<i>Косов Ю. В., Торопыгина А. А.</i> К вопросу становления евразийской интеграции: политико-экономический аспект	№ 2, с. 62
<i>Кутейников А. Н.</i> Психологический портрет и социальные ожидания высокопродуктивного преподавателя вуза	№ 6, с. 117
<i>Ломакин А. А.</i> Принятие решений в региональной системе оказания адресной социальной поддержки	№ 8, с. 102
<i>Лукин С. С.</i> Феномен картелизации СМИ в современной Японии	№ 4, с. 128
<i>Максимов А. В.</i> Анализ правовых особенностей направления средств материнского капитала на получение образования ребенком в высшем учебном заведении	№ 2, с. 77
<i>Максимов А. В.</i> Внесение изменений в действующую нормативно-правовую базу как элемент модернизации механизма обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации в Российской Федерации	№ 9, с. 140
<i>Морозова Л. В., Кирьянова Л. А.</i> Фитнес как средство формирования у студентов моделей гендерного поведения и здорового образа жизни	№ 6, с. 128
<i>Ординарцев И. И.</i> Влияние деловой среды на книгоиздание в России	№ 7, с. 86
<i>Ординарцев И. И.</i> Ключевые факторы успеха издательской деятельности в России	№ 8, с. 91
<i>Ординарцев И. И.</i> Риски развития книгоиздательской деятельности в России	№ 11, с. 104
<i>Пожарский И. Ю., Цацулин А. Н.</i> Проблемы энергосбережения в региональном агропромышленном комплексе	№ 7, с. 74
<i>Рыбакова М. Г.</i> Международный аспект культурной политики. Опыт России и зарубежных стран	№ 1, с. 115
<i>Сергевнин С. Л.</i> Реализация и охрана Конституции: некоторые структурно-функциональные характеристики	№ 5, с. 102
<i>Соснило А. И., Яковлева Н. В.</i> Общие этические нормы и ценности Германии и России как основа межрегионального сотрудничества	№ 12, с. 92

- Смех А. Г.* Перспективы повышения результативности функционирования инновационной системы мегаполиса № 12, с. 99
- Суслов А. Ю.* Прагматическая модель предпринимательской деятельности университета № 8, с. 97
- Федосеева К. П.* Проблемы сохранения специального порядка взыскания недоимок (пени, штрафа) с бюджетных учреждений нового типа и автономных учреждений № 11, с. 114
- Шпекторенко И. В.* Социальные лифты в структуре социальной мобильности индивида № 6, с. 93
- Юрьева Н. Н.* Развитие критического мышления будущих государственных служащих в акме-процессе обучения № 7, с. 81

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- Александров В. Б.* Гуманизм в зеркале русской философии № 8, с. 108
- Александров В. Б., Кольцова А. А.* Идея человеческого ранга в философии И. А. Ильина № 12, с. 108
- Алякринская М. А.* Власть, общество и искусство: к проблеме культурной нормы № 1, с. 150
- Алякринская М. А.* Культурный и идеологический факторы в решении «проблемы танца» в 1920-е гг. № 2, с. 96
- Бажуков В. И.* Культурный поворот в исследовании войны в России № 9, с. 159
- Белобородова И. Н.* Региональная структура государственного управления природопользованием Европейского Севера России в середине XIX — начале XX в. № 1, с. 138
- Ежов М. В.* Выборы в местные советы Ленинграда накануне Великой Отечественной войны и их роль в судьбе города в военный период № 11, с. 123
- Измайлов А. Ф.* Русская неделя в Друскининкае № 9, с. 167
- Карнаух В. К.* Война в традиционном обществе: антропологический подход № 1, с. 124
- Кугай А. И.* Пространство репрессивной логократии № 1, с. 132
- Лимонов В. А.* Философские и культурологические аспекты исторического процесса в размышлениях немецких романтиков (на примере взглядов Ф. Шлегеля и Новалиса) № 7, с. 108
- Лушин А. И.* О некоторых особенностях становления системы ГУЛАГа (на примере Учреждения ЖХ-385) № 12, с. 121
- Лушин А. И.* Советское государство и права человека в СССР: ретроспективный анализ эмиграционной политики 1960–1980-х гг. № 5, с. 127
- Питулько Г. Н.* Из истории вечевого строя Новгорода и Пскова № 11, с. 128
- Плотникова А. В.* Специфика взаимодействия российских и болгарских политических элит в процессе воссоздания государственности Болгарии в конце XIX в. № 5, с. 136

<i>Сагалова А. Л.</i> Парламентская демократия и международная организация во взглядах британских лейбористов (1914–1945 гг.)	№ 8, с. 122
<i>Стецкевич Е. С.</i> Выборы в органы местного самоуправления в период буржуазных реформ Александра II	№ 11, с. 142
<i>Стецкевич Е. С.</i> Коронации российских императоров XVIII в. и их отражение в изобразительном искусстве	№ 12, с. 127
<i>Таирова Н. М.</i> Три этюда толерантности в либерализме Макса Штирнера	№ 11, с. 135
<i>Тот Ю. В.</i> Реорганизация полиции в проекте Административно-полицейской реформы 1870 г.	№ 12, с. 114
<i>Чимаров С. Ю.</i> Попечительская деятельность обер-священника армии и флота И. С. Державина (1807–1826) по совершенствованию системы подготовки военного и морского духовенства Российской империи	№ 3, с. 106
<i>Шишкина Л. И.</i> Проблема национальной идентификации и культуры в работах Д. В. Философова	№ 8, с. 114

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Зверинцев А. Б.</i> Солдаты слова в битве за Ленинград	№ 7, с. 121
<i>Косов Ю. В.</i> Рецензия на монографию «Коррупция и государство. „Черная дыра“ экономики России»	№ 1, с. 158
<i>Плотников В. А., Шамахов В. А.</i> Стратегическое управление: глобальный подход	№ 5, с. 157
<i>Рябухин П. П., Сагалова А. Л.</i> Интеграция и международные организации на постсоветском пространстве	№ 2, с. 105
<i>Стельмашонок Е. В., Матвеев В. В., Чудаков О. Е.</i> Подготовка бизнес-аналитиков по эконометрике	№ 7, с. 124

A LINEA

<i>Акопян Д. А.</i> Роль и статус русского языка как показатель эволюции украинской политической системы	№ 5, с. 143
<i>Асотова А. В.</i> Модернизационный потенциал местных органов власти России в области рекрутирования политико-административной элиты	№ 11, с. 154
<i>Васильева М. Н.</i> Определение основных научных подходов к эволюции теории инноваций	№ 7, с. 115
<i>Вовченко С. Д.</i> Организационно-правовой механизм защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в Украине	№ 12, с. 147
<i>Даниленко С. А.</i> Создание модели государственно-частного партнерства в развитии цифрового вещания Украины как необходимое условие информационной открытости органов государственной власти и местного самоуправления	№ 12, с. 140
<i>Ерпылов А. А.</i> Обоснование необходимости внедрения методов бюджетирования в практику работы учреждений здравоохранения	№ 5, с. 153

<i>Ивагин Д. А.</i> Инструментарий функционирования саморегулируемых организаций	№ 11, с. 150
<i>Иванов Н. Н., Ковалев Н. В.</i> Развитие яхтенного туризма в Санкт-Петербурге и Ленинградской области	№ 11, с. 181
<i>Калиновский В. А.</i> Управление бизнес-процессами как особыми ресурсами организации	№ 12, с. 134
<i>Костина А. О., Селедков Д. С.</i> Совершенствование управления загруженностью должностных лиц таможенных постов посредством автоматизации контроля таможенной стоимости	№ 11, с. 173
<i>Кулев А. Ю.</i> Динамика инновационных процессов в регионах Северо-Западного федерального округа	№ 8, с. 135
<i>Куюков А. В.</i> Роль ключевых факторов стратегического управления в компании ООО «Атлант»	№ 11, с. 161
<i>Макаров А. Н.</i> Актуальные проблемы управления производственными активами в электроэнергетике	№ 9, с. 169
<i>Петрова А. С.</i> Роль местного самоуправления в формировании гражданской культуры российского общества	№ 8, с. 129
<i>Сердюкова Е. Е.</i> Органы местного самоуправления как субъекты управления инновационным развитием территорий в Украине	№ 9, с. 176
<i>Тюнин Д. К.</i> Формирование системы управления запасами муниципальной аптеки	№ 6, с. 134
<i>Федоров К. М.</i> Ближневосточный вектор внешней политики Великобритании в начале XXI в.	№ 4, с. 133
<i>Шандрик В. И.</i> Европейская практика функционирования механизмов публично-частного партнерства	№ 12, с. 154
<i>Щедрин А. В.</i> Франчайзинг как механизм интеграции пропульсивного кластера в экономику региона	№ 5, с. 147

ЕВРАЗИЯ: ПОЛИТИКА, БЕЗОПАСНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Акаев А. А.</i> Проблемы, движущие силы и перспективы евразийской интеграции	№ 10, с. 31
<i>Зверев П. Б.</i> Направления позиционирования в мире Евразийского экономического союза	№ 10, с. 16
<i>Ивашов Л. Г.</i> Международная безопасность: вчера и сегодня	№ 10, с. 24
<i>Кротов М. И.</i> К вопросу о социально-экономических корнях международного терроризма	№ 10, с. 9
<i>Кучерявый М. М.</i> Роль России в мировом сообществе и укрепление безопасности в Евразийском регионе	№ 10, с. 37
<i>Морозевич А. Н.</i> Система совместной подготовки управленческих кадров для единого экономического пространства	№ 10, с. 20
<i>Торопыгин А. В.</i> Инновационная система Евразийского экономического сообщества	№ 10, с. 50
<i>Хань Лихуа.</i> Воплотится ли в жизнь замысел о Евразийском союзе?	№ 10, с. 44

ЕВРАЗИЙСКИЙ РЕГИОН: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Анискин А. А.* Евразийский дискурс российской внешней политики: концептуальные ценностно-правовые составляющие № 10, с. 54
- Ачкасова В. А.* Постсоветский ландшафт 2010-х: зоны интересов и «центры силы» № 10, с. 63
- Баранов Н. А.* Евразийская интеграция в контексте формирования политических режимов № 10, с. 71
- Васильева Н. А., Лагутина М. Л.* Концепт «Евразийский экономический союз» как новая интеграционная парадигма № 10, с. 78
- Грибанова Г. И.* Влияние международных конфликтов на процессы евразийской интеграции № 10, с. 94
- Косов Ю. В., Фролов В. Е.* Интеграционные процессы Евразийского региона: анализ основных этапов № 10, с. 101
- Ланко Д. А.* Политическое лидерство и демократизация: Азербайджан и проблема демократической преемственности № 10, с. 111
- Плотников В. А.* Тенденции в развитии процессов политической интеграции в Евразийском регионе: теоретико-методологический аспект № 10, с. 120
- Сагалова А. Л.* Принцип многофункциональности в деятельности региональных международных организаций № 10, с. 127
- Шамахов В. А., Вовенда А. В.* Роль молодежной политики в развитии интеграционных процессов в Евразийском регионе № 10, с. 90
- Шумилов М. М., Исаев А. П., Гуркин А. Б.* Европейская перспектива и евразийская альтернатива Украины в преддверии вильнюсского саммита «Восточного партнерства» № 10, с. 132

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» включен ВАК Минобрнауки РФ в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН. Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование и реферирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ♦ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
 - ♦ две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
 - **сведениями об авторах** (на русском и английском языках), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ♦ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ♦ **ключевыми словами на русском и английском языках**.
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - ♦ номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ♦ шрифт — Times New Roman;
 - ♦ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, междустрочный интервал — 1;
 - ♦ основной текст — 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5;
 - ♦ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ♦ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ♦ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ♦ краткий реферат на русском языке;
 - ♦ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ♦ ключевые слова на русском языке;
 - ♦ ключевые слова на английском языке;
 - ♦ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ♦ абзацный отступ — 1,25 (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ♦ расстановка переносов не применяется;
 - ♦ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста вниз полосы документа;
 - ♦ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ♦ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным кеглем, не допускаются);
 - ♦ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
 - ♦ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
 - ♦ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ♦ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место

издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (количество страниц либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;

- ♦ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой;
- ♦ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор.

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М.: Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

♦ *Монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ *Статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.

♦ *Публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. / пер. с англ. М.: ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М.: Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ *Статьи в научных журналах:*

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координации

онного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
2. Шамахов В.А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства: [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде»: [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2013. № 12 (60)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Л. И. ПОЛЯХ

Заведующий отделом научной периодики
Е. В. АНТОНОВА

Ведущий специалист отдела научной периодики
И. К. ХАНУХОВА

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

Сдано в набор 14.12.2013 г.
Подписано к печати 29.12.2013.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,19. Тираж 650 экз.
Заказ № 12/13.

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 12971

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8 линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97